

Адольф Гитлер

*Избранные
речи*

B. Jacobs
1933

by Helmut

Содержание

Прокламация рейхсканцлера А. Гитлера для армии от 1 сентября 1939	4
Речь рейхсканцлера А. Гитлера в Рейхстаге от 1 сентября 1939	5
Выступление Гитлера на совещании командующих составных частей вермахта 23 ноября 1939 г.	10
Радиообращение рейхсканцлера А. Гитлера к нации по случаю объявления войны Советскому Союзу 22 июня 1941 года	17
Радиообращение рейхсканцлера А. Гитлера к нации по случаю открытия кампании Зимней помощи от 3 октября 1941 года	25
Речь рейхсканцлера А. Гитлера в Рейхстаге по случаю объявления войны Соединённым Штатам Америки от 11 декабря 1941	35
Радиообращение к нации рейхсканцлера А. Гитлера от 30 сентября 1942 года	54
Речь рейхсканцлера А. Гитлера в Мюнхене от 8 ноября 1942	68
Радиообращение рейхсканцлера А. Гитлера по случаю 12-ой годовщины национал-социалистического режима от 30 января 1945	85
Политическое завещание Адольфа Гитлера 29 апреля 1945	89

Прокламация рейхсканцлера А. Гитлера для армии

1 сентября 1939

Польское государство отказалось от мирного урегулирования конфликта, как хотел этого я, и взялось за оружие. Немцы в Польше подвергаются кровавому террору и изгоняются из их домов. Несколько случаев нарушений границы, которые нестерпимы для великого государства, доказывают, что Польша не намерена с уважением относиться к границам Империи.

Чтобы прекратить это безумие, у меня нет другого выхода, кроме как отныне и впредь силе противопоставить силу. Германская армия будет сражаться за честь и жизнь возрождённой Германии без колебаний. Я рассчитываю, что каждый солдат, верный вечным германским воинским традициям, будет всегда помнить, что он является представителем национал-социалистической великой Германии.

Да здравствует наш народ и наша Империя!

Речь рейхсканцлера А. Гитлера в Рейхстаге

1 сентября 1939

Депутаты германского Рейхстага!

В течение долгого времени мы страдали от ужасной проблемы, проблемы созданной Версальским диктатом, которая усугублялась, пока не стала невыносимой для нас. Данциг был — и есть германский город. Коридор был — и есть германский. Обе эти территории по их культурному развитию принадлежат исключительно германскому народу. Данциг был отнят у нас, Коридор был аннексирован Польшей. Как и на других германских территориях на востоке, со всеми немецкими меньшинствами, проживающими там, обращались всё хуже и хуже. Более чем миллион человек немецкой крови в 1919-20 годах были отрезаны от их родины.

Как всегда, я пытался мирным путём добиться пересмотра, изменения этого невыносимого положения. Это — ложь, когда мир говорит, что мы хотим добиться перемен силой. За 15 лет до того, как национал-социалистическая партия пришла к власти, была возможность мирного урегулирования проблемы. По своей собственной инициативе я неоднократно предлагал пересмотреть эти невыносимые условия. Все эти предложения, как вы знаете, были отклонены — предложения об ограничении вооружений и, если необходимо, разоружении, предложения об ограничении военного производства, предложения о запрещении некоторых видов современного вооружения. Вы знаете о предложениях, которые я делал для восстановления германского суверенитета над немецкими территориями. Вы знаете о моих бесконечных попытках, которые я предпринимал для мирного урегулирования вопросов с Австрией, потом с Судетской областью, Богемией и Моравией. Все они оказались напрасны.

Невозможно требовать, чтобы это невозможное положение было исправлено мирным путём, и в то же время постоянно отклонять предложения о мире. Так же невозможно говорить, что тот, кто жаждет перемен для себя, нарушает закон — ибо Версальский диктат — не закон для нас. Нас заставили подписать его, приставив пистолет к виску, под угрозой голода для миллионов людей. И после этого этот документ, с нашей подписью, полученной силой, был торжественно объявлен законом.

Таким же образом я пробовал решить проблему Данцига, Коридора, и т.д., предлагая мирное обсуждение проблем. То, что проблемы быть решены, ясно. Нам также ясно, что у западных демократий нет времени и нет интереса решать эти проблемы. Но отсутствие времени — не оправдание безразличия к нам. Более того, это не может быть оправданием безразличия к тем, кто страдает больше всего.

В разговоре с польскими государственными деятелями я обсуждал идеи, с которыми вы знакомы по моей последней речи в Рейхстаге. Никто не может сказать, что это было невежливо, или, что это было недопустимое давление. Я, естественно, сформулировал наконец германские предложения. Нет на свете ничего более скромного и лояльного, чем эти предложения. Я хотел бы сказать всему миру, что только я мог сделать такие предложения, потому что знал, что, делая такие предложения, я противопоставляю себя миллионам немцев. Эти предложения были отвергнуты. Мало того, что ответом сначала была мобилизация, но потом и усиление

террора и давления на наших соотечественников и с медленным выдавливанием их из свободного города Данцига — экономическими, политическими, а в последние недели — военными средствами.

Польша обрушила нападки на свободный город Данциг. Более того, Польша не была готова уладить проблему Коридора разумным способом, с равноправным отношением к обеим сторонам, и она не думала о соблюдении её обязательств по отношению к нацменьшинствам.

Я должен заявить определённо: Германия соблюдает свои обязательства; нацменьшинства, которые проживают в Германии, не преследуются. Ни один француз не может встать и сказать, что какой-нибудь француз, живущий в Сааре, угнетён, замучен, или лишен своих прав. Никто не может сказать такого.

В течение четырех месяцев я молча наблюдал за событиями, хотя и не прекращал делать предупреждения. В последние несколько дней я ужесточил эти предупреждения. Три недели назад я проинформировал польского посла, что, если Польша продолжит посылать Данцигу ноты в форме ультиматумов, если Польша продолжит свои притеснения против немцев, и если польская сторона не отменит таможенные правила, направленные на разрушение данцигской торговли, тогда Рейх не останется праздным наблюдателем. Я не дал повода сомневаться, что те люди, которые сравнивают Германию сегодняшнюю с Германией прежней, обманывают себя.

Была сделана попытка оправдать притеснения немцев — были требования, чтобы немцы прекратили провокации. Я не знаю, в чём заключаются провокации со стороны женщин и детей, если с ними самими плохо обращаются и некоторые были убиты. Я знаю одно — никакая великая держава не может пассивно наблюдать за тем, что происходит, длительное время.

Я сделал еще одно заключительное усилие, чтобы принять предложение о посредничестве со стороны Британского Правительства. Они не хотят сами вступать в переговоры, а предложили, чтобы Польша и Германия вошли в прямой контакт и ещё раз начали переговоры.

Я должен заявить, что я согласился с этими предложениями, и я готовился к этим переговорам, о которых вам известно. Два дня кряду я сидел со своим правительством и ждал, сочтет ли возможным правительство Польши послать полномочного представителя или не сочтет. Вчера вечером они не прислали нам полномочного представителя, а вместо этого проинформировали нас через польского посла, что всё ещё раздумывают, подходят ли для них британские предложения. Польское Правительство также сказала, что сообщит Англии своё решение.

Депутаты, если бы Германское Правительство и его Фюрер терпеливо бы сносили такой обращение с Германией, то заслуживали бы лишь исчезновения с политической сцены. Однако не прав окажется тот, кто станет расценивать мою любовь к миру и мое терпение как слабость или даже трусость. Поэтому я принял решение и вчера вечером проинформировал британское правительство, что в этих обстоятельствах я не вижу готовности со стороны польского правительства вести серьезные переговоры с нами.

Эти предложения о посредничестве потерпели неудачу, потому что то время, когда они поступили, прошла внезапная польская всеобщая мобилизация, сопровождаемая большим количеством польских злодеяний. Они повторились прошлой ночью. Недавно за ночь мы зафиксировали 21 пограничный инцидент, прошлой ночью было 14, из которых 3 были весьма серьезными. Поэтому я решил прибегнуть к языку, который в разговоре с нами поляки употребляют в течение последних месяцев. Эта позиция Рейха меняться не будет.

Я бы хотел, прежде всего поблагодарить Италию, которая всегда нас поддерживала. Вы должны понять, что для ведения борьбы нам не потребуется иностранная помощь. Мы выполним свою задачу сами. Нейтральные государства уверили нас в своём нейтралитете, так же, как и мы гарантируем их нейтралитет с нашей стороны.

Когда государственные деятели на Западе заявляют, что это идёт вразрез их интересам, я только могу сожалеть о таких заявлениях. Это не может ни на мгновение смутить меня в выполнении моих обязанностей. Что более важно? Я торжественно уверил их, и я повторяю это — мы ничего не просим от западных государств и никогда ничего не попросим.

Я объявил, что граница между Францией и Германией — окончательна. Я неоднократно предлагал Англии дружбу и, если необходимо, самое близкое сотрудничество, но такие предложения не могут быть только односторонними. Они должны найти отклик у другой стороны. У Германии нет никаких интересов на Западе, наши интересы кончаются там, где кончается Западный Вал. Кроме того, у нас и в будущем не будет никаких интересов на западе. Мы серьёзно и торжественно гарантируем это и, пока другие страны соблюдают свой нейтралитет, мы относимся к этому с уважением и ответственностью.

Я особенно счастлив, что могу сообщить вам одну вещь. Вы знаете, что у России и Германии различные государственные доктрины. Этот вопрос единственный, который было необходимо прояснить. Германия не собирается экспортировать свою доктрину. Учитывая тот факт, что и у Советской России нет никаких намерений экспортировать свою доктрину в Германию, я более не вижу ни одной причины для противостояния между нами. Это мнение разделяют обе наши стороны. Любое противостояние между нашими народами было бы выгодно другим. Поэтому мы решили заключить договор, который навсегда устраняет возможность какого-либо конфликта между нами. Это налагает на нас обязательство советоваться друг с другом при решении некоторых европейских вопросов. Появилась возможность для экономического сотрудничества и, прежде всего, есть уверенность, что оба государства не будут растрачивать силы в борьбе друг с другом. Любая попытка Запада помешать нам потерпит неудачу.

В то же время я хочу заявить, что это политическое решение имеет огромное значение для будущего, это решение — окончательное. Россия и Германия боролись друг против друга в Первую мировую войну. Такого не случится снова. В Москве этому договору рады также, как и вы рады ему. Подтверждение этому — речь русского комиссара иностранных дел, Молотова.

Я предназначен, чтобы решить (1) проблему Данцига; (2) проблему Коридора, и (3) чтобы обеспечить изменение во взаимоотношениях между Германией и Польшей, которая должна гарантировать мирное сосуществование. Поэтому я решил бороться, пока существующее польское правительство не сделает этого, либо пока другое польское правительство не будет готово сделать это. Я решил освободить германские границы от элементов неуверенности, постоянной угрозы гражданской войны. Я добьюсь, чтобы на восточной границе воцарился мир, такой же, как на остальных наших границах.

Для этого я предприму необходимые меры, не противоречащие предложениям, сделанным мною в Рейхстаге для всего мира, то есть, я не буду воевать против женщин и детей. Я приказал, чтобы мои воздушные силы ограничились атаками на военные цели. Если, однако, враг решит, что это даёт ему карт-бланш, чтобы вести войну всеми средствами, то получит сокрушающий зубодробительный ответ.

Прошедшей ночью польские солдаты впервые учинили стрельбу на нашей территории. До 5.45 утра мы отвечали огнем, теперь бомбам мы противопоставим бомбы. Кто применяет боевые газы, пусть ждёт, что мы применим их тоже. Кто придерживается правил гуманной войны, может рассчитывать, что мы сделаем то же самое. Я буду продолжать борьбу против кого угодно, пока не будут обеспечены безопасность Рейха и его права.

Прошло шесть лет, как я тружусь на благо германской обороны. Более 90 миллиардов потрачено за это время на вооружённые силы. Они теперь лучше экипированы и несравнимы с тем, какими они были в 1914 году. Моя вера в них непоколебима. Когда я создавал эти силы, и теперь, когда я призываю германский народ к жертвам и, если необходимо, к самопожертвованию, я имел и имею на это право, потому что сегодня я сам полностью готов, как и прежде, принести себя в жертву.

Я не прошу ни от одного немца делать больше того, что я был готов все эти четыре года сделать в любое время. Не будет никаких трудностей для немцев, которым бы не подвергался и я. Вся моя жизнь принадлежит моему народу — более, чем когда-либо. Отныне я — первый солдат германского Рейха. Я снова надел форму, которая была для меня дорога и священна. Я не сниму ее до тех пор, пока не будет одержана победа, ибо поражения я не переживу.

Если что-нибудь во время борьбы случится со мной, тогда мой первый преемник — товарищ-по-партии Геринг; если что-нибудь случится с товарищем-по-партии Герингом, мой следующий преемник — товарищ-по-партии Гесс. Вы будете обязаны подчиняться им как фюрерам с такой же слепой верностью и повиновением, как мне самому. Если что-нибудь случится с товарищем-по-партии Гессом, тогда в соответствии с законом соберется сенат и выберет из числа членов сената наиболее достойного, наиболее храброго преемника.

Как национал-социалист и как немецкий солдат, я вступаю в борьбу с недогнущим сердцем. Вся моя жизнь — лишь бесконечная борьба во имя моего народа, его возрождения, и во имя Германии. Был только один лозунг в этой борьбе — вера в этот народ. Одно слово мне никогда не было знакомо — сдаться. Если кто-нибудь считает, что нас, возможно, ожидают трудные времена, прошу его задуматься

над тем, что однажды прусский король вместе со своим до смешного малым государством противостоял крупнейшей коалиции и в ходе всего трёх сражений в конечном счете пришел к победе, ибо у него было верящее и сильное сердце, которое нужно и нам сегодня. А потому я хотел бы сразу заверить весь мир: ноябрь 1918 г. в германской истории больше не повторится никогда!

Будучи сам готов в любой момент отдать свою жизнь ее может взять кто угодно — за мой народ и за Германию, я требую того же и от каждого другого. Ну, а тот, кто думает, будто ему прямо или косвенно удастся воспротивиться этому национальному долгу, должен пасть. Нам не по пути с предателями. Тем самым все мы выражаем приверженность нашему старому принципу. Не имеет никакого значения, выживем ли мы сами, необходимо, чтобы жил наш народ, чтобы жила Германия!

Жертвы, которые требуются от нас, не больше, чем жертвы, которые делали многие поколения. Если мы создадим общество, связанное клятвенными узами, готовое ко всему, решившее никогда не сдаваться, тогда наша воля будет господствовать над любыми трудностями и лишениями. Я хочу закончить теми же словами, с которыми начал борьбу за власть над рейхом. Тогда я сказал: "Если наша воля настолько сильна что никакие трудности и страдания не могут сломить её, тогда наша воля и наша Германия будут превыше всего!".

Выступление Гитлера на совещании командующих составных частей вермахта

23 ноября 1939 г.

Цель этого совещания: дать вам представление о мыслях, обуревающих меня в связи с предстоящими событиями, и сообщить вам свое решение. Создание вермахта стало возможным во взаимосвязи с воспитанием немецкого народа партией в духе нашего мировоззрения. Когда в 1919 г. я начал свою политическую деятельность, сила моей веры в конечный успех основывалась на оценке событий того времени и на изучении причин тогдашних явлений. Вот почему даже при всех тех ударах, которые выпадали на мою долю в годы борьбы, я своей веры не терял никогда. Свое последнее слово сказало Провидение и принесло мне успех. Но и сам я всегда ясно осознавал предположительный ход исторических событий и никогда не терял твердой воли, необходимой для жестких решений.

Первое такое решение было принято мною в 1919 г. Когда я после тяжелой внутренней борьбы решил стать политиком и начать борьбу против моих врагов, это было самое трудное решение из всех. Но у меня имелось твердое убеждение, что своей цели я достигну. Я стремился добиться этого методом отбора. Я хотел привлечь к моему делу то избранное меньшинство, которое было призвано встать у руля руководства. Спустя 15 лет я, после тяжелых боев и многих поражений, этой цели достиг. Когда в 1933 г. я пришел к власти, позади у меня лежал период тяжелейшей борьбы. Все, что было до меня, обанкротилось. Мне пришлось реорганизовать все заново, начиная с народного организма и кончая вооруженными силами. Сначала надо было провести внутреннюю перестройку, устранить явления распада, искоренить пораженчество, воспитать народ в духе героизма.

В ходе внутренней перестройки я принялся за решение и второй задачи: высвобождения Германии из международных союзов. Здесь следует подчеркнуть две особенности: выход из Лиги Наций и отказ от участия в конференции по разоружению. Это были трудные решения. Число пророков, предрекавших, что это приведет к захвату [западными державами] Рейнской области, было очень велико, а число веривших в успех очень мало. Но я осуществил свое намерение, ибо за моей спиной сплоченно стояла вся нация. Затем я дал приказ приступить к вооружению. И здесь тоже многочисленные пророки, предсказывавшие неудачу, и лишь немногие верящие в успех. В 1935 г. последовало введение всеобщей воинской повинности. Затем была произведена ремилитаризация Рейнской области; эту акцию тоже поначалу считали неосуществимой. Затем мы стали укреплять эту область, особенно свою западную границу. Число тех, кто верил в меня, было весьма незначительно.

Год спустя Австрия. К этому шагу тоже отнеслись с большими опасениями, а он привел к укреплению рейха. Затем должны были последовать Богемия, Моравия и Польша. Но этой цели достигнуть одним махом было невозможно. Сначала надо было воздвигнуть на Западе Западный вал. Добиться цели сразу было нереально. Мне с первого же мгновения было ясно: одной Судетской областью я удовлетвориться не смогу, ибо это частичное решение вопроса. Было принято решение о вступлении в Богемию [Чехию]. За ним последовало создание протектората [Богемия и Моравия], и тем самым была создана основа для захвата Польши.

Правда, в тот момент мне все еще не было ясно, следует ли мне сначала выступить против Востока, а уже потом против Запада, или наоборот? У Мольтке {Граф Гельмут фон Мольтке (племянник Мольтке-старшего, прусского генерал-фельдмаршала) (1848-1916). прусский генерал-полковник, в 1906—1914 гг. начальник генерального штаба кайзеровской армии. После поражения в битве на Марне (6-9 сентября 1914 г.) был смещен} в свое время возникали такие же сомнения. В силу обстоятельств пришлось сначала заняться Польшей.

Меня упрекают: борьба и снова борьба! Но в ней я вижу судьбу всего сущего. Уклониться от борьбы не может никто, если только он не хочет быть побежденным. Рост народонаселения требует большего жизненного пространства. Моей целью было добиться разумного соотношения между численностью населения и величиной этого пространства. Тут без борьбы не обойтись! От решения этой задачи не может уйти ни один народ; если же он этим пренебрежет, то обречен на постепенную гибель. Так учит история. [...] Отказ от применения с этой целью насилия означает величайшую трусость, уменьшение численности народонаселения и деградацию. Этим путем я пойти не мог. Я решился привести в соответствие [наше] жизненное пространство с численностью народа. Важно осознать одно: существование государства имеет смысл только тогда, когда оно служит сохранению своей народной субстанции. У нас речь идет о 82 миллионах человек. А это означает величайшую обязанность. Тот, кто не берет ее на себя, недостоин принадлежать к народному организму. Вот что дало мне силы для борьбы. [...]

Решение этой проблемы достигается только с помощью меча. Народ, который не находит в себе сил для борьбы, обречен на вымирание. [...]

Сегодня мы бьемся за нефтяные промыслы, за каучук, за полезные ископаемые. После Вестфальского мира {Вестфальским миром закончилась Тридцатилетняя война (1618-1648), вызванная противоречиями между католическим габсбургским императором, опиравшимся на помощь Испании, на католическую контрреформацию и папу римского, с одной стороны, и протестантскими германскими князьями с другой, Она привела к распаду так называемой Священной Римской империи германской нации (первого рейха) и полному территориальному суверенитету князей} Германия распалась. Распад, бессилие германского рейха были закреплены договорами. Это германское бессилие было вновь устранено образованием Германской империи [в 1871 г.], когда Пруссия осознала свою задачу. Потом возникло противоречие с Францией и Англией. С 1870 г. Англия против нас. Бисмарку и Мольтке {Имеется в виду граф Гельмут фон Мольтке-старший (1800-1891), прусский генерал-фельдмаршал. С 1857 до 1888 г. возглавлял генеральный штаб. Одержал в 1866 г. победу над Австрией и в 1870-1871 гг. — над Францией. Идеолог германского милитаризма. Считал невозможной для Германии одновременную войну на два фронта} было ясно, что однажды еще придется снова воевать. Тогда существовала опасность войны на два фронта. Мольтке нередко выступал за превентивную войну. Использовать более медленную мобилизационную способность русских. Германская военная сила не была использована до конца из-за недостаточной твердости тогдашних руководящих личностей. Основной идеей всех планов Мольтке было наступление. Об обороне он никогда и не помышлял. В результате смерти Мольтке многочисленные возможности были упущены. Решения можно было добиться путем нападения только на одно государство при благоприятных условиях. Политическое и военное руководство виновно в том, что подходящие случаи

были упущены. Военное руководство вечно заявляло, что оно, мол, еще не готово, В 1914 г. началась война на несколько фронтов. Она решения проблемы не принесла.

Сегодня пишется второй акт этой драмы. Впервые за 67 лет следует констатировать: нам вести войну на два фронта не приходится! Произошло то, чего мы желали с 1870 г. и фактически считали невозможным. Впервые в истории нам приходится воевать только на одном фронте, никакой другой нас сейчас не сковывает. Но никому не дано знать, сколь долго это останется так. Я долго колебался, ударить ли мне сначала на Востоке, а уже потом на Западе. Ведь в сущности я создал вермахт вовсе не для того, чтобы воздерживаться от удара. Решение нанести удар всегда было во мне. Раньше или позже я хотел решить эту проблему. Сложилось так, что нам пришлось нанести первый удар на Востоке. Если польская кампания прошла так быстро, то это свидетельство превосходства наших вооруженных сил. Самое славное событие во всей нашей истории! Неожиданно малые потери в людях и технике. Сейчас фронт на Востоке удерживается всего несколькими дивизиями. Положение именно такое, какое мы раньше считали недостижимым.

Итак, в настоящее время положение таково. Противник на Западе засел за своими укреплениями. Атаковать его никакой возможности нет. Главный вопрос: как долго мы сможем удерживать такое положение? Россия в данный момент не опасна. Она ослаблена многими внутренними обстоятельствами. К тому же с Россией у нас есть договор. Договора соблюдаются столь долго, сколь долго это является целесообразным. Россия будет соблюдать его до тех пор, пока будет считать его за благо для себя. Так думал и Бисмарк. Вспомним Договор перестраховки {Проводя свою политику союзов на Западе, приведшую в 1882 г. к созданию Тройственного союза, рейхсканцлер Германской империи граф Отто фон Бисмарк в 1887 г. на всякий случай заключил с Россией так называемый Договор перестраховки}. Сейчас у России далеко идущие цели, прежде всего укрепление своей позиции на Балтийском море. Мы сможем выступить против России только тогда, когда у нас освободятся руки на Западе. Далее, Россия желает усиления своего влияния на Балканах и направляет свои устремления к Персидскому заливу, а это отвечает интересам и нашей политики. Россия делает то, что считает для себя полезным, В данный момент интернационализм отошел для нас на задний план. Если Россия от него откажется, она перейдет к панславизму.

Заглядывать в будущее трудно. Но фактом является то, что в настоящее время боеспособность русских вооруженных сил незначительна. На ближайшие год или два нынешнее состояние сохранится.

Многое зависит от Италии, прежде всего от Муссолини, смерть которого может все изменить. У Италии есть крупные цели для укрепления своей империи. Носителями этой идеи являются исключительно фашизм и лично дуче. [Королевский] двор относится к ней отрицательно. Пока дуче жив, я могу рассчитывать на то, что Италия использует любую возможность достигнуть своих империалистских целей. Но от Италии потребуется слишком много, если она пожелает выступить прежде, чем Германия перейдет в наступление на Западе. Точно так же и Россия выступила только после того, как мы вошли в Польшу. Впрочем, Италия полагает, что все мысли Франции заняты только ею, так как Германия отсиживается за своим Западным валом. Италия вмешается, только, если сама Германия начнет наступательные действия против Франции. Как и смерть Сталина, смерть дуче может принести с собой ряд опасностей. Насколько легко может постигнуть государственного деятеля смерть, я

недавно испытал сам {Гитлер имеет в виду неудавшееся покушение на него 9 ноября 1939 г. в мюнхенском пивном зале "Бюргербройкеллер"}.

Надо использовать момент, пока не поздно, иначе вдруг можно оказаться перед лицом совсем другой ситуации. Пока Италия занимает такую позицию, угрозы со стороны Югославии опасаться не приходится. Точно так же нейтралитет Румынии гарантируется позицией России. Скандинавия благодаря марксистскому влиянию нам вообще-то враждебна, но сейчас она нейтральна. Америка ввиду своего закона о нейтралитете для нас пока неопасна. Усиление противника за счет Америки пока еще незначительно. Позиция Японии пока неопределенна, уверенности в том, что она будет враждебна Англии, пока тоже еще нет.

Итак, все говорит за то, что данный момент благоприятен, но, пожалуй, через 6 месяцев он уже таким не будет.

И последний фактор: я, при всей скромности моей собственной персоны, незаменим. Ни один военный и ни один гражданский деятель меня заменить не смог бы. Пусть покушения на меня повторяются. Я убежден в силе моего ума и в моей решительности. Войны всегда заканчиваются только уничтожением противника. Кто думает иначе безответствен. Время работает на нашего противника. Сейчас сложилось такое соотношение сил, которое для нас улучшиться не может, а может только ухудшиться. При не благоприятном для нас соотношении сил противник мира с нами не заключит. Никаких компромиссов! Быть суровыми к самим себе. Я буду нападать, а не капитулировать! Судьба рейха зависит от меня.

Сообразно этому я и буду действовать. Сегодня у нас еще есть такое преимущество, какого не было никогда. После 1914 г. наши противники сами разоружились. Англия пренебрегала строительством своего флота. Ее флот недостаточно велик, чтобы обеспечить безопасность ее морских путей. Всего два вновь построенных военных корабля: "Родней" и "Нельсон". Ведется постройка только крейсеров типа "Вашингтон", но этот тип неудачен. Новые меры смогут дать эффект только в 1941 г. В войне из-за Абиссинии у Англии не хватило войск, чтобы захватить озеро Тана. Противовоздушная оборона Мальты, Гибралтара и Лондона имеет мало зенитных орудий. С 1937 г. начало нового вооружения. Но к настоящему времени число дивизий, которые должны были послужить кадровой основой для развертывания новых, недостаточно. Военная техника собрана со всего мира. Положительного результата раньше следующего лета ждать не приходится. Британская армия имеет всего лишь символическое значение. Военная авиация находится еще в процессе своего развития, весной 1940 г. закончится первая фаза. Зенитные орудия сохранившиеся с прошлой войны. Немецкий легчик на высоте 6000 м для английских зениток недостижим. Военно-морской флот будет оснащен только через год-два. У меня в вопросах вооружения большой опыт, и я знаю, какие трудности при этом приходится преодолевать.

Франция после 1914 г. сократила срок военной службы. После 1914 г. уменьшение ее военной силы. Она превосходит нас только по некоторым специальным видам орудий. Модернизации подвергся лишь французский военно-морской флот. В послевоенное время французская армия находилась в запущенном состоянии. Но стоило Германии начать вооружаться и выдвинуть свои требования, дело изменилось.

Подвожу итоги:

1. Число активных соединений в Германии — наибольшее.
2. Превосходство люфтваффе.
3. Зенитные орудия вне конкуренции.
4. Танковые войска.
5. Большое число противотанковых орудий; пулеметов в 5 раз больше, чем в 1914 г.
6. Крупное превосходство немецкой артиллерии благодаря наличию 105-миллиметровых орудий.

7. Итак, не только французского численного превосходства в гаубицах и мортирах не существует, но и сама боеспособность наших войск выше, чем у других. Я был оскорблен до глубины души, услышав, будто германская армия оказалась не на высоте в качественном отношении, будто бы пехота сделала в Польше меньше того, что от нас ожидали, проявила недисциплинированность. Я считаю, что боеспособность любого войска следует определять соотношением с боеспособностью войск противника. Нет сомнения: наши вооруженные силы самые лучшие в мире! Любой немецкий пехотинец лучше французского. Никакого шапкозакидательства, зато несгибаемая воля. [...]

Говорят, в 1914 г. мы были лучше обучены. На самом же деле мы были тогда лучше обучены только на плацу, а не для войны. Должен сделать комплимент нынешнему командованию: оно сегодня лучше, чем в 1914 г. [...] Призваны под ружье 5 миллионов немцев. Ну и что, если кто-то из них спасовал! Отвага проявлялась и в сухопутных войсках, и на флоте, и в люфтваффе. [...] С германским солдатом я могу добиться всего, чего захочу, надо только им хорошо командовать. При нашем небольшом военно-морском флоте нам удалось вышвырнуть англичан из Северного моря. Признательность небольшому флоту, а особенно главному командованию военно-морских сил. Мы имеем такую военную авиацию, которая смогла обезопасить все наше жизненное пространство. Выдающиеся свершения в Польше на счету у сухопутной армии. Запад тоже не показал, что германский солдат в чем-нибудь уступает французскому. [...]

Меня угнетает появление на континенте больших сил англичан. Англичанин противник упорный. Особенно в обороне. Не приходится сомневаться: самое позднее через 6—8 месяцев численность английских войск во Франции увеличится в несколько раз.

Есть у нас и одна ахиллесова пята: это Рурская область. От обладания Рурской областью зависит ведение войны. Если Англия и Франция через Бельгию и Голландию пробьются в нее, мы окажемся в величайшей опасности. Это могло бы привести к параличу всего германского сопротивления. Любая надежда на компромисс — ребячество; есть только победа или поражение! При этом речь идет не о национал-социалистской Германии, а о том, будет ли в будущем в мире доминировать Европа. Этот вопрос требует приложения наибольших сил. Англия и Франция наверняка перейдут в наступление на Германию, как только достаточно вооружатся. У Англии и Франции есть средства давления, чтобы заставить Бельгию и Голландию попросить их о помощи. В Бельгии и Голландии симпатии на стороне Англии и Франции. [...]

В нужный момент я использую все для того, чтобы мотивировать свои действия. Когда французская армия вступит в Бельгию, чтобы атаковать нас, это станет для нас уже слишком поздно. Мы должны упредить ее. Еще одна причина: подводный флот, минирование прибрежных вод и авиация будут эффективнее, когда у нас будет более благоприятное исходное положение. Сегодня полет над Англией стоит такого расхода горючего, что самолетам не удастся взять достаточный бомбовый груз. Для военно-морского флота имеет важное значение изобретение новой мины. Самолеты теперь станут главными носителями мин. Мы засыпем английское побережье такими минами, обезвредить которые невозможно. Эта минная война при помощи авиации требует иной исходной позиции. Без подвоза Англия жить не может. Мы-то сами себя прокормим! Постоянное минирование английского побережья заставит Англию встать на колени. Но этого можно достигнуть только в том случае, если мы захватим Бельгию и Голландию. Для меня это трудное решение.

Никто не создал того, что создал я! Моя жизнь при этом роли не играет. Я привел немецкий народ к славе, пусть даже из-за этого нас теперь ненавидят во всем мире. Я ставлю все это мое дело на карту. У меня есть только один выбор: между победой или нашим уничтожением. Я выбираю победу! Это величайшее историческое решение, его можно сравнить с решением Фридриха Великого накануне первой Силезской войны. Пруссия обязана своим возвышением героизму одного человека. И тогда тоже его ближайшие советники склонялись к капитуляции. Все зависело от Фридриха Великого. Не менее крупным было и решение Бисмарка в 1866 и 1870 гг. {Речь идет о войне Пруссии против Австрии и о франко-прусской войне, приведшей к провозглашению 1 января 1871 г. в Версале Германской империи (второго рейха) во главе со ставшим кайзером прусским королем Вильгельмом I}.

Решение мое изменено быть не может! Я нападу на Францию и Англию в самый благоприятный и в самый ближайший момент. Нарушение нейтралитета Бельгии и Голландии никакого значения не имеет. Ни один человек нас после победы об этом не спросит. Мы не станем обосновывать нарушение нейтралитета так идиотски, как это было сделано в 1914 г. Если же мы их нейтралитет не нарушим, это сделают Англия и Франция. Без наступления война победоносной быть не может. Я считаю единственно возможным закончить войну только в результате наступления. На вопрос, принесет ли наступление победу, сейчас ответить не может никто. Все зависит от воли Провидения. Военные условия благоприятны. Однако только при том, что высшее командование даст пример фанатической решимости. Если бы командование всегда черпало в народной жизни мужество, которое должен иметь каждый мушкетер, никаких неудач не бывало бы вообще. Если, как в 1914 г., у верховного главнокомандующего [Вильгельма II] сдают нервы, чего же тогда требовать от простого мушкетера!

Мы должны осознать: противник должен быть разбит только наступлением. Шансы ныне иные, чем при наступлении в 1918 г. Мы имеем в своем распоряжении 100 дивизий. Что касается живой силы, у нас есть резервы. Положение с военной техникой у нас хорошее. А впрочем, что не свершилось сегодня, свершится завтра! Все это в целом означает завершение мировой войны, а не единичную акцию. Речь идет о том, быть или не быть нации!

Прошу вас передать этот дух решимости вверенным вам войскам.

1. Решение мое изменению не подлежит.

2. Перспективы на успех только если весь вермахт действует сплоченно.

Пусть всех нас вдохновляет дух великих мужей нашей истории! Судьба требует от нас не большего, чем от них. И пока я жив, я буду думать о победе моего народа. Я не остановлюсь ни перед чем, я уничтожу каждого, кто против меня! Я полон решимости. [...] Я хочу уничтожить врага. За мной весь немецкий народ, моральное состояние которого может только ухудшиться. Только тот, кто борется с судьбой, может рассчитывать на помощь Провидения. За последние годы я не раз переживал это. И в нынешнем ходе развития я тоже вижу его волю.

Если мы победоносно выстоим в борьбе а мы выдержим ее! Наше время войдет в историю нашего народа. Я выстою или паду в этой борьбе. Поражения моего народа я не переживу. Никакой капитуляции вне страны, никакой революции внутри ее.

Радиообращение рейхсканцлера А. Гитлера к нации по случаю объявления войны Советскому Союзу

22 июня 1941 года

Немцы!

Национал-социалисты!

После тяжких трудов, сопровождаемых многомесячным молчанием, пришёл час, когда я могу говорить свободно.

Когда 3 сентября 1939 года Англия объявила войну германскому рейху, она сделала очередную попытку пресечь в зародыше объединение и возрождение Европы, обрушиваясь на самую сильную в данный момент страну на континенте.

Именно так Англия разрушала Испанию во многих войнах. Именно так она воевала против Голландии. Именно так позднее она боролась с Францией с помощью всей Европы и именно так в начале века она инициировала политику изоляции Германской империи и развязала мировую войну в 1914 году. Только из-за внутренних проблем Германия была разбита в 1918. Последствия были ужасными.

После лицемерных заявлений о том, что борьба ведётся исключительно против кайзера и его правления, началось запланированное уничтожение Германской империи, стоило германской армии сложить оружие.

В то время, как французское правительство пророчествовало, что 20 миллионов немцев лишние — другими словами, столько людей должны быть истреблены голодом, болезнями, эмигрировать, — национал-социалистическое движение начало работу по объединение немецкого народа и, таким образом, способствовало возрождению империи. Избавление нашего народа от бедствий, нищеты и позорного забвения носило все признаки национального Ренессанса. Это никоим образом не угрожало Англии.

Тем не менее, снова стала проводиться политика изоляции Германии, основанная на немедленно возродившейся ненависти. Возник внешний и внутренний, столь знакомый нам заговор между евреями и демократами, большевиками и реакционерами, с единственной целью — уничтожение нового народного немецкого государства и вторичное низвержение империи в бессилие и нищету.

Кроме того, ненависть этого международного заговора была направлена против тех людей, которые подобно нам, пренебрегая благосостоянием, были вынуждены зарабатывать на кусок хлеба в самой тяжкой борьбе за существование.

Италии и Японии фактически были лишены права участвовать в мировом процессе, также, как и Германия.

Поэтому коалиция этих наций была всего лишь актом самозащиты перед угрожающей им эгоистической мировой комбинацией богатства и силы.

Уже в 1936 году премьер-министр Черчилль, согласно показаниям американского генерала Вуда перед комитетом палаты представителей американского Конгресса, заявил, что Германия снова становится чересчур сильной и потому должна быть уничтожена.

Лето 1939 года показалось подходящим для Англии, чтобы начать реализацию своего отрететированного плана — всеобъемлющей политики изоляции Германии.

Кампания лжи, начатая в этих целях, состояла из заявлений, что другим народам угрожают, в подстрекании этих народов лживыми обещаниями британских гарантий и помощи, и в натравливании их на Германию, чтобы развязать большую войну.

Таким образом Англия с мая до августа 1939 года в радиообращениях убеждала мир, что Германия непосредственно угрожает Литве, Эстонии, Латвии, Финляндии и Бесарабии, также как и Украине.

Некоторые из этих государств позволили себе впасть в заблуждение и приняли обещания гарантий, сопровождающие британские инсинуации, чтобы создать объединённый фронт для новой изоляции Германии. В этих обстоятельствах я взял на себя личную ответственность перед собственной совестью и перед историей германского народа не только уверить эти государства или их правительства в лживости британских утверждений, но также, установив сильную власть на востоке, торжественно заявить о полном и окончательном удовлетворении наших интересов.

Национал-социалисты!

В то время все вы, вероятно, чувствовали, что этот шаг был горек и труден для меня. Никогда германский народ не испытывал враждебных чувств к народам России. Однако, более десяти лет еврейско-большевистские правители из Москвы поджигают не только Германию, но и всю Европу. Германия никогда не пыталась насаждать национал-социалистическое мировоззрение в России, но, напротив, еврейско-большевистские правители в Москве неуклонно пытаются распространить своё влияние на нас и другие европейские народы, не только с помощью идеологии, но прежде всего — силой оружия.

Последствиями деятельности этого режима были лишь хаос, нищета и голод во всех странах. Я, с другой стороны, в течение двадцати лет боролся — с минимальным вмешательством, не разрушая нашу экономику — за установление в Германии нового национал-социалистического порядка, который не только устранил безработицу, но и позволил рабочему в полной мере пожинать плоды его труда.

Успех этой политики в экономическом и социальном возрождении нашего народа, который систематически устраняя классовые и общественные различия, становится действительно народной коммуной — конечной фазой мирового развития.

Именно поэтому я, переступив через себя, в августе 1939 года послал моего министра иностранных дел в Москву, чтобы противостоять британской политике изоляции Германии.

Я сделал это исключительно из чувства ответственности перед немецким народом, но, прежде всего, в надежде достичь окончательного ослабления напряжённости, чтобы предотвратить жертвы, которые, в противном случае, могли бы потребоваться от нас.

В то время, когда Германия торжественно подтвердила в Москве, что все перечисленные страны и территории — за исключением Литвы — не находятся в зоне германских политических интересов, было заключено специальное соглашение на случай, если Британия преуспеет, подстрекая Польшу начать войну с Германией.

В этом случае также была попытка ограничить германские требования, несмотря на успехи немецких вооружённых сил.

Национал-социалисты! Последствия этого соглашения, которого я сам желал и которое было заключено в интересах германского народа, были очень серьёзными, особенно для немцев, живущих в перечисленных странах.

Более чем 500 000 немецких мужчин и женщин, все — мелкие фермеры, ремесленники и рабочие — были вынуждены покинуть свои дома, практически бежать, чтобы спастись от нового режима, который сулил им полную нищету в начале и — рано или поздно — полным истреблением.

Тем не менее, тысячи немцев исчезли. Невозможно даже узнать об их судьбе, не говоря уже о местонахождении.

Среди них было не менее 160 тысяч германских граждан. Всё это я оставил без ответа, потому что так было надо. У меня, в конце концов, было только одно желание — достичь окончательной разрядки напряжённости и, если получится, зафиксировать это состояние.

Однако, уже в течение нашего наступления в Польше, советские руководители внезапно, вопреки договорённости, потребовали, ко всему прочему, Литву.

Германская империя никогда не имела намерений оккупировать Литву и не только не предъявляло в этой связи никаких требований литовскому правительству, но и отказало в то время Литве в просьбе прислать туда германские войска, как несоответствующей целям германской политики.

Несмотря ни на что, я подчинился новому требованию русских. Однако, это было только начало бесконечной цепи вымогательств, которые с тех пор повторялись и повторялись.

Победа в Польше, одержанная исключительно германскими войсками, дала мне возможность снова обратиться с мирным предложением к западным великим державам. Оно было отвергнуто усилиями международных и еврейских поджигателей войны.

В то же время, одной из причин этого отказа был тот факт, что Британия всё ещё надеялась образовать европейскую антигерманскую коалицию, в которую должны были входить Балканы и Советская Россия.

Поэтому в Лондоне решили отправить г-на Криппса послом в Москву. Он получил ясные инструкции — на любых условиях возобновить отношения между Англией и Советской Россией и развивать их в пробританском направлении. Британская пресса освещала ход этих переговоров до тех пор, пока это разрешалось по тактическим соображениям.

Осенью 1939 и весной 1940 были продемонстрированы первые результаты этих переговоров. Поскольку Россия обязалась оккупировать не только Финляндию, но и Прибалтийские государства, она внезапно мотивировала свои действия аргументами настолько же смешными, насколько и ложными — что она должна защитить эти страны от внешней угрозы, или предотвратить такую угрозу.

Это могло относиться только к Германии, поскольку никакое другое государство не могло даже достичь Балтики, не говоря уже о том, чтобы начать там войну. Тем не менее, я промолчал. Однако, Кремль тут же продолжил.

Принимая во внимание то, что весной 1940 года Германия, в соответствии с так называемым пактом о дружбе, отвела свои войска от дальней восточной границы и, фактически, полностью очистила эти области от германских войск, концентрация русских вооружённых сил, которая уже в то время начиналась в полной мере, могла быть расценена, только как преднамеренная угроза Германии.

Согласно личному заявлению Молотова, сделанному в то время, 22 русские дивизии уже были размещены весной 1940 года в Прибалтийских государствах.

Так как русское правительство всегда настаивало, что войска были размещены исключительно по просьбе местного населения, целью их присутствия там могла быть только демонстрация против Германии.

В то время, когда наши солдаты, с 5 мая 1940 года громили франко-британскую мощь на Западе, развёртывание русских военных сил на нашей восточной границе продолжалось всё в более и более угрожающей степени.

Поэтому, с августа 1940 я считал, что не в интересах империи оставлять без защиты наши восточные области, которые и так часто подвергались разорению, ввиду этой огромной концентрации большевистских дивизий.

Таким образом, следствием сотрудничества Британии и Советской России стало связывание таких мощных наших сил на востоке, — особенно это касается авиации, — что германское высшее командование уже не могло ручаться за успешное завершение войны на западе.

Это было целью не только британской политики, но также и политики Советской России; и для Англии, и для Советской России важно было, чтобы война продолжалась как можно дольше, чтобы ослабить всю Европу, делать её всё более и более бессильной.

Угрожающее нападение России на Румынию, по данным последнего анализа, имело своей целью овладение важной базой — не только для Германии, но также для европейской экономики, или, по крайней мере, разрушение этой базы. Империя,

особенно с 1933 года, с бесконечным терпением искала торговых партнёров в юго-восточной Европе. Поэтому мы крайне заинтересованы в конституционной стабильности и территориальной целостности этих стран. Российское продвижение в Румынию и сближение Греции с Англией угрожало за короткое время ввергнуть эти регионы во всеобщую войну.

Вопреки нашим принципам и экономическим интересам, в ответе на срочный запрос тогдашнего румынского правительства, полностью несущего ответственность за такое развитие событий, я посоветовал уступить требованиям Советской России и, в интересах мира, отдать Бесарабию.

Румынское правительство верило, однако, что может оправдать такой ответ перед своим народом только в том случае, если Германия и Италия гарантируют целостность того, что всё ещё оставалось от Румынии.

Я сделал это с тяжёлым сердцем, в основном, потому, что когда Германская империя даёт гарантии, это означает, что она выполнит их. Мы ни англичане, ни евреи.

Я всё ещё верил в этот последний час, что послужил делу мира в этом регионе, хотя и взял на себя серьёзную личную ответственность. Чтобы, в конце концов, разрешить эти проблемы и достичь ясности насчёт отношения России к Германии, а также из-за постоянно усиливающейся мобилизации на нашей восточной границе, я пригласил г-на Молотова в Берлин.

Советский министр иностранных дел тогда потребовал от Германии разъяснений по следующим четырём вопросам.

Первый вопрос Молотова: были ли германские гарантии Румынии направлены также против Советской России, в случае если бы Советская Россия напала на Румынию?

Мой ответ: немецкая гарантия универсальна и её выполнение безоговорочно обязательно для нас. Россия, однако, никогда не заявляла нам, что имеет другие, помимо Бесарабии, интересы в Румынии. Захват Северной Буковины уже был нарушением договорённости. Поэтому я не думал, что у России могут внезапно возникнуть какие-либо далеко идущие намерения по отношению к Румынии.

Второй вопрос Молотова: Россия снова чувствует угрозу со стороны Финляндии. Россия не собирается это терпеть. Готова ли Германия не оказывать никакой помощи Финляндии и, прежде всего, немедленно вывести германские вспомогательные войска, продвигающиеся к Киркенесу?

Мой ответ: Германия всё также не имеет никаких политических интересов в Финляндии. Германское правительство, тем не менее, не потерпит новая война России против маленького финского народа, тем более, что мы никогда не считали, что Финляндия в состоянии угрожать России. Мы ни при каких обстоятельствах не хотим открытия нового театра войны на Балтике.

Третий вопрос Молотова: согласна ли Германия, если Россия даст гарантии Болгарии и пошлёт советские войска в Болгарию в соответствии с этим, в связи с чем

он — Молотов — готов заявить что Советы не будут что-либо изменять, к примеру, смещать царя.

Мой ответ: Болгария — суверенная страна и я не располагаю сведениями, что Болгария когда-либо просила Советскую Россию о гарантиях, как Румыния просила гарантий от Германии. Более того, я должен обсудить этот вопрос с моими союзниками.

Четвёртый вопрос Молотова: Советской России в любом случае необходим свободный проход через Дарданеллы, и для её обороны также требуется оккупация множества важных баз на Дарданеллах и на Босфоре. Согласно Германия с этим, или нет?

Мой ответ: Германия всегда была готова согласиться с изменением статуса соглашения в Монтрё в пользу черноморских стран. Германия не готова согласиться с тем, чтобы Россия овладела базами в Проливах.

Национал-социалисты! Тогда я занял единственную позицию, которую мог занять, как ответственный лидер Германской империи, но также как и представитель европейской культуры и цивилизации, ощущающий свою ответственность.

Последствия этого усилили антигерманскую активность Советской России, прежде всего это выразилось в немедленно начавшейся подрывной деятельности внутри нового румынского государства и в попытках свергнуть болгарское правительство с помощью пропаганды.

С помощью запутавшихся и незрелых лидеров Румынского Легиона (Железной Гвардии) в Румынии была произведена попытка государственного переворота, целью которого было свержение главы государства — генерала Антонеску, воцарение хаоса в стране, свержение всей законной власти, — как предпосылки для отзыва германских гарантий.

Я, однако, всё ещё считал, что лучше помалкивать.

Немедленно после провала этой попытки возобновилось наращивание концентрации русских вооружённых сил на восточной границе Германии. Бронетанковые соединения и парашютисты в непрерывно увеличивающемся количестве в опасной близости размещались на границе с Германией. Германские вооружённые силы и немецкий народ знают, что ещё несколько недель назад на нашей восточной границе не было ни одной танковой или механизированной дивизии.

Если требовалось какое-нибудь окончательное доказательство существования коалиции, между делом образованной Англией и Советской Россией, югославский конфликт предоставил такое доказательство, несмотря на всю маскировку и скрытность.

В то время, когда я прилагал все усилия, чтобы предпринять заключительную попытку умиротворить Балканы и в дружеском сотрудничестве с Дуче пригласил Югославию присоединиться к Трёхстороннему пакту, Англия и Советская Россия

совместно и тайно организовали государственный переворот, который за одну ночь свергнул тогдашнее правительство, готовое было готово подписать соглашение.

Теперь мы можем сообщить немецкому народу, что антигерманский сербский путч был инспирирован не столько британцами, сколько Советской Россией. Поскольку мы снова промолчали, советские руководители сделали следующий шаг. Они не только организовали путч, но и подписали общеизвестный договор с сербами по их желанию, чтобы сопротивляться мирному процессу на Балканах, и подстрекали их против Германии.

И это не было платоническим намерением: Москва потребовала мобилизации сербской армии.

Так как я даже тогда посчитал, что лучше держать язык за зубами, Кремль пошёл ещё дальше. Правительство Германской империи сегодня располагает документальными свидетельствами, доказывающими, что Россия, чтобы наконец ввергнуть Сербию в войну, пообещало снабдить её через Салоники оружием, самолётами, боеприпасами и другими военными материалами — против Германии.

Это происходило почти в тот самый момент, когда я советовал японскому министру иностранных дел Мацуоке ослабить напряжённость в отношениях с Россией, чтобы послужить таким образом делу мира.

Только быстрое наступление наших несравненных дивизий на Скопье, также, как захват самих Салоник разбили этот советско-англосаксонский заговор. Офицеры военно-воздушных сил Сербии, однако, перелетели в Россию и были немедленно приняты там как союзники.

Победа держав Оси на Балканах прежде всего помешала планам вовлечь Германию этим летом в многомесячные бои в юго-восточной Европе — пока, тем временем, не завершилось бы полное развёртывание армий Советской России и усиление их боеготовности, чтобы, наконец, вместе с Англией и ожидаемыми американскими поставками сокрушить Германскую империю и Италию.

Таким образом Москва не только разрушила, но и бесчестно предавала статьи нашего дружественного соглашения. Всё это происходило в то время, когда кремлёвские правители, точно так же, как в случае с Финляндией и Румынией, до последнего момента притворно заверяли в мире и дружбе, прикидываясь невинными овечками.

Хотя до сих пор я был вынужден обстоятельствами молчать — раз за разом, настал момент, когда быть простым наблюдателем — было бы не только грехом, но и преступлением перед германским народом, — да даже перед всей Европой.

Сегодня что-то вроде 160 русских дивизий находится на наших границах. В течение нескольких последних недель происходили постоянные нарушения границы, не только нашей, но от дальнего севера до Румынии.

Русские лётчики, будто беспечные спортсмены, разглядывают наше приграничье, может быть, для того, чтобы доказать нам, что они уже чувствуют себя хозяевами этих земель.

В течение ночи с 17 на 18 июня русские патрули снова проникли на имперскую территорию и были выдворены только после продолжительной перестрелки. Настал час, когда мы должны предпринять меры против этого заговора, составленного еврейскими англосаксонскими поджигателями войны и, в равной доле, еврейскими правителями большевистского центра в Москве.

Германский народ! В этот момент идёт наступление — величайшее из тех, что видел мир. В союзе с финскими товарищами, бойцы, победившие в Нарвике, сражаются в Северной Арктике. Германские дивизии, которыми командует завоеватель Норвегии, в содружестве с героями, защищавшими свободу Финляндии, под руководством их маршала, защищают финскую землю.

Соединения на Восточном фронте наступают от Восточной Пруссии до Карпат. Германские и румынские солдаты, объединённые под командованием генерала Антонеску, от берегов Прута через низины Дуная движутся к Чёрному морю. Задача этого фронта — не оборона отдельных стран, а защита Европы и, следовательно, спасение всех.

Поэтому я решил сегодня передать судьбу и будущее Германской империи и нашего народа в руки наших солдат.

Да поможет нам бог в нашей борьбе!

Радиообращение рейхсканцлера А. Гитлера к нации по случаю открытия кампании Зимней помощи

3 октября 1941 года

Германские мужчины и женщины! Если я сегодня говорю снова, спустя несколько долгих месяцев, то это не ответ одному из тех государственных деятелей, которые недавно задавались вопросом — отчего я молчал в течение столь длительного времени. Потомки однажды оценят, что было более важным в течение этих трёх с половиной месяцев — речи Черчилля или мои дела.

Сегодня я прибыл сюда, чтобы произнести краткое вводное сообщение в рамках Зимней Помощи. На сей раз мне было особенно трудно приехать сюда, потому что в те часы, пока я нахожусь тут, новые, грандиозные события происходят на нашем восточном фронте.

В течение прошедших 48 часов опять проводится операция крупнейших масштабов, которая поможет сокрушить врага на Востоке. Я говорю с вами от имени миллионов, которые в этот момент сражаются и хотят попросить германский народ дома осуществить, в дополнение к другим жертвам, Зимнюю Помощь в этом году.

Начиная с 22-го июня идёт битва исключительной важности для всего мира. Лишь потомки смогут ясно оценить всё её значение и важность и осознать, что с неё началась новая эра.

Я не хотел этой борьбы. С января 1933 года, когда провидение доверило мне руководство Германской империей, я видел перед собой цель, суть которой включена в программу нашей национал-социалистической партии. Я никогда не отступался от этой цели и никогда не отказывался от моей программы.

Я прилагал усилия, чтобы возродить народ, который, проиграв войну из-за собственной ошибки, испытал самый глубокий крах в своей истории. Это само по себе было гигантской задачей. И я начал решать эту задачу в момент, когда другие либо потерпели неудачу, либо больше не верили в возможность выполнения такой задачи. То, чего мы достигли за эти годы, следуя путём мирной перестройки, беспрецедентно.

Я и мои соратники были вынуждены иметь дело с демократическими элементами, у которых за душой нет ни одной стоящей цели.

Ни мне, ни любому из нас не нужна была эта война, чтобы обессмертить наши имена. Кроме того, мы ещё далеко не всё сделали, и в некоторых областях находились в самом начале.

Мы преуспели в восстановлении нашей империи несмотря на то трудное обстоятельство, что в Германии один квадратный километр должен прокормить 140 человек. Всё же мы решили наши проблемы, в то время, когда другие не справились со своими.

У нас были следующие принципы. Во-первых, внутренняя консолидация германской нации; во-вторых, достижение равных прав на мировой арене; в-третьих, единство германского народа и, таким образом, восстановление естественного положения вещей, которой было искусственно разрушено.

Поэтому наша внешняя программа была определена заранее. Это не означало, что мы будем когда-нибудь хотеть войны. Но было неперемное условие — мы никогда не откажемся от возрождения германской свободы, как одного из условий германского возрождения.

Я сделал миру множество предложений в этих направлениях. Мне не нужно их тут повторять. Это уже сделано моими сотрудниками-публицистами. Сколько мирных предложений я сделал миру, и предложений о разоружении, о новом мировом экономическом порядке? Все они были отвергнуты теми, кто не мог рассчитывать, что работа на благо мира позволит их режимам удержаться у власти.

Несмотря на это мы постепенно, за долгие годы, наполненные мирным трудом, проводили не только внутренние реформы, но также крепили единство германской нации, создавали Германскую империю, возвращали миллионы немцев на родину.

В течение этого периода я преуспел в привлечении множества союзников. Они возглавляемы Италией, тем государственным деятелем, с кем я связан узами личной и сердечной дружбы. Наши отношения с Японией продолжают улучшаться. В Европе было много государств, которые издавна питали к нам симпатию и дружеские чувства, в частности Венгрия и некоторые Скандинавские страны. К их числу добавились и новые нации.

К несчастью, среди них нет нации, чьей дружбы я добивался с особенной настойчивостью, Британии. Британский народ, в целом, не несёт за это ответственности. Напротив, есть горстка людей, которые в их глубокой ненависти, в их бессмысленности, срывают любую попытку взаимопонимания, поддерживаемые тем врагом мира, которого вы все знаете — международным еврейством.

Мы не преуспели в том, на что я всегда надеялся — в налаживании связей между Великобританией, особенно между английским народом, и германским народом. Также, как и в 1914 году, трудное решение должно было быть принято. Но я не содрогнулся от этого, потому что понял одно: если невозможно добиться от Англии дружбы, то пусть Германия испытает её вражду в то время, пока я всё ещё фюрер Германии.

Если дружба Англии не могла быть завоёванной теми мерами, которые я предпринял и предложениями, которые я сделал, то она не была бы завоёвана и в будущем. Не оставалось иного выбора, кроме борьбы. Я благодарен судьбе, что именно я возглавляю эту борьбу. Я убеждён, что с этими людьми нельзя достичь никакого взаимопонимания. Они — безумные дураки, люди, которые в течение 10 лет не говорили ничего, кроме: "Мы снова хотим войны с Германией". Когда я хотел добиться понимания, Черчилль кричал: "Я хочу войны!".

Теперь он её имеет. И вся его компания поджигателей войны, которые говорили, что это будет "очаровательная война", которые поздравляли друг друга 1-го сентября

1939 года с началом "очаровательной войны", — они, возможно, теперь думают по-другому. И если они всё же не знают, что война — это вовсе не очаровательное дело для Англии, то они, конечно, всё узнают должным образом, не сойти мне с этого места. Эти поджигатели войны с успехом подстрекали Польшу, они разжигают войну не только в Старом, но и в Новом Свете.

Было время, когда Англия не снисходила до просьб о помощи от конкретных стран, зато великодушно обещала помощь всем и каждому. С тех пор положение поменялось. В те дни я делал предложения Польше. Теперь, когда события приняли совсем не тот оборот, которого мы ожидали, я благодарю провидение, что оно уберегло меня от того, чтобы мои тогдашние предложения были приняты. Мы должны были разорвать еврейско-демократический и масонский заговор, который втягивал два года назад Европу в войну.

С тех пор идёт борьба между правдой и ложью и, как всегда, правда победит. Другими словами, несмотря на все выдумки британской пропаганды, которые порождает международное мировое еврейство и его пособники-демократы, они не смогут изменить исторические факты. А исторический факт в том, что в течение двух лет Германия наносит поражение одному противнику за другим.

Я этого не хотел. Сразу же после первого конфликта я снова протянул руку. Я сам был солдатом и знаю, как трудно одерживать победы.

Мою руку оттолкнули. С тех пор мы наблюдали, как каждое мирное предложение немедленно использовалось поджигателями войны — Черчилль и его клеветы тут же говорили, что наше стремление к миру — доказательство нашей слабости. Поэтому я сошёл с этого пути. Я выстрадал следующее заключение: необходимо добиться решения ясного, решения, важного для истории в течение последующих сотен лет.

Постоянно прилагая усилия по нераспространению военных действий, я принял решение, которое было очень трудным для меня. В 1939 году я отправил моего министра в Москву. Более горьких чувств я никогда не испытывал. Я пытался отыскать взаимопонимание.

Вы сами лучше всех знаете, как честно мы соблюдали наши обязательства. Ни в нашей печати, ни на митингах не было сказано ни одного плохого слова о России. Ни одного слова о большевизме. К сожалению, другая сторона не соблюдала своих обязательств с самого начала.

Этот договор ознаменовался цепью предательств, первым их которых было нарушение целостности северо-востока Европы. Вам прекрасно известно, что значило для нас молча наблюдать, как давят на финский народ, что значило для нас, когда Прибалтийские государства также были побеждены. Что это значило, может быть оценено теми, кто знает немецкую историю и знает, что там нет ни одного квадратного километра земли, который бы не был приобщён к культуре и цивилизации трудом немецких поселенцев.

Я всё ещё хранил молчание. Я принял решение только тогда, когда понял, что Россия дождалась часа, чтобы напасть на нас, в тот момент, когда у нас были только три неполные дивизии в Восточной Пруссии и 22 советские дивизии против них. Мы

постепенно получили доказательства, что у наших границ строились один за другим аэродромы, и дивизии гигантской Советской Армии одно за другим концентрировались там.

Тогда я был просто обязан беспокоиться — в истории нет оправдания для беспечности. Я отвечаю за настоящее германского народа и, насколько возможно, за будущее. Поэтому я был вынужден постепенно предпринимать защитные меры.

Но в августе и в сентябре прошлого года стало ясным одно. Решение английской проблемы на Западе, которое требовало участия всех германских военно-воздушных сил более было невозможным, потому что у меня за спиной стояло государство, которое готовилось напасть на меня, улучив момент, но только сейчас мы понимаем, насколько далеко продвинулась эта подготовка. Я ещё раз попытался решить эту проблему в целом и поэтому пригласил Молотова в Берлин.

Он поставил мне четыре хорошо известных условий. Во-первых, Германия наконец должна была согласиться с тем, что — поскольку Россия ощущала угрозу со стороны Финляндии — Россия желала ликвидировать Финляндию. Это был первый вопрос, на который мне было трудно ответить. Но я не могу ответить иначе, как отказом.

Второй вопрос касался Румынии, вопрос о том, защитят ли германские гарантии Румынию от России. В этом случае я также сдержал своё слово. И я не жалею об этом, потому что я нашёл в генерале Антонеску человека чести, который всегда без колебаний держит слово.

Третий вопрос относился к Болгарии. Молотов потребовал для России права послать туда войска и, таким образом, предоставить Болгарии русские гарантии. Что это означало, мы знаем на примере Эстонии, Латвии и Литвы.

На этот вопрос я сказал, что такие гарантии даются по просьбе страны, которой гарантии нужны, и что я ничего не знаю о таких просьбах и что я должен обдумать это и проконсультироваться с моими союзниками.

Четвёртый вопрос касался Дарданелл. Русские требовали баз в Дарданеллах.

Молотов теперь пытается отрицать это, что неудивительно. Если завтра-послезавтра его больше не будет в Москве, он будет отрицать, что его больше нет в Москве.

Он выдвинул эти требования и я отклонил их. Я должен был отклонить их. Мне всё стало ясно и последующие переговоры были безрезультатными. Моя осторожность обострилась.

Далее я внимательно наблюдал за Россией. Каждая обнаруженная нами дивизия тщательно фиксировалась и контрмеры были приняты.

В мае ситуация зашла так далеко, что я уже не мог отмахнуться от мыслей о битве не на жизнь, а на смерть. В то время я должен был держать язык за зубами и это было вдвойне трудно для меня, но не так уж трудно ради немцев, поскольку они должны

были понять, что бывают моменты, когда нельзя сказать и слова, чтобы не подвергнуть смертельной опасности всю нацию.

Куда труднее было хранить молчание перед моими солдатами, которые дивизия за дивизией стояли на восточной границе империи и пока ещё не знали, что именно происходит. И именно ради них я хранил молчание.

Если бы я проронил хоть одно-единственное слово, я бы не изменил решения Сталина. Но тогда эффекта неожиданности, остававшегося мне в качестве последнего оружия, не было бы.

Любой намёк, любая оговорка стоили бы жизнью сотен тысяч наших товарищей. Поэтому я молчал до той минуты, пока, наконец, не решил взять инициативу в свои руки. Когда я вижу, что враг целится в меня из винтовки, я не буду ждать, пока он выстрелит. Я предпочитаю первым спустить курок.

Это было самым трудным решением за всю мою жизнь — шагнуть в открытую дверь, за которой скрываются тайны, о которых узнают только потомки — отчего это случилось, и как это было. Получалось, что можно было положиться лишь на свою совесть, на доверие своего народа, на собственное оружие и на помощь Всемогущего. Он не поддерживает бездействующего, но Он благословляет того, кто сам готов и жаждет сражаться и жертвовать своей жизнью.

Утром, 22-го июня, началось самое большое в мировой истории сражение. С тех пор прошло около трёх с половиной месяцев и сейчас я говорю:

Всё с тех пор идёт согласно нашим планам. В течение этого периода времени мы ни на секунду не упускали инициативы из рук. До этого дня каждое действие принималось в соответствии с планом, так же, как ранее на востоке против Польши, позже — против запада и, наконец, против Балкан.

Но я должен в связи с этим сказать одну вещь. Мы не ошиблись в наших планах. Мы также не ошиблись в оценке эффективности и храбрости немецкого солдата. И мы не ошиблись насчёт качества нашего оружия

Мы не ошиблись относительно прекрасной организации фронтов и службы тыла, осваивающей гигантские области. И мы не ошиблись насчёт нашего фатерлянда.

Однако, насчёт одной вещи мы ошиблись. Мы понятия не имели, насколько грандиозными были приготовления этого врага против Германии и Европы и как невероятно велика была опасность, как мы чудом избежали разрушения не только Германии, но и всей Европы.

Что я могу сказать сейчас. Я говорю это только сегодня, потому что я могу сказать, что этот враг уже сокрушён и никогда не поднимется снова.

Его мощь была сконцентрирована против Европы, которая, к несчастью, ничего об этом не знала, а многие и сейчас не имеют об этом ни малейшего понятия. Это был бы второе нашествие Чингиз-хана. Тем, что эта опасность была предотвращена, мы

обязаны, в первую очередь, храбрости, выносливости и самоотверженности германских солдат, а также самоотверженности наших союзников.

Впервые нечто вроде пробуждения Европы пронизало континент. На севере сражаются финны, нация истинных героев, в тех необозримых пространствах они полагаются лишь на собственную силу, храбрость и упорство.

На юге сражается Румыния. Она с удивительной быстротой оправилась от труднейшего кризиса, её народ ведёт человек храбрый и быстро принимающий решения.

Охвачено всё поле битвы, от Арктического океана до Чёрного моря. Наши германские солдаты сейчас сражаются на этом пространстве и вместе с ними в их рядах сражаются финны, итальянцы, венгры, румыны, словаки, хорваты и испанцы. Бельгийцы, голландцы, датчане, норвежцы и даже французы присоединились к ним.

Течение это беспрецедентного процесса знакомо вам по описаниям. Из трёх германских групп армий, одна имела задачу расколоть центр и открыть пути направо и налево. Две фланговые группы имели следующие задачи: одна должна была наступать на Ленинград и другая — захватить Украину. Эти первичные задачи были в основном выполнены.

И вот, во время этой великого исторического сражения, враг спрашивает: "Почему ничего не происходит?". Но нечто всегда происходит. И потому, что нечто происходит, мы не могли говорить.

Если бы я был британским премьер-министром, я бы тоже продолжал только говорить в сложившейся ситуации, потому что там ничего не происходит, и различие в этом. Мы молчали — не потому, что мы не воздаём должное непревзойдённым достижениям наших солдат, а потому, что не хотели давать никакой информации для врага в обстановке наступления, о котором он, с его убогой разведкой, узнавал только дни, а то и недели спустя.

Германское высшее командование выдаёт правдивые сообщения, даже если тупые британские мужланы-газетчики заявляют, что они должны быть подтверждены. Сообщения германского высшего командования были полностью подтверждены. Мы разбили поляков, а не поляки нас, хотя британская пресса утверждала противоположное. Нет сомнений и в том, что мы находимся в Норвегии, а не британцы.

Нет никаких сомнений, что мы добились успеха в Нидерландах и в Бельгии, а не Англия. Также нет сомнений в том, что Германия завоевала Францию, и что мы сейчас стоим в Греции, а не англичане или новозеландцы. На Крите не они, а мы. германское высшее командование говорит правду.

Так же обстоят дела на Востоке. Согласно британской версии, нам в течение трёх месяцев наносили одно поражение за другим, тем не менее мы в тысяче километров от нашей границы. Мы — к востоку от Смоленска, мы — перед Ленинградом и на Чёрном море. Мы у Крыма, а не русские на Рейне.

Поэтому, если русские непрерывно одерживали победы, то они не использовали их плоды. На самом деле, после каждой победы они отступали на 100 или 200 километров, очевидно, заманивая нас вглубь своей территории.

Величие этой битвы выражается следующими числами. Среди вас многие пережили Мировую войну и они знают, что значит брать пленных и наступать на сотни километров.

Число пленных сейчас достигло примерно 2 500 000 русских. Число захваченных или уничтоженных нашими руками орудий — приблизительно 22 000. Число захваченных или уничтоженных нашими руками танков — свыше 18 000. Число уничтоженных на земле и сбитых самолётов — свыше 14 500.

За нашей линией фронта — русская территория, дважды превышающая размеры Германской империи в 1933 году, когда я пришёл к власти, или в четыре раза больше Англии. Линия фронта, на котором сражаются германские солдаты, от 800 до 1000 километров по карте. Реальная её протяжённость в полтора-два раза больше.

Они сражаются на фронте гигантской протяжённости против врагов, которые не являются людьми, а скорее животными, или зверьми. Теперь мы знаем, в кого большевизм превращает людей.

Мы не можем описать гражданскому населению фатерлянда то, что происходит на Востоке. Это превосходит всё самое зловещее, что может породить человеческое воображение. Враг сражается со скотской жадью крови с одной стороны, и из страха перед комиссарами с другой стороны.

Наши солдаты пришли на земли, 25 лет бывшие под большевистской властью. Те из солдат, у которых в сердцах или в умах ещё жили коммунистические идеи, вернутся домой, в буквальном смысле этого слова, исцелёнными.

Картины этого рабоче-крестьянского рая — какие я всегда описывал, — будут подтверждены пятью или шестью миллионами солдат после окончания этой войны. Они будут свидетелями, на которых я смогу положиться. Они прошли по улицам этого рая.

Это — исключительно фабрика по производству оружия против Европы, выстроенная за счёт жизненного уровня граждан. Наши солдаты победили этого жестокого, зверообразного противника, врага с мощнейшим вооружением.

Я не могу подобрать слов, чтобы описать то, что они делают. Каких вершин храбрости и отваги они ежедневно достигают, и какие неизмеримые, невообразимые предпринимают усилия.

Говорим ли мы о наших летчиках-истребителях, или пилотах пикирующих бомбардировщиков, или о наших подводниках, говорим ли мы, наконец, о наших альпийских стрелках на севере, говорим ли мы о людях из подразделений СС — все они одинаково хороши. Но, прежде всего, особенно сейчас, я хочу подчеркнуть выдающуюся роль германских пехотинцев.

У нас есть три дивизии, друзья мои, которые с весны прошли маршем от 2 до 3 тысяч километров. И есть многочисленные дивизии, которые совершили переходы на расстояние от 1,5 до 2 тысяч километров. Это говорит само за себя.

Я хочу сказать, что если рассуждать о молниеносной войне, то эти солдаты заслуживают, чтобы их называли молниеносными, потому что переходов такой протяжённости история ещё не знала, за исключением беспорядочного бегства некоторых английских полков.

В истории зафиксировано только молниеносное отступление. В любом случае, речь не идёт о таких расстояниях, потому что враг заботился о том, чтобы держаться поближе к побережью.

Я не хочу этими словами унижить врага. Я лишь хочу воздать должное германскому солдату. Он достиг совершенства. А также работники всех связанных с армией организаций — наполовину рабочие, но наполовину и солдаты. Потому что в это судьбоносное время практически каждый — солдат.

Каждый рабочий — солдат. Каждый железнодорожник — солдат. На оккупированной территории каждый должен быть вооружён, это колоссальная территория. До, что делается в тылу, так же грандиозно, как и победы на фронте.

Свыше 25 000 километров русских железных дорог снова функционируют. Свыше 15 000 километров русских железных дорог перебиты на немецкую колею. Общая протяжённость железных дорог на Востоке, перебитых на немецкую колею, более чем в 15 раз превышает самую длинную железнодорожную магистраль в империи — что тянется от Штеттина до Баварских Альп, а она немногим короче 1000 километров.

Каких трудов, какого пота это стоило, люди в империи представить не могут. За всем этим — трудовые батальоны, организации трудового фронта. Настоящий огромный фронт открыт этими службами; врачи и санитары, медсёстры Красного Креста — все приносят жертвы на алтарь победы.

Позади этого фронта уже работает новая администрация, чтобы позаботиться об этих обширных землях.

Если эта война затянется, Германия и её союзники в полной мере используют огромный потенциал оккупированных территорий, и мы знаем как всё это организовать.

Кратко описывая картину уникальных достижений немецких солдат и всех, кто сейчас сражается или трудится на Востоке, я также хочу передать вам благодарность немецких солдат за превосходное, первоклассное оружие, которым страна снабдила их, и их благодарность за боеприпасы, которыми они располагают в неограниченных количествах — зависящем только от скорости их транспортировки.

Есть одна проблема — проблема перевозок. Мы проследили, чтобы во время этой великой войны была хорошо организована служба доставки вооружения и боеприпасов,

потому что я знаю — нет такого противника, которого нельзя победить с помощью достаточного количества боеприпасов.

И если время от времени вы читаете в газетах о грандиозных планах других государств, о том, что они намереваются сделать, когда собираются начать, когда вы слышите о миллиардных суммах, вспомните мои слова: во-первых, мы осваиваем целый континент, который используем в нашей борьбе; во-вторых, мы говорим не о капитале, а о рабочей силе и на все 100 процентов вкладываем эту силу в дело. Если мы молчим, это не означает, что мы ничего не делаем.

Я прекрасно знаю, что другие делают всё лучше, чем мы. Они строят неуязвимые танки, которые быстрее наших и которым не нужен бензин. В сражениях мы множество из них вывели из строя. Это — решающее.

Они строят чудесные самолёты, всё, что они делают, достойно удивления. Всё, что они делают, непостижимо, даже технически непостижимо, но у них нет машин, которые бы могли превзойти наши, и машины в которых мы сражаемся сегодня, не те, в которых мы будем сражаться в следующем году.

Я верю, что это удовлетворит каждого немца. Обо всём остальном позаботятся наши изобретатели, и наши германские рабочие, и работающие женщины. Позади фронта храбрости и самоотвержённости есть ещё и домашний фронт, фронт, состоящий из городов и сёл.

Миллионы германских тружеников работают в городах и на селе. Весь народ объединился в борьбе.

Этот единый германский народ противостоит двум крайностям в остальном мире. С одной стороны — капиталистическое государство, которое отнимает у людей естественные права с помощью лжи и предательства, заставляя их интересоваться исключительно собственными интересами; с другой стороны — коммунистическое экстремистское государство, которое принесло невообразимую нищету миллионам и жаждет ввергнуть весь мир в такую же нищету.

По-моему, это налагает на нас только одну обязанность — бороться сильнее, чем когда-либо прежде, в защиту наших национал-социалистических идеалов. Нам должна быть ясна одна вещь. Когда эта война закончится, то победит в ней германский солдат — представитель рабочих и крестьян, настоящий представитель народных масс.

Победа будет одержана германским тылом: миллионами рабочих — мужчин и женщин, — крестьян, творческой интеллигенцией. Все эти миллионы будут победителями. Те, кто трудятся в тылу, имеют право знать, что это новое государство будет построено для них.

Фронтной опыт породит ещё большее количество фанатичных национал-социалистов. В Германии правит один закон — тот, кто способен повести за собой — в военной ли, в политической или экономической области, — будет уважаем и ценен в Германии, но ещё более уважаемым будет простой труженик, без поддержки которого самый величайший правитель не добьётся ничего. Это — решающее.

Германский народ может сегодня гордиться. У него лучшие политические руководители, лучший генералитет, лучшие инженеры и управленцы в экономике, а также лучшие рабочие, лучшие крестьяне — лучшие люди.

Спать всех этих людей в одно нерасторжимое сообщество — вот задача, которую решаем самостоятельно как национал-социалисты. Эта задача стоит перед Германией более ясно, чем когда-либо прежде.

Я приехал с войны на один день с моей партийной программой, выполнение которой ещё более важно для меня, чем когда-либо. Я приехал сюда, чтобы заявить германскому народу, что в рамках Зимней Помощи есть возможность продемонстрировать дух единства. Что жертвы, приносимые на фронте, ни с чем несравнимы. Что настоящие и будущие достижения германского тыла будут запечатлены в истории.

Только когда весь германский народ станет единым самоотверженным сообществом, мы сможем ждать и надеяться на помощь Господа Всемогущего. Всемогущий никогда не помогал лодырям. Он не помогает трусам. Он не помогает людям, которые сами не могут помочь себе.

Это принципиально — помогите себе сами и Всемогущий Господь не откажет вам в Своей помощи!

Речь рейхсканцлера А. Гитлера в Рейхстаге по случаю объявления войны Соединённым Штатам Америки

11 декабря 1941

Депутаты! Представители германского Рейхстага!

Заканчивается год, полный событий всемирно-исторической важности. Наступает год великих решений. В этот серьёзный час я

говорю с вами, депутаты Рейхстага, как с представителями германской нации. И всей германской нации необходимо понять, что произошло и осознать, какие решения нужно принять — решения, требуемые настоящим и будущим.

После того, как мои неоднократные мирные предложения в 1940 году были отвергнуты британским премьер-министром и кликой, которая поддерживает его и управляет им, осенью того же года стало ясно, что эту войну придётся вести до самого конца, вопреки всякой логике и необходимости. Вы, мои старые товарищи-по-партии, знаете, я что я не перевариваю слабых или половинчатых решений. Если Провидение предназначило, что германскому народу не избежать этой борьбы, я благодарен, что Оно доверило мне главенство в конфликте, который определит историческое развитие в течение следующих пятисот или тысячи лет; и не только германской истории, но также истории всей Европы и даже всего мира.

Немцы, немецкие солдаты, трудятся и сражаются сейчас не только за себя но и за многие грядущие поколения. Создатель возложил на нас историческую задачу уникальной сложности, и мы обязаны её выполнить.

Перемирие на Западе, которое стало возможным после окончания конфликта в Норвегии, заставило германские власти обеспечить политическую, стратегическую, экономическую и, прежде всего, военную безопасность на оккупированных территориях. Следовательно, оборонительные возможности захваченных стран к настоящему моменту изменились.

От Киркенеса до испанской границы тянется вал мощных оборонительных укреплений и крепостей. Были построены бесчисленные аэродромы, в том числе и на севере, которые приходилось вырубать в граните. Число и мощность укреплённых подводных укрытий для подводных лодок, защищающих военно-морские базы, таковы, что базы являются практически неприступными и с моря, и с воздуха. Они защищены более чем полутора тысячей артиллерийскими батареями, которые были задуманы, спроектированы и построены. Сеть дорог и железнодорожных линий раскинулась так, чтобы транспортные связи между испанской границей и Петсамо защищены от атак с моря. Сооружения, возведённые сапёрными и строительными батальонами флота, армии и военно-воздушных сил в сотрудничестве с организацией Тодта, не хуже, чем Западный Вал. Дальнейшая работа по укреплению сооружений продолжается без остановки. Я решил сделать этот Европейский фронт неприступным для любого вражеского нападения.

Эти оборонительные работы, продолжавшиеся всю прошлую зиму, были подкреплены, насколько позволяли погодные условия, военными действиями. Германские военно-морские — надводные и подводные — продолжили войну на уничтожение против военного и торгового флотов Британии и приспешествующих ей союзников. Разведывательными полётами и воздушными атаками германские военно-воздушные силы помогали уничтожать вражеские конвои и эти бесчисленные воздушные атаки дают лучше понять британцам, что в действительности скрывается за определением нынешнего премьер-министра Британии — "захватывающая война".

В течение прошлого лета Германия поддерживалась, прежде всего, своим итальянским союзником. Много месяцев союзная нам Италия несла на своих плечах основную тяжесть борьбы с британской мощью. Только из-за подавляющего превосходства в тяжёлых танках Британия сумела добиться временных успехов в Северной Африке, пока 24 марта прошлого года небольшие объединённые германо-итальянские силы под командованием генерала Роммеля не начали контрнаступление. Агедабия пала 2 апреля. Бенгази — 4-го. Наши объединённые силы вошли в Дерну 8-го, Тобрук был осаждён 11-го, а Бардия была захвачена 12 апреля. Достижения германского Африканского Корпуса тем более выдающиеся, если учесть, что поле битвы — по климатическим и иным условиям — было совершенно чужим и незнакомым немцам. Как некогда в Испании, так теперь в Северной Африке, немцы и итальянцы сражались вместе против общего врага. В то время, когда германские и итальянские солдаты проливали кровь, своими смелыми действиями вновь защитив Северную Африку, угрожающие тучи новой, ужасной опасности, сгущались над Европой. Принуждённый горькой необходимостью, я решил осенью 1939 года по крайней мере попытаться создать предпосылки для сохранения всеобщего мира, устранив острую напряжённость в отношениях между Германией и Советской Россией. Это было психологически трудно, исходя из отношения к большевизму германского народа и, прежде всего, национал-социалистической партии. Объективные причины были на виду, потому что в отношении всех стран, которые Британия предупреждала об угрозе со стороны Германии и которым предлагала военный союз, мы имели только экономические интересы.

Я могу напомнить вам, представителям германского Рейхстага, что весной и летом 1939 года Британия предложила военный союз многим странам, пугая их тем, что Германия собирается напасть на них и отнять их свободу. Тем не менее, Германская империя и её правительство ручаются с чистой совестью, что эти инсинуации никоим образом не соответствовали действительности. Более того, имелись проработанные военные планы, и в том случае, если бы дипломатическая война Британии против германского народа увенчалась успехом, мы вынуждены были бы воевать на два фронта, неся огромные потери. Вслед за Прибалтийскими государствами, Румыния также склонялась к тому, чтобы принять британские предложения о заключении военного союза и, таким образом, ясно дала понять, что ей также угрожали, так что определить границы германских и советских интересов было не только правом, но и обязанностью правительства Германской империи.

Все эти дипломатически обработанные страны очень быстро осознали, что Германия — самая лучшая, самая сильная гарантия против угрозы с Востока, — эта угроза была несчастьем и для Германии. Таким образом, когда эти страны по собственной инициативе разорвали связи с Германской империей и вместо этого поверили в военную помощь, обещанную им страной, которая в своём эгоизме,

вошедшем в пословицы, в течение столетий никогда никому не помогала, но зато всегда требовала помощи, они проиграли. Всё равно, судьба этих стран пробудила самую искреннюю симпатию со стороны германского народа. Финская зимняя война пробудила в нас чувство восхищения, смешанного с горечью; восхищения — потому что мы, как солдатская нация, сердцем сочувствуем героизму и самоотверженности; и горечи — потому что наша обеспокоенность вражеской угрозой на Западе и опасностью на Востоке не позволяло нам оказать помощь. Когда нам стало ясно, что Советская Россия заключила соглашение о разделе сфер политического влияния для того, чтобы на законных основаниях практически истреблять иностранные нации, отношения поддерживались только по прагматическим причинам, вопреки чувствам и доводам рассудка.

Уже в 1940 году становилось от месяца к месяцу всё яснее и яснее, что люди в Кремле планируют подавить Европу и, следовательно, разрушить её. Я уже говорил нации о наращивании Советской Россией военной мощи на Востоке, в то время, когда Германия имела всего несколько дивизий в провинциях, граничащих с Советской Россией. Только слепец мог не увидеть, как шло невиданное прежде в истории наращивание военных сил. И делалось это не для того, чтобы защититься от чего-то угрожающего, а чтобы напасть на нечто, неспособное защищаться.

Быстрое завершение кампании на Западе подразумевало, что Москва ошибочно рассчитывала на немедленное истощение Германской империи. Тем не менее, она не отказалась от своих планов в целом, а только перенесла срок нападения. Лето 1941 года идеально подходило для удара. Новое нашествие монголов было готово обрушиться на Европу. Господин Черчилль в то время также обещал, что грядут перемены в войне Британии против Германии. Теперь он самым трусливым образом отрицает свои слова во время тайного заседания в британской Палате Общин в 1940 году, — что важным фактором для успешного продолжения и окончания этой войны будет вступление в войну Советов, самое позднее, в 1941 году, что позволит Англии предпринять общее наступление. Осознавая наши обязательства, мы прошлой весной наблюдали за наращиванием военной мощи, которая, казалось, имела неистощимые людские и материальные ресурсы. Тёмные тучи сгустились над Европой.

Что такое Европа, мои депутаты? Нет никакого географического определения нашего континента, а только расовое и культурное. Граница этого континента — не по Уральским горам, но скорее между западным и восточным образом жизни.

В своё время Европой были всего лишь Греческие острова, которых достигли нордические племена, и где зажглось пламя просвещения и гуманизма, которые распространялись медленно, но неуклонно. И когда греки боролись со вторжением персидских завоевателей, они защищали не только свою маленькую родину, Грецию, но и концепцию сегодняшней Европы. Затем дух Европы переместился из Греции в Рим. Римская мысль и римская государственность смешались с духом и культурой Греции. Была основана империя, значение и созидательная сила которой никогда — до этого самого дня — не были достигнуты, не то, что превзойдены. И когда римские легионы в трёх ужасных войнах защищали Италию от атак африканского Карфагена, в итоге одержав окончательную победу, в этом случае Рим тоже сражался не только за своё существование, но и во имя греко-римского мира, который тогда начинался в Европе.

Следующее наступление против основ этой новой культуры человечества началось с широких пространств Востока. Ужасное нашествие бескультурных орд обрушилось из центра Азии в глубину Европейского континента, сжигая, разоряя и убивая, подобно истинному божьему бичу. В Каталонии римляне и германцы впервые сообща боролись на поле битвы в решающем сражении огромной важности — за культуру, которую зародили греки, сохранили и преумножили римляне, и которая затронула германские народы.

Европа созрела. Запад вырос из Эллады и Рима, и в течение многих столетий защищать его было задачей не только римлян, но, прежде всего, германских народов. То, что мы называем Европой, географически — Запад, просвещённый греческой культурой, вдохновлённый мощным наследием Римской империи, территориально увеличенный германской колонизацией. Были ли это германские императоры, сражающиеся под Унструтом и Лехфельдом против Востока, или другие, выбивающие мавров из Испании в течение многих лет, — всегда это была борьба развивающейся Европы с глубоко враждебным окружающим миром.

Так же, как в своё время Рим сделал бессмертный вклад в развитие и защиту континента, так же германские народы сейчас приняли на себя защиту и покровительство над семьёй наций, которые, хотя и различаются политическим устройством и своими устремлениями, однако в расовом и культурном отношении составляют единое целое.

Европа не только заселила другие части мира, но и оплодотворила их интеллектуально и культурно, и это факт, который любой знающий человек скорее подтвердит, нежели опровергнет. Таким образом, не Англия взрастила континент, а скорее англосаксонские и норманнские ветви германской нации, которые проникли с континента на остров и сделали возможным его развитие — безусловно, не имеющее аналогов в истории. Таким же образом не Америка открыла Европу, а наоборот. И всё то, что Америка не взяла от Европы, достойно восхищения для еврейзированной смешанной расы, но Европа остаётся мерилем степени разложения искусства и культуры, разложения в результате еврейского или негроидного кровосмешения.

Депутаты! Представители германского Рейхстага!

Я должен был сделать эти отступления, потому что борьба, необходимость которой стала очевидна в начале этого года и которую, в этот раз, прежде всего предназначено вести Германской империи, в величайшей степени превосходит интересы только нашей нации, нашего народа. Когда греки в своё время противостояли персам, они защищали большее, нежели только Грецию. Когда римляне противостояли карфагенянам, они защищали большее, нежели только Рим. Когда римляне и германцы вместе противостояли гуннам, они защищали большее, нежели только Запад. Когда германские императоры противостояли монголам, они защищали большее, нежели только Германию. И когда испанские герои противостояли маврам, они защищали не только Испанию, но и всю Европу. Также и Германия сегодня сражается не только за себя, но и за весь наш континент.

Благоприятным знаком того, что понимание этого сегодня так глубоко внедрилось в подсознание большинства европейских наций, является их участие в этой борьбе — выражением открытой поддержки, или потоками добровольцев.

Наступление германских и итальянских армий, предпринятое против Югославии и Греции 6-го апреля этого года, было прелюдией к великой борьбе, которую мы сейчас ведём. Причиной этого стал переворот в Белграде, который привёл к ниспровержению бывшего принца-регента и его правительства и определил дальнейшее развитие событий в той части Европы. Хотя Англия играла ведущую роль в организации переворота, Советская Россия играла одну из главных ролей. Сталин полагал, что может получить в результате революционной деятельности то, в чём я отказал Молотову во время его визита в Берлин. Игнорируя соглашение, которое они подписали, большевистские правители увеличили свои амбиции. Договор о дружбе с новым революционным режимом очень быстро продемонстрировал, насколько возросла опасность.

Успехи германских вооружённых сил в этой кампании чествовались в Рейхстаге 4 мая 1941 года. В то время я не мог, тем не менее, раскрыть, что мы очень быстро идём к столкновению с Советской Россией, которая не напала во время кампании на Балканах только потому, что её военное развёртывание было ещё не полностью завершено и потому, что не могла использовать свои полевые аэродромы из-за весенней распутицы.

Мои депутаты! Мужья германского Рейхстага!

Когда я убедился в 1940 году в грозящей империи опасности — проанализировав сообщения о происходящем в британской Палате общин и о передвижениях советских войск на наших границах, я немедленно отдал приказ о формировании новых бронетанковых, моторизованных и пехотных дивизий. Человеческие и материальные ресурсы для них были доступными в изобилии. И я могу только одно обещать вам, мои депутаты, и всей германской нации: пока люди в демократических государствах убедительно и много разглагольствуют о вооружении, в национал-социалистической Германии оно будет производиться — и в больших масштабах. Так было раньше, так есть сейчас. Всякий раз, когда должны предприниматься решающие действия, мы будем иметь преимущество в количестве и, самое главное, в качестве оружия — с каждым годом.

Мы очень ясно осознали, что ни в коем случае не можем позволить ударить врагу первым в самое наше сердце. Несмотря на это, решение было чрезвычайно трудным. Теперь, когда писатели из демократических газет заявляют, что я бы подумал дважды, если бы знал о силе большевиков, они показывают, что своё непонимание — ситуации или меня.

Я не искал войны, а, напротив, делал все, чтобы ее избежать. Но я бы забыл свой долг и действовал бы вопреки своей совести, если бы, несмотря на понимание неизбежности столкновения, не сделал отсюда одного единственно возможного вывода: считая Советскую Россию смертельной опасностью не только для германского рейха, но и для всей Европы, я решил всего за несколько дней до этого столкновения дать сигнал к наступлению.

Сегодня имеются поистине неоспоримые и аутентичные материалы, подтверждающие факт намерения русских осуществить нападение на нас. Точно так же нам известен и тот момент, когда должно было произойти это нападение. Учитывая осознанную нами во всем ее объеме только ныне огромную опасность, могу лишь

поблагодарить Господа нашего, вразумившего меня в нужный час и давшего мне силу сделать то, что должно было сделать. Миллионы германских солдат могут поблагодарить Его за спасение своих жизней, и вся Европа — за своё спасение. Сегодня я могу сказать: если бы вал из более чем 20 000 танков, сотен дивизий, десятков тысяч орудий вместе с более чем 10 000 самолётами не был остановлен перед тем, как хлынуть на Германскую империю, Европа была бы сметена.

Некоторые нации были предназначены, чтобы предотвратить или пасть под этим валом, пролив кровь. Если бы Финляндия не решилась немедленно, во второй раз, взяться за оружие, то комфортабельная буржуазная жизнь других Скандинавских государств быстро закончилась.

Если Германская империя, силой своих солдат и оружия не встала на пути этого противника, пожар пылал бы в Европе и навсегда выжег смехотворную британскую идею о равновесии сил в Европе — во всей интеллектуальной недостаточности этой идеи и её традиционной тупости.

Если бы словаки, венгры и румыны тоже не встали на защиту Европейского континента, то большевистские орды заполонили бы дунайские страны также, как однажды полчища гуннов Атилы, и татаро-монголы силой бы изменили соглашение в Монтре и получили выход в Ионическое море.

Если бы Италия, Испания и Хорватия не прислали свои дивизии, то не возникло бы европейского фронта обороны, возвещающего новую европейскую концепцию и, таким образом, эффективно вдохновляет другие нации. Осознавая опасность, присоединились добровольцы из Северной и Западной Европы: норвежцы, датчане, голландцы, фламандцы, бельгийцы и даже французы. Все они придали борьбе союзных сил Оси характер европейского крестового похода, в самом истинном смысле этих слов.

Сейчас ещё не время, чтобы рассказывать о планировании и целях этой кампании. Тем не менее, кое что я хочу рассказать о том, что достигнуто в этом величайшем в истории конфликте. Из-за огромности пространств и количества и значимости событий, личные впечатления могут утратиться и забыться.

Нападение началось 22-го июня на рассвете. С отчаянной храбростью приграничные укрепления, которые должны были защищать сосредоточивание советских сил от нашей внезапной атаки, были сметены. Гродно пало 23-го июня. 24-го июня, после захвата Брест-Литовска, крепость взята штурмом, и Вильнюс с Каунасом были также захвачены. Даугавпилс пал 26-го июня.

Первые две большие операции по окружению под Белостоком и Минском были завершены 10 июля. Мы захватили 324 000 пленных, 3 332 танков и 1 809 орудий. К 13-му июля линия Сталина была прорвана практически на всех ключевых участках. Смоленск пал 16 июля после тяжёлого сражения, германские и румынские войска форсировали Днестр 19-го июля. Смоленское сражение закончилось 6 августа после множества операций по окружению. В результате было захвачено ещё 310 000 русских пленных. Кроме того, по нашим подсчётам захвачено или уничтожено 3 205 танков и 3 120 орудий. Всего тремя днями позже была решена судьба другой советской группы

армий. 9 августа, в сражении под Уманью было захвачено ещё 103 000 русских военнопленных, 317 танков и 1 100 орудий захвачены или уничтожены.

Николаев пал 13 августа, Херсон был взят 21-го. В тот же день закончилось сражение под Гомелем, было пленено 84 000 человек, 144 танка и 848 орудия были захвачены или уничтожены. Советские укрепления между Ильменем и Пейпусом были прорваны 21-го августа, переправы у Днепропетровска перешли в наши руки 26-го августа. 28-го числа германские войска после тяжёлых боёв вошли в Таллин и Палдиски, в то время как финны 20-го взяли Выборг. После того, как мы захватили 8-го сентября Петрокрепость, Ленинград был окончательно отрезан с юга. 16-го сентября был форсирован Днепр, 18-го сентября Полтава перешла в руки наших солдат. 19-го сентября германские войска штурмовали крепость Киев, а 22-го сентября завоевание Сааремаа было увенчано захватом столицы острова.

Битва под Киевом закончилась 27 сентября. Бесконечные колонны пленных — 665 000 человек — маршировали на запад. В окружении попали и были захвачены 884 танков и 3 178 орудий. Уже 2 октября началась операция с целью прорыва на центральном участке Восточного фронта, а к 11-му октября успешно закончилось сражение на Азовском море. Снова было взято в плен 107 000 человек, захвачено 212 танков, 672 орудия. 16 октября после упорного сражения германские и румынские войска вступили в Одессу. 18 октября начатое 2 октября с целью прорыва наступление на центральном участке Восточного фронта закончилось новым, всемирно-историческим успехом. Результатом явились 663 000 пленных; частично уничтожены, частично захвачены 1242 танка, 5452 орудия. 21 октября закончился захват острова Даго; 24 октября взят промышленный центр Харьков. 28 октября в ходе тяжелейших боев окончательно перекрыт вход в Крым, и уже 2 ноября штурмом взята его столица Симферополь. 16-го в Крыму совершен прорыв до самой Керчи.

На 1 декабря общее число взятых в плен советско-русских составило 3 806 865 человек, уничтоженных или захваченных танков — 21391, орудий — 32541 и самолетов — 17332.

За этот же период сбит 2191 британский самолет, военно-морским флотом потоплено 4 170 611, а авиацией 2 346 180 регистровых брутто-тонн, итого — 6 516 791.

Это всего лишь голые факты и сухие числа. Но они никогда не забудутся историей, никогда не сотрутся из памяти германской нации! Потому что за этими числами — победы, жертвы, страдания, героизм и готовность к самопожертвованию миллионов лучших людей нашего народа и союзных нам стран. Эта борьба стоит здоровья и жизни, и эту борьбу тыл едва ли может себе представить.

Они прошли маршем бесконечные расстояния, мучимые зноем и жаждой, зачастую скользя в бездонной грязи разбитых дорог, в тяжёлых климатических условиях на участке от Белого до Чёрного морей, — от июльской и августовской жары, до снежных ноябрьских и декабрьских бурь; истерзанные насекомыми, страдающие от грязи и вредителей, замерзая в снегах и во льдах, они сражались — германцы и финны, итальянцы, словаки, венгры, румыны и хорваты, добровольцы из северных и западных европейских стран — короче, солдаты Восточного фронта!

Сегодня я не буду отмечать отдельные рода вооружённых сил или хвалить отдельных руководителей — все они старались. Но всё же, справедливость требует, чтобы кое-кого назвать снова. Как ранее, так и сейчас, изо всех германских мужчин, носящих униформу, наибольшее бремя сражений несут наши вездесущие пехотинцы.

С 22 июня по 1 декабря германская армия потеряла в этой героической борьбе: 158 773 человека убитыми, 563 082 ранеными и 31 191 пропавшими без вести. Потери военно-воздушных сил: 3 231 убито, 8 453 ранено и 2 028 пропало без вести. Флот: 310 убито, 232 ранено и 115 пропало без вести. В целом для германских вооружённых сил: 162 314 убитых, 571 767 раненых и 33 334 пропавших без вести.

То есть, количество убитых и раненых немногим в два раза больше, чем потери в битве при Сомме в Мировую войну, но немногим менее половины от числа пропавших без вести в этой битвы — таких же немцев, отцов и сыновей.

Позвольте мне изложить свое отношение к тому, другому миру, чьим представителем является человек, который, в то время как наши солдаты сражаются в снегах и на заледенелых просторах, любит вести тактичные разговоры у камина, человек, который несет основную вину за развязывание этой войны.

Когда национальная проблема в бывшем польском государстве стала нетерпимой к 1939 году, я попытался решить её исключительно с помощью переговоров. В течение некоторого времени казалось, что польское правительство всерьёз было готово придти к разумному решению. Могу добавить, что в германских предложениях мы не требовали ничего из того, что ранее не было германским. Фактически мы были готовы отказаться от много, что было германским перед Мировой войной.

Давайте вспомним драматические события того времени — неуклонно увеличивающееся число жертв среди этнических немцев. Вы, мои депутаты, лучше сравните эти потери с потерями в этой войне. Военная кампания на Востоке стоила к настоящему моменту приблизительно 160 000 убитых во всем германских вооружённых силах, а за всего лишь несколько месяцев мира были убиты более чем 62 000 этнических немцев, некоторые из них были зверски замучены. Нет никаких сомнений, что Германская империя имела право воспротивиться такому положению вещей на её границе и потребовать их изменения — исключительно из соображений обеспечения своей собственной безопасности, особенно, если учесть, то мы живём в такое время, когда другие страны находят угрозу их безопасности даже на других континентах. Географически проблемы, которые нам требовалось разрешить, были малозначимы. По существу, они касались только Данцига и воссоединения связей с отрезанной от остальной империи Восточной Пруссией. Намного большее беспокойство вызывало зверское преследование немцев в Польше. Кроме того, судьба других национальных меньшинств вызывала не меньшее беспокойство.

В те августовские дни, когда отношение Польши к нам неуклонно охладевало, благодаря британским посулам неограниченной поддержки, Германская империя пошла ей навстречу, сделав окончательное предложение. Мы были готовы на базе этого предложения вступить с Польшей в переговоры, и мы устно информировали британского посла о тексте предложения. Сегодня я хотел бы вспомнить это предложение и рассмотреть его вместе с вами.

Бывшее польское правительство вообще отказалось отвечать на эти предложения. Давайте спросим, как могло такое слабое государство столь смело отвергнуть наши предложения и, более того, продолжить политику дискриминации немцев, — людей, которые окультировали эти земли, и даже отдать приказ о проведении всеобщей мобилизации?

Документы министерства иностранных дел в Варшаве позднее дали этому неожиданное объяснение. Они раскрывают роль человека, который с сатанинской беспринципностью всячески подстрекал Польшу к сопротивлению и пресекал все попытки взаимопонимания. Возникает другой вопрос, отчего этот человек с фанатической враждебностью обрушился на страну, которая за всю историю не причинила никакого вреда ни Америке, ни ему?

По поводу германо-американских взаимоотношений я должен сказать следующее:

1. Германия, возможно, была единственной великой державой, которая не никогда имела колоний ни в Северной, ни в Южной Америке. Не имела никаких политических интересов там, за исключением эмиграции миллионов немцев с их навыками, которая была только выгодна американскому континенту и, прежде всего, Соединённым Штатам.

2. За всю историю существования и развития Соединённых Штатов Германская империя никогда проявляла к ним ни враждебности, ни даже политического недружелюбия. Напротив, многие немцы отдали жизни, защищая США.

3. Германская империя никогда не воевала с Соединёнными Штатами, за исключением 1917 года, когда Соединённые Штаты вступили в войну против нас. Это произошло по причинам, полностью вскрытым комиссией, образованной самим президентом Рузвельтом. Эта комиссия расследовала, что причиной вхождения Америки в войну в 1917 году были капиталистические интересы небольшой группы и что сама Германия не имела никакого желания или намерения вступить в конфликт с Америкой.

Более того, не было никаких территориальных или политических разногласий между германской и американской нациями, которые могли бы затрагивали жизненные интересы Соединённых Штатов. Формы правления всегда различны. Но это не может служить причиной для возникновения враждебности между различными нациями, пока одна форма правления не сталкивается с другой, выйдя из естественной сферы своих жизненных интересов.

Америка — республика во главе с президентом, обладающим самыми широкими полномочиями. Германия сначала управлялась монархией с ограниченной властью, а затем демократией, которая испытывала недостаток власти. Сегодня Германия — республика под полновластным управлением. Между нашими двумя странами — океан. Если есть различия между капиталистической Америкой и большевистской Россией, если эти различия хоть что-то значат, то они более существенны, нежели различия между Америкой, возглавляемой президентом и Германией, возглавляемой фюрером.

Фактически два исторических конфликта между Германией и Соединёнными Штатами инспирированы двумя американцами, президентами Вудро Вильсоном и Франклином Рузвельтом, и ими обоими стоят одни и те же силы. История вынесла Вильсону приговор. Его имя навсегда связано с величайшим предательством в истории. Результатом было разрушение основ национальной жизни не только в так называемых "побеждённых странах", но и в странах-победительницах. Исключительно из-за разрыва договора стали возможными Версальские соглашения, государства были разделены на части, пришли в упадок культура и экономика. Сегодня мы знаем, что за Вильсоном стояла группа преследующих исключительно собственные интересы финансистов. Они использовали этого профессора-паралитика, чтобы ввергнуть Америку в войну и извлечь из этого прибыль. Германский народ доверился однажды этому человеку и был вынужден заплатить за это доверие политическим и экономическим крахом.

После такого горького опыта почему сейчас другой американский президент решил инспирировать войну и, прежде всего, разжечь враждебность к Германии, как причину войны? Национал-социализм пришел к власти в Германии в тот же год, когда Рузвельт был избран президентом. Очень важно рассмотреть текущие события с этой точки зрения.

Я слишком хорошо понимаю, что целая пропасть отделяет идеи Рузвельта от моих идей. Рузвельт происходит из исключительно богатой семьи. По рождению он принадлежит к тому классу, дорогу которому вымостила демократия. А я родился в небольшой бедной семье и должен был пробивать себе дорогу тяжелым трудом. Когда началась Мировая война, Рузвельт, как представитель привилегированного класса, участвовал в ней в качестве тени Вильсона. В итоге он знал только приятные стороны всемирного конфликта между нациями, на котором некоторые наживались, в то время, как другие погибали. В то же самое время я жил совершенно другой жизнью. Я не был одним из тех, кто делал историю или делал деньги, а скорее тем, кто выполнял приказы. Рядовым солдатом я воевал четыре года и, естественно, вернулся с войны таким же бедным, каким был осенью 1914 года. Я разделил судьбу миллионов, а господин Рузвельт — судьбу так называемых "высших десяти тысяч".

После войны Рузвельт пустился в финансовые махинации, получая прибыль от роста инфляции, то есть, от несчастья других; а я всё ещё лежал в госпитале с сотнями тысяч других раненых. Опытный в бизнесе, независимый финансово и при поддержке своего класса, Рузвельт в конце концов избрал для себя политическую карьеру. В это же время я, без имени и связей, боролся за возрождение моей нации, ставшей жертвой величайшей несправедливости в истории человечества.

Два разных жизненных пути! Франклин Рузвельт пришёл к власти как кандидат от воистину капиталистической партии, которая помогает тем, кто служит ей. Когда я стал канцлером Германской империи, я был лидером популярного народного движения, которое я сам создал. Силы, которые поддерживали господина Рузвельта были теми же самыми силами, против которых я боролся, руководствуясь глубочайшими внутренними принципами и во имя судьбы моего народа. "Мозговой трест", который служил новому американскому президенту, вышел из тех социальных слоёв, с которыми мы в Германии боролись, как с паразитами человечества, которых мы уже начали устранять из общественной жизни.

И всё же у нас было кое-что общее: Франклин Рузвельт взял на себя управление страной, которая находилась в очень тяжелом экономическом состоянии из-за издержек демократии, а я взял на себя руководство империей, оказавшейся на грани полного развала — благодаря демократии. В то время в Соединённых Штатах было 13 миллионов безработных, а в Германии — семь миллионов безработных и ещё семь миллионов частично занятых рабочих. В обеих странах финансовая жизнь впала в хаос и, казалось, что разрастающуюся экономическую депрессию не остановить.

С того времени развитие Соединённых Штатов и Германской империи шло параллельно и для будущих поколений не составит большого труда дать окончательную оценку двух различных социально-политических теорий. В то время как в Германии под руководством национал-социалистов произошло беспрецедентное возрождение экономики, культуры и искусства, президент Рузвельт не добился ни малейшего улучшения жизни своей страны. Эту задачу было куда легче решить Соединённым Штатам, где плотность населения всего 15 человек на квадратный километр, в то время как в Германии — 140. Если в стране не достигнуто экономическое процветание, то это результат либо слабости правительства, либо полной некомпетентности чиновников. Всего лишь за 5 лет в Германии были решены экономические проблемы и ликвидирована безработица. В течение этого же периода при президенте Рузвельте беспрецедентно вырос внешний долг США, доллар обесценился, экономика продолжала разваливаться, а число безработных осталось неизменным.

И это неудивительно, если каждому ясно, что интеллектуалы, которых он призвал себе на помощь, или, точнее, которые поставили его президентом, — евреи, заинтересованные только в разложении общества и беспорядках. В то время, как национал-социалистическая Германия предпринимала меры против финансовых спекуляций, при Рузвельте они процветали. Законодательство Рузвельта, связанное с "Новым Курсом", было недееспособным и, следовательно, было величайшей ошибкой, каковой никто никогда не совершал. Не может быть никаких сомнений в том, что продолжение этой экономической политики привело бы к краху его президентства еще в мирное время, несмотря на все его диалектическое мастерство. В европейском государстве его карьера закончилась бы в верховном суде за преднамеренное растратирование национального богатства. И он вряд ли избежал бы гражданского суда за преступные методы ведения бизнеса.

Многие уважаемые американцы также разделяют эту точку зрения. Над головой этого человека угрожающе сгущались тучи оппозиции, он понял, что единственным спасением для него является переключение общественного внимания с внутренних проблем на внешнеполитические. В этом отношении интересно изучить сообщения польского посла Потоцкого из Вашингтона, которые неоднократно подтверждают, что Рузвельт в полной мере осознавал опасность того, что весь его экономический картонный домик может развалиться, и поэтому он неизбежно был должен переключить внимание на внешнюю политику.

В этом его поддерживали окружавшие его евреи. С ветхозаветной мстительностью они расценили Соединённые Штаты, как инструмент, с помощью которого они смогут подготовить второй Пурим против европейских наций, среди которых всё рос и рос антисемитизм. Вот так евреи, во всей их сатанинской сути, собрались вокруг этого человека и он положился на них.

Американский президент усиливал своё влияние, чтобы создавать конфликты, раздувать существующие и, прежде всего, препятствовать мирному окончанию конфликтов. Годами этот человек выискивал споры по миру, но прежде всего в Европе, чтобы связать одну из сторон узами американских экономических обязательств, что ввергло бы Америку в войну и, таким образом, отвлекло внимание от его собственной запутанной внутренней экономической политики.

Его действия против Германской империи были особенно прямолинейны. Начав в 1937 году, он произнёс ряд речей, — включая презреннейшую речь от 5 октября 1937 года в Чикаго, в которой этот человек систематически возбуждал американское общественное мнение против Германии. Он угрожал установить своего рода карантин против так называемых авторитарных стран. Как часть этой непрекращающейся и усиливающейся кампании ненависти, президент Рузвельт сделал другое оскорбительно заявление, а потом отозвал американского посла в Берлине в Вашингтон, для консультаций. С тех пор две страны обменивались только обвинениями.

Начиная с ноября 1938 года он начал сознательно систематически срывать любую попытку проведения в Европе мирной политики. На публике он лицемерно утверждал, что заинтересован в мире, одновременно угрожая каждой стране, решившей присоединиться к политике мирного взаимопонимания замораживанием счетов, экономическими санкциями, отзывом кредитов и так далее. Это подтверждают шокирующие сообщения польских послов в Вашингтоне, Лондоне, Париже и Брюсселе.

Этот человек усилил свою кампанию подстрекательства в января 1939 года. В послании Конгрессу Соединённых Штатов он угрожал предпринять любые, кроме военных, меры против авторитарных стран.

Он неоднократно утверждал, что другие страны вмешиваются в американские дела и много говорил о поддержке доктрины Монро. Начиная с марта 1939 года он прочёл ряд лекций о внутриевропейских проблемах, которые не имели никакого отношения к президенту Соединённых Штатов. Во-первых, он не понимал этих проблем, а во-вторых, если бы даже он и мог понять их и их историческую подоплёку, у него не больше прав вмешиваться в важнейшие европейские дела, чем у главы германского государства — вмешиваться в дела Соединённых Штатов или рассуждать о положении дел в них.

Господин Рузвельт зашёл ещё дальше. Вопреки нормам международного права он отказался признавать правительства, которые ему не нравятся, отказался отзываться послов в несуществующих государствах и даже признал их в качестве законных представителей правительств. Он зашёл так далеко, что заключил соглашения с этими послами, что дало ему право попросту оккупировать иностранные территории.

15 апреля 1939 года Рузвельт сделал знаменитое обращение ко мне и к дуче, которое представляло из себя смесь географического и политического невежества, в сочетании с высокомерием миллионера. Нас призвали признать и заключить пакты о ненападении со множеством стран, некоторые из которых не были даже независимыми, потому что они были либо захвачены, либо превращены в протектораты странами-союзницами господина Рузвельта. Вы помните, мои депутаты, что я тогда дал

вежливый, но твёрдый ответ этому навязчивому джентльмену, который на несколько месяцев остановил словоизвержения этого отъявленного поджигателя войны. Но его место тут же заняла его почтенная жена. Она и её сыновья отказываются жить в мире, вроде нашего. Во всяком случае это понятно — наш мир для труда, а не для обмана и вымогательства. После непродолжительного отдыха он продолжил. 4 ноября 1939 года был изменён Закон о государственном нейтралитете и эмбарго на поставки оружия было аннулировано в пользу односторонних поставок оружия в руки противников Германии. Так же и в Восточной Азии он экономически опутывал Китай, что в конечном счёте должно было принести, как обычно, высокие прибыли. В этом же месяце он признал небольшую группу польских эмигрантов в качестве так называемого "правительства в изгнании", единственным политическим основанием которого являются несколько миллионов польских злотых, которые были вывезены из Варшавы.

9 апреля он заморозил все норвежские и датские активы под лживым предлогом предотвратить их попадание в германские руки, при том что ему было прекрасно известно, к примеру, что Германия в это не вмешивается, что она практически не контролирует датское правительство в его финансовых делах. Наряду с другими правительствами в изгнании, Рузвельт признал и норвежское. 15 мая 1940 года были также признаны голландское и бельгийское правительства в изгнании, в то время как голландские и бельгийские активы были заморожены.

Этот человек продемонстрировал своё истинное отношение в телеграмме французскому премьеру Рейно от 15 июня. Рузвельт сообщил ему, что американское правительство удвоит помощь Франции, если та продолжит войну против Германии. Чтобы особенно подчеркнуть своё желание продолжения войны, он заявил, что американское правительство не признает территориальные завоевания, в том числе и возвращённые исконные земли, ранее украденные у Германии. Мне не нужно подчёркивать, что и сейчас, и в будущем Германское правительство не беспокоится относительно того, признает ли президент Соединённых Штатов европейские границы. Я привёл этот пример, потому что он характеризует систематическое подстрекательство этого человека, который лицемерно разглагольствует о мире, одновременно разжигая войну.

Теперь он охвачен страхом, что, если в Европе наступит мир, его безрассудное проматывание миллионов на вооружение будет рассматриваться как прямое надувательство, поскольку никто не собирается нападать на Америку, если Америка сама не спровоцирует нападение на себя. 17 июня 1940 года президент Соединённых Штатов заморозил французские активы, чтобы, как он выразился, предохранить их от захвата Германией, но в действительности, — чтобы овладеть золотом, которое было вывезено из Касабланки на американском крейсере.

В июле 1940 года Рузвельт предпринял новые меры к разжиганию войны, разрешив американским гражданам службу в британских военно-воздушных силах и тренировать британских лётчиков в Соединённых Штатах. В августе 1940 года была разработана совместная военная доктрина Соединённых Штатов и Канады. Чтобы оправдать создание объединённого Американо-канадского комитета обороны, состоящего, по всей видимости, из наитупейших людей, Рузвельт периодически изобретает кризисы и ведёт себя так, будто Америке угрожает немедленное нападение. Он внезапно отменил поездку и возвратился в Вашингтон и совершает подобные этому

поступки, чтобы подчеркнуть серьёзность ситуации для своих приверженцев, которые поистине заслуживают жалости.

Он ещё ближе подобрался к войне в сентябре 1940 года, когда передал пятьдесят американских эсминцев британскому флоту, а взамен взял под контроль принадлежащие Британии военные базы в Северной и Центральной Америке. Будущие поколения определят, в какой степени им руководила ненависть против социалистической Германии, а в какой — возможное желание легко и безопасно поглотить части Британской империи в час её распада.

После того, как Британия стала неспособной к оплате наличными за американские поставки, он обременил американский народ законом о ленд-лизе. Как президент, он получил право предоставлять на условиях аренды военную помощь тем странам, которые по его, Рузвельта, мнению, способствуют защите американских жизненных интересов. После того, как стало ясно, что Германия оставила без ответа его продолжающуюся невоспитанность, этот человек предпринял следующий шаг в марте 1941 года.

Уже в начале декабря 1939 года американский крейсер в границах зоны безопасности отеснил, маневрируя, пассажирский лайнер "Колумбус" в зону действия британских военных кораблей. В результате лайнер был захвачен. В этот же день вооружённые силы США помогли захватить германское торговое судно "Араука". 27 января 1940 года снова, вопреки международному праву, американский крейсер "Трентон" сообщил о передвижениях немецких торговых судов "Араука", "Ла-Плата" и "Вангони" вражеским военно-морским силам.

Далее, в марте американскими властями были конфискованы все германские суда. В дальнейшем с гражданами Германской империи обращались самым отвратительным образом, ограничив некоторым из них, в нарушение международного права, свободу передвижения. Двое германских офицеров, совершивших побег из канадского плена, были возвращены канадским властям, что также является вопиющим нарушением международного права.

27 марта тот самый президент, который борется против агрессии во всех её проявлениях, провозгласил поддержку Симовичу и его клике узурпаторов, которые пришли к власти в Белграде после свержения законного правительства. Несколько месяцев ранее президент Рузвельт послал полковника Донована — личность редкостной низости — на Балканы с приказом оказать помощь в организации антигерманских и антиитальянских путчей в Софии и Белграде. В апреле он обещал поставки по ленд-лизу Югославии и Греции. В конце апреля он признал югославских и греческих эмигрантов в качестве "правительств в изгнании". И, снова в нарушение международного права, он заморозил югославские и греческие активы.

Начиная с середины апреля американские военно-морские патрули активизировали свою деятельность в западной Атлантике, передавая данные разведки британцам. 26 апреля Рузвельт поставил в Англию 20 теплоходов. В то же время британские военно-морские суда ремонтировались в американских портах. 12 мая норвежские суда, находящиеся под английским контролем, были вооружены и отремонтированы вопреки международному праву. 4 июня американские транспортные корабли высадили войска в Гренландии для постройки аэродромов. А 9 июня пришло

первое британское сообщение о том, что американский военный корабль, действуя по приказу Рузвельта, атаковал глубинными бомбами германскую подводную лодку у побережья Гренландии.

14 июня были заморожены германские активы в Соединённых Штатах, вновь в нарушение международного права. 17 июня, воспользовавшись лживым предложением, президент Рузвельт потребовал отозвать германских консулов и закрыть консульства. Он также потребовал закрытия германского агентства печати "Транс-океан", Германской информационной библиотеки и офиса Германских имперских железнодорожных сообщений.

6 и 7 июля американские вооружённые силы, действуя по приказу Рузвельта, оккупировали Исландию, входящую в зону германских военных операций. Он надеялся, что эта акция, во-первых, наверняка вынудит Германию начать войну, а во-вторых рассчитывал нейтрализовать эффективность германских подводных лодок ещё сильнее, чем это было в 1915-1916 годах. Тогда же он пообещал военную помощь Советскому Союзу. 10 июля военно-морской секретарь Нокс внезапно огласил наличие американского приказа об открытии огня по военным кораблям стран Оси. 4 сентября американский эсминец "Грир", действуя по приказу, действовал совместно с британскими самолётами против германских подлодок в Атлантике. Пятью днями позже германская подводная лодка идентифицировала американские эсминцы, шедшие в составе британского конвоя в качестве кораблей охраны.

В своей речи от 11 сентября Рузвельт наконец лично признал, что отдал приказ об открытии огня по всем кораблям стран Оси, и повторил этот приказ. 29 сентября американские патрульные корабли атаковали германскую подводную лодку к востоку от побережья Гренландии с помощью глубинных бомб. 17 октября американский эсминец "Кёрни", охранявший британский конвой, атаковал германскую подлодку глубинными бомбами, а 6 ноября американские вооружённые силы захватили германское судно "Оденвальд" в нарушение международного законодательства и отконвоировали его в американский порт, заключив под стражу его команду.

Я пропущу, как бессмыслицу, оскорбительные выпады и грубые выражения, сделанные по моему адресу этим так называемым президентом. Особенно бессмысленно то, что он называет меня гангстером; прежде всего, это выражение родилось не в Европе, — такие выражения тут не в ходу, — а в Америке. Я не говорю уже о том, что Рузвельт просто-напросто не может меня оскорбить, ибо я считаю, что у него заболевание мозга, также, как и у его предшественника, Вудро Вильсона.

Нам известно, что этот человек, вместе со своими еврейскими покровителями, действовал против Японии таким же образом. Мне нет необходимости подробно говорить об этом. Методы были теми же самыми. Сначала он подстрекает к войне, затем фальсифицирует ее причины, затем, прикрываясь христианским лицемерием, медленно, но верно ведет человечество к войне, привлекая Господа Бога в свидетели праведности своего нападения, — обычная манера старого масона.

Его бесстыдная ложь и беззаконие не имеют аналогов в истории. Я уверен, что все вы почувствовали облегчение, когда нашлось государство, первым воспротивившееся этому тем способом, на который этот человек горячо надеялся и который, по всей видимости, вряд ли явился для него неожиданностью. Японское правительство годами

вело переговоры с этим человеком и, наконец, устало от его недостойных насмешек. Это вызывает у нас, у всего немецкого народа и, я думаю, у всех честных людей во всем мире чувство глубокого удовлетворения.

Мы знаем силу, стоящую за Рузвельтом. Это всё тот же Вечный Жид, который уверовал что настал его час, чтобы уготовить нам ту же судьбу, что и Советской России, на последствия чего мы взираем с ужасом. Нам из первых рук известно, что такое еврейский рай на земле. Миллионы германских солдат лично видели землю, на которой международное еврейство уничтожало людей и разрушало собственность. Возможно, президент Соединённых Штатов не понимает этого. Если так, то это говорит об его интеллектуальной ограниченности.

Но мы знаем, что является конечной целью всех их усилий: даже если бы мы не были союзниками Японии, нам было бы ясно, что евреи и Франклин Рузвельт намереваются уничтожить одну страну за другой. Германская империя сегодня не имеет ничего общего с Германией прошлого. С нашей стороны мы теперь сделаем всё, чего этот провокатор добивался в течение многих лет. И не только потому, что мы союзны Японии, а скорее потому, что Германия и Италия, их руководство, имеют мудрость и силу, чтобы понять, что в этот исторический период решается, какие нации выживут, а какие уйдут в небытие, — возможно, навеки. Что этот, другой мир, приготовил для нас, ясно. Они обрекли на голод Германию прошлого, и они стремятся уничтожить сегодняшнюю национал-социалистическую Германию.

Когда господа Черчилль и Рузвельт заявляют, что хотят в дальнейшем построить новый общественный порядок, это то же самое, если бы лысый парикмахер рекламировал средство, гарантирующее рост волос. Эти джентльмены, живущие в наиболее социально отсталых странах, лучше бы побеспокоились о собственных безработных, чем разжигать войну. Бедности и нищеты в их странах достаточно для того, чтобы они были заняты исключительно распределением продовольствия. Что касается немецкой нации, то она не нуждается в благотворительности мистера Рузвельта или мистера Черчилля, не говоря уже о мистере Идене, она только отстаивает свои права. Она обеспечит себе право на жизнь, даже если тысячи черчиллей и рузвельтов будут плести заговоры против нее.

Наша нация имеет более чем двухтысячелетнюю историю. Никогда за этот длительный период она не была так едина и целеустремлённа, чем сейчас и, благодаря национал-социалистическому движению, так будет всегда. В то же время Германия, возможно, никогда не действовала столь осознанно и с таким ощущением чести. Согласно этому, я дал распоряжение сегодня же возвратить паспорт американскому поверенному в делах и проинформировать его о следующем...

[Бурные аплодисменты, переходящие в овацию, крики "Хайль Гитлер!"]

Президент Рузвельт неуклонно проводил политику, направленную на установление неограниченной всемирной диктатуры. Преследуя эту цель, Соединённые Штаты и Британия использовали любые средства, чтобы уничтожить любые предпосылки для удовлетворения естественных жизненных интересов германской, итальянской и японской наций. По этой причине правительства Британии и Соединённых Штатов противостояли всем усилиям по созданию нового и лучшего миропорядка — для настоящего и грядущего.

С начала войны американский президент Рузвельт виновен в ряде тягчайших преступлений, в нарушении международных законов. Незаконный захват судов и другой собственности немецких и итальянских граждан сочетался с угрозами в их адрес и лишением свободы и тому подобное. В своих все усиливавшихся нападках Рузвельт в конце концов зашел так далеко, что приказал американскому военно-морскому флоту повсюду нападать на суда под немецким или итальянским флагом и топить их, тем самым грубо нарушая международное право. Американские официальные лица неоднократно хвастались, уничтожая немецкие подводные лодки этим преступным способом. Американские крейсера нападали на немецкие и итальянские торговые суда, захватывали их, а экипажи забирали в плен.

Кроме того, план президента Рузвельта о военном нападении на Германию и Италию в Европе самое позднее в 1943 году был опубликован в Соединённых Штатах и американское правительство не предприняло ни малейших усилий, чтобы опровергнуть его. Несмотря на годы невыносимых провокаций президента Рузвельта, Германия и Италия терпеливо пытались предотвратить расширение войны и поддерживать отношения с Соединёнными Штатами. Но потерпели неудачу в этом из-за его действий.

Верные условиям Тройственного пакта от 27 сентября 1940 года, Германия и Италия обязаны теперь сообща встать на сторону Японии в её борьбе за защиту и сохранение свободы и независимости наших наций и империй против Соединённых Штатов Америки и Британии.

Означенные три державы заключили следующее соглашение, подписанное сегодня в Берлине:

С непоколебимым намерением не выпускать из рук оружия в общей войне против Соединённых Штатов Америки и Англии, пока она не придёт к успешному завершению, германское, итальянское и японское правительства согласились со следующим:

Статья 1. Германия, Италия и Япония будут совместно всеми имеющимися в их распоряжении средствами вести войну, в которую их вовлекли Соединённые Штаты Америки и Британия, до победного конца.

Статья 2. Германия, Италия и Япония обязуются не заключать перемирия или договора о мире ни с Соединёнными Штатами Америки, ни с Британией, в соответствии с данным общим соглашением.

Статья 3. Германия, Италия и Япония после победного завершения войны будут очень тесно сотрудничать с целью создания нового порядка в соответствии с Тройственным пактом, заключённым ими 27 сентября 1940 года.

Статья 4. Это соглашение вступает в действие немедленно после подписания и имеет силу в течение действия Тройственного пакта от 27 сентября 1940 года. Высокие договаривающиеся стороны должны в определённое время информировать

друг друга об изменении своих планов в соответствии со статьёй 3 настоящего соглашения.

Депутаты! Мужи германского Рейхстага!

С тех пор, как моё мирное предложение было отвергнуто в июле 1940 года, мы ясно осознали, что эту борьбу нужно вести до конца. Мы, национал-социалисты, ничуть не удивлены тому, что англо-американский, еврейский и капиталистический мир объединился с большевизмом. В нашей стране мы всегда находили их в таком же союзе. Мы одни успешно боролись против них здесь, в Германии, и после 14 лет борьбы мы способны окончательно уничтожить наших врагов.

Когда я 23 года назад решил начать политическую карьеру, чтобы поднять нацию из разрухи, я был простым, безвестным солдатом. Многие из присутствующих знают, как действительно трудны были те первые годы борьбы. Путь от маленького движения из семи человек до прихода к власти 30 января 1933 года в качестве ответственного правительства настолько удивителен, что только благословение Провидения могло сделать его возможным. Сегодня я стою во главе могущественнейшей армии в мире, мощнейших военно-воздушных сил и флота, которым можно только гордиться. Позади и вокруг меня священное сообщество — партия, с которой я вырос и которая стала великой благодаря мне.

Наши противники — те же старые враги, что и 20 лет назад. Но тропинка, лежащая перед нами, не сравнится с дорогой, которую мы уже одолели. Сегодня германский народ ясно осознаёт, что пробил час, решающий нашу дальнейшую судьбу. Миллионы солдат честно исполняют свой долг в труднейших условиях. Миллионы германских крестьян и рабочих, германских женщин и девушек работают на фабриках и в конторах, на полях и фермах, упорно трудясь, чтобы накормить нашу родину и дать фронту оружие. Наши союзники — сильные нации, которые несут такие же тяготы и противостоят тому же врагу.

Американский президент и его плутократическая клика называли нас "неимущими" нациями. Это верно! Но "неимущие" тоже хотят жить и, конечно, они хотят быть уверенны, что их кусок чёрного хлеба не украдут "имущие". Вы, мои товарищи-политики, знаете моё неустанное стремление доводить до успешного завершения любую начатую борьбу. Вы знаете моё стремление делать всё, что необходимо, чтобы сокрушить в такой борьбе всё, что должно быть сокрушено. В моей первой речи от 1 сентября 1939 года я заверял, что ни сила оружия, ни время не одолеют Германию. Я ручаюсь перед своими противниками — всё так же, ни сила оружия, ни время не одолеют нас и, в скажу больше, никакая внутренняя неуверенность не ослабит нас в выполнении нашего долга.

Когда мы думаем о жертвах и усилиях наших солдат, любые жертвы в тылу совершенно незначительны и не важны. И когда мы обращаемся к прошедшим поколениям, ко всем, пожертвовавшим жизнью во имя выживания и величия германской нации, тогда мы действительно ощущаем огромность нашего долга.

Но кто бы ни решил избежать этого бремени, не имеет права на это по отношению к своим соотечественникам. Также безжалостно, как мы боролись за власть, мы будем безжалостно бороться за выживание нашей нации. В то время, когда

тысячи лучших наших людей, отцов и сыновей нашего народа отдают жизни, любой в тылу, кто предаст эти жертвы на фронте, заплатит своей жизнью. Независимо от предлога, под которым будет сделана попытка навредить германскому фронту, ослабить сопротивление нашего народа, подорвать власть режима или очернить достижения тыла, виновные умрут. Но есть разница: солдат, отдавший жизнь на фронте, будет похоронен с величайшими почестями; а тот, кто опорочит эту жертву чести, умрёт в бесчестии.

Наши противники не должны впадать в самообман. За 2 000 лет описанной германской истории, наш народ ещё никогда не был настолько целеустремлённым и единым, как сейчас. Господь вселенский был настолько щедр к нам последнее время, что мы склоняемся в благодарности перед Провидением, которое позволило нам быть представителями столь великой нации! Мы благодарим Его за то, что в черед ушедших и грядущих поколений германской нации, наши дела чести будут также занесены в вечную книгу германской истории!

Радиообращение к нации рейхсканцлера А. Гитлера

30 сентября 1942 года

Мои германские соотечественники и соотечественницы!

Прошёл год с того момента, когда я в последний раз обращался к вам, германскому народу, отсюда. В ретроспективе это вызывает большие сожаления: во-первых, я жалею о том, что не имею возможности чаще обращаться к нации и, во-вторых, я боюсь, что мои речи от этого станут скорее хуже, чем лучше, потому что в этом необходима практика. Моё время, к сожалению, намного более ограничено, чем время моих достойных противников. Натурально, кто может разъезжать неделями по всему миру в широком сомбреро на голове, одетым в белую шёлковую рубашку, и во всякое прочее, тот, натурально, может занять себя произнесением речей куда больше.

Всё это время я действительно был больше занят делами, чем болтовнёй. Кроме того, я, конечно, не могу выступать каждую неделю или каждый месяц. Зачем мне выступать? Что должно быть сказано, будет сказано нашими солдатами. Более того, темы, по которым я мог бы выступать, намного сложнее, естественно, нежели темы бесед моих противников, которые привыкли без умолку трепаться на весь мир прямо от камина, или ещё откуда. Темы моих предполагаемых речей более сложные, поэтому я не считаю нужным заниматься сейчас рассуждениями о будущем. Я считаю, что гораздо необходимее нам озаботиться тем, что требуется от нас в настоящем.

Естественно, очень просто придумать Атлантическую Хартию. Эта чушь, конечно, будет действовать очень недолго, пару лет. Она просто-напросто не выдержит проверки правдой жизни. Есть и другие причины, по которым нашим противникам есть о чём говорить: они внезапно открыли для себя нашу партийную программу, после многих лет тщетных усилий. И теперь мы с удивлением взираем, как они обещают дать миру в будущем почти то же самое, что мы уже дали нашему германскому народу и за что мы — как выяснилось впоследствии — были другими втянуты в войну.

Очень остроумно, когда, к примеру, президент говорит: "Мы желаем, чтобы в будущем никто не страдал от нищеты", или что-то вроде этого. К этому можно добавить только одно: вероятно, было бы куда проще, если бы этот президент, вместо того, чтобы увязать в войне, использовал всю рабочую мощь своей страны для полезного производства и позаботился о своём собственном народе, чтобы не царили нужда и нищета, и чтобы не было 13 миллионов безработных в стране, где всего лишь 10 человек на квадратный километр. Эти люди могли бы всё это исполнить.

Если они сейчас вдруг объявляются миру, как спасители и заявляют: "Мы позаботимся, чтобы в будущем никто не нуждался, как в прошлом, больше не будет безработицы, у каждого человека будет собственный дом", — эти владельцы мировой империи должны были давно добиться этого в своих собственных странах, — то мы уже давно добились этого для себя. Они не открыли ничего, кроме основных принципов национал-социалистической программы.

Теперь, когда я слышу, что говорит этот человек — я полагаю, это был г-н Иден, хотя никто в точности не знает, что за ничтожество говорит оттуда, — когда он теперь

говорит: "Вот разница между нами и немцами: немцы верят, мы тоже верим; но немцы верят в то, во что они не верят, тогда как мы верим в то, во что мы действительно верим", то к этому я могу добавить только одно: если они истинно верят в то, во что они, по их утверждениям, верят, то они должны подтвердить эту веру поскорее. Почему они объявили нам войну? Потому, конечно, что их цели не очень-то отличаются от наших. For their aims are certainly not very different from our own.

Мы не только верили во что-то, но и действовали во имя того, во что мы верили! И сейчас мы верим в удар по врагу, пока не будет окончательной победы! Вот, во что мы верим — естественно, мы не найдём общего языка с этими людьми по вопросам "веры".

С тем, кто верит, например, что Намсос (Namsos) был победой, или с тем, кто верит, что Andalsnes был победой, или с тем, кто верит, что даже Дюнкерк был величайшей победой в мировой истории, или с тем, кто верит (мне это всё безразлично), что любая вылазка, которая длится 9 часов — удивительный и ободряющий признак нации-победительницы — с таким нам, с нашими скромными успехами, конечно, никак не сравниться. Чего стоят все наши достижения по сравнению с этим? Если мы продвигаемся вперёд на тысячу километров, это поистине ничто — абсолютная неудача!

Если мы, например, за последние два месяца — на самом деле, война в этой стране может вестись заметно только в течение двух месяцев — вышли к Дону, к низовьям Дона, наконец достигли Волги, атаковали Сталинград — и его мы тоже возьмём, не сомневайтесь, — это всё ничто. Если мы наступаем на Кавказе, то это тоже ничто. Если мы оккупируем Украину, если донецкий уголь стал нашей собственностью, то всё это ничто. Если мы получаем 65 или 70 процентов русского железа, то это всё ничего, абсолютно ничего. Если мы предоставили германскому народу и, получается, Европе, самую большую житницу в мире — ничто. Если мы гарантировали себе тамошние нефтяные месторождения, это также ничего. Всё это — ничто.

Но когда канадские авангарды с английским хвостиком в качестве придатка прибывают в Дьепп и пытаются там закрепиться — одно можно с болью сказать — быть начисто уничтоженными за девять часов — это одобряющий, удивительный знак неистощимой победной мощи Британской империи! Что в сравнении с этим — наши военно-воздушные силы, мощь нашей пехоты, сила наших танков, что в сравнении с этим — наши инженеры, наши железнодорожные батальоны — и так далее, вся наша гигантская транспортная система, которая покрыла половину континента за несколько — можно даже сказать, за один месяц? Ничто!

Подводные лодки — тоже ничто, конечно. Даже в 1939 году они были ничто. В то время Черчилль вышел и сказал: "Я принёс вам хорошие новости: проблема подводных лодок решена раз и навсегда. Мы потопили больше подлодок, чем их вообще есть у немцев". Или — секунду — не он, нет, то был не Черчилль; то был Дафф Купер. Как я говорил, они все головорезы, один краше другого, не мудрено их перепутать.

То, что мы их выкинули с Балкан, что мы завоевали Грецию, оккупировали Крит, что они отступили в Северной Африке — всё это тоже ничто. Но, позвольте нам сказать, если несколько человек высаживаются где-то, чтобы захватить врасплох наш

один-единственный форпост, это — свершения, это — достижения. Любой, кто так думает, не поймёт, во что мы верим. Но если англичане действительно верят в то, насчёт чего они притворяются, что верят — на самом деле — тогда можно только сожалеть об их умственных способностях.

В любом случае, в отличие от этих "свершений", у них тоже есть планы на будущее. Они говорят: "Второй фронт грядёт!". Когда мы наступали на восток, они говорили: "Второй фронт уже в пути! Внимание! Открывается!". Мы, однако, не встали по стойке "смирно", и не собирались, а спокойно пошли дальше. Я не скажу, тем не менее, что мы ничего не делали, чтобы подготовиться к открытию второго фронта. Когда г-н Черчилль говорит: "Мы хотим заставить немцев беспокоиться, думая о том, где и когда мы высадимся", я отвечаю г-ну Черчиллю просто: "Вы пока не причинили мне никакого беспокойства".

Но он прав, говоря, что мы должны думать об этом. Если я имею дело с грамотным противником, грамотным в военном отношении, я могу вычислить довольно точно, где он атакует. Но когда некоторые лица — военные идиоты, никто не может знать, никто не может знать, где они будут атаковать. Они могут предпринять что-нибудь совершенно безумное, и это весьма печальный факт — раз эти люди больны умом, или бесконечно пьянствуют, никто не знает, чего от них ждать.

Поэтому мы, естественно, должны быть готовыми повсюду, и я могу гарантировать г-ну Черчиллю, действительно ли он выбрал, или нет — в ясном уме и с военной проницательностью — место, где откроет второй фронт; неважно, где он найдёт точку высадки — общественное мнение в Англии уже разделилось в этом и это отныне будет совершенно ясно — он сможет назвать удачной высадку где угодно, если ему удастся продержаться там девять часов.

С моей точки зрения, в этом, 1942 году, решающее, судьбоносное испытание для нашего народа уже позади. Оно было зимой с 41-го на 42-й. Теперь я могу сказать, что в ту зиму германский народ и особенно его вооружённые силы колебались на весах Провидения. Худшего времени не было и не будет. То, что мы одолели эту зиму, этого "Генерала Зимы", то, что германские фронты стояли насмерть, и то, что этой весной, то есть, ранним летом мы снова смогли наступать, это — я верю — доказательство того, что Провидение осталось довольно германским народом.

Это было очень трудное и очень тяжкое испытание. Вы все это знаете. И, несмотря на это, мы не только преодолели эти тяжкие времена, но и сумели очень спокойно сформировать ударные дивизии, новые моторизованные и танковые соединения, которые были предназначены для возобновления наступления. Это наступление сейчас развивается совсем не так, как могли предположить наши враги. Нет необходимости следовать их формулам, потому что сейчас их формулы к добру не приведут.

Я думаю, что если мы оглянемся на прошедшие три года, то останемся удовлетворёнными. Всегда ставились очень трезвые задачи. Часто — очень смелые, когда требовалась смелость. Вынужденные — когда нас вынуждали. С оглядкой — если у нас было время. Осторожные — когда мы были уверены, что нужно быть предельно осторожными, но мы были очень храбрыми — когда только храбрость могла спасти нас.

На этот год у нас была очень простая программа. Первое. При любых обстоятельствах удерживать то, что должно быть удержано. То есть, позволить другим наступать там, где мы сами не намеревались идти вперёд, до тех пор, пока они хотят наступать. Неустрашимо держаться и ждать, кто первый ослабеет.

Второе. Непрерывно атаковать там, где необходимо атаковать. Цель предельно ясна: уничтожение международных наймитов капитализма, плутократии и большевизма. Этой величайшей опасности современности, нависшей над германским народом, мы противостояли в этом году, и должны противостоять в будущем.

И здесь мы задумали кое-какие шаги, я могу рассказать о них очень коротко, буквально в виде тезисов, чтобы вы знали, чтобы каждый немец знал, что сделано за эти несколько месяцев. Первой задачей было сохранить наше преимущество на Чёрном море и окончательно очистить Крымский полуостров. Две битвы — битва за Керчь и битва за Севастополь — помогли решить эту задачу. Если за три этих года наши противники, скажу я, достигли только одного, единичного подобного успеха, нам вообще не о чем с ними говорить, потому что они не стоят на земле, а витают в облаках. И подняты они туда ничем иным, как только их фантазиями.

После того, как мы разобрались с этим, появилась необходимость ликвидировать Волховский выступ. Мы его раздавили, враг был уничтожен, либо пленён. Тогда подоспела новая задача — подготовка к крупному наступлению на Дону. Тем временем враг поставил перед собой важную оперативную цель, а именно — осуществить прорыв от Харькова до Днепра, чтобы, таким образом, развалить весь наш южный фронт.

Вы, возможно, ещё помните, с каким энтузиазмом наши противники преследовали свою цель. Закончилось всё это тремя сражениями и полным уничтожением более чем 75 дивизий нашего русского врага. После этого последовал первый удар нашего великого наступления. Задачи были такие. Первое: отнять у врага последние хлебные области. Второе: отнять последний имеющийся у него уголь, который может быть переработан в кокс. Третье: продвинуться к его нефтяным месторождениям и овладеть ими, или, по крайней мере, изолировать их.

Пятое: атака должна была продолжиться, чтобы перерезать его последнюю и самую широкую коммуникационную артерию, а именно — Волгу. А там возникали новые цели в регионе между излучиной Дона и Волгой, и локальная цель — Сталинград, не потому, что этот населённый пункт носит имя Сталина, — это, в общем, для нас безразлично — а исключительно потому, что это стратегически важный пункт. Нам было совершенно ясно, что лишится Днепра, Дона и Волги, как коммуникационных линий, для России тоже самое, — или даже хуже — что для Германии потерять Рейн, Эльбу и Одер, или Дунай. По Волге, этой гигантской реке, за шесть месяцев было отправлено приблизительно 30 миллионов тонн грузов. Это соответствует годовому грузообороту Рейна.

Было перерезано. Перерезано и будет перерезано ещё некоторое время. Неминуемая оккупация Сталинграда утвердит и разовьёт эту гигантскую победу и, будьте уверены, после этого никакому человеческому существу не под силу потеснить нас оттуда.

Но теперь я должен обратить ваше внимание на седьмое: следующая задача, которая непосредственно стоит перед нами, это, естественно, организация оккупированной нами огромной территории. Поэтому мы не сетуем, что прошли так много тысяч километров, а стремимся сделать эти обширные территории безопасными в военном отношении и, в более широком смысле, не только безопасным источником сырья и продовольствия для нашего народа, но и для поддержки всей Европы.

В свете этого прежде всего в порядок должно быть приведено транспортное сообщение. Англичане тоже многого добились в этой сфере. Например, они построили железную дорогу из Египта до Тобрука, которая сейчас нами замечательно используется, несмотря на то, что построили они её действительно в краткие сроки. Что это означает по сравнению с железными дорогами, которые должны построить мы? И мы действительно хотим их построить для себя, а не для русских.

Мы уже восстановили и восстанавливаем сейчас десятки тысяч километров железнодорожных линий — благодаря энергии, опыту и самоотверженности десятков тысяч германских солдат, инженерных железнодорожных групп, людей из организации Тодта, других организаций, к примеру, имперскому Трудовому фронту.

Эта обширная сеть коммуникаций сегодняшний день в основном переведенная на германскую рельсовую колею, была совершенно разрушена. Даже не сотни, а тысячи мостов должны были быть построены заново, взорванные секции — убраны, разъезды восстановлены. Всё это делалось последние несколько месяцев и, принимая во внимание обстоятельства, будет завершено в пределах нескольких недель.

Сейчас, мои товарищи-по-партии, вы поймёте одну вещь. На стороне наших противников есть люди, которые спрашивают: "Почему вы вдруг остановились?". Потому что мы благоразумны, потому что мы — позвольте нам сказать — не бежим до Бенгази, или ещё дальше, чтобы после бежать обратно; мы где-нибудь останавливаемся и налаживаем наши коммуникации — столько времени, сколько нужно. Естественно, те, у кого нет военного образования, этого не понимают. Поэтому успеха у них нет. А вот все те, кто получил хотя бы самое поверхностное военное образование, согласятся, что захватить площадь, какая захваченная нами — всего за несколько месяцев — абсолютно уникальное явление в мировой истории.

Я говорю это ещё и потому, что может среди нас могут отыскаться некоторые самодовольные старые реакционеры, которые ляпнут: "В самом деле, а что тут плохого? Они бездействуют уже неделю". "Да, мои дорогие старые самодовольные реакционеры, вы ошибаетесь. Почему бы вам не отправиться туда и не попробовать "отрегулировать движение"? Германский народ — я знаю — безгранично верит своему военному руководству и в силу своих солдат. Он знает наверняка, что без причин паузы не будет.

Мы не только приводим в порядок наши коммуникации, но должны также строить дороги — потому что на благословенной земле пролетариев и крестьян нет дорог, за исключением некоторых фрагментов. Так что, они должны быть построены. Действительно значительные дороги там строятся впервые — нашими организациями. Во многих регионах дороги должны проходить через болотистые участки, на которых ранее дорожное строительство считалось в целом невозможным. Если кто-то сейчас

говорит: "Русские же проходят через болота" — ну, русский своего рода болотный человек. Мы должны признать это. Он не европеец. Для нас просто-напросто тяжелее продвигаться по этим болотам, чем для этой нации, рождённой в болотах.

Во-вторых, мы должны организовать там сельское хозяйство. Доказательство: территория должна быть, наконец, освоена, а это не так уж просто, это не вопрос — что посеять, и что пожать, это вопрос практической целесообразности освоения этой территории. Это значит, что продукция будет доставляться по железнодорожным бесчисленным веткам; мы можем корректировать всё сельское хозяйство по частям; что тысячи тракторов, которые были повреждены или уничтожены, будут заменены или отремонтированы, или мы найдём им другую замену.

И я лишь могу вам сообщить, что объём выполненных работ — огромен. В то время, как фронт продвигается вперёд, часть солдат сражается в нескольких километрах позади линии фронта, с косами и серпами. Они возрождают поля, а за ними — наши девушки из Трудового фронта и их сельскохозяйственные организации.

И когда всякие дебилы — я по-другому их не могу назвать (возьмём Даффа Купера или Идена, или кого-нибудь похожего, если угодно) — говорят: "Немцы совершили большую ошибку, войдя на Украину, не говоря уже о Кубани", то скоро они поймут, сделали мы ошибку, заняв эти хлебные регионы.

Во-первых, если даже самые наискромнейшие плоды этих деяний прибавятся к нашему, уже и так хорошему достоянию — уже не зря я говорил. Но, будьте уверены, мы только начали. Весь прошлый год был сражением. Ужасная зима. И вот теперь мы сражаемся снова. Но даже за будущий год этот регион будет полностью реорганизован и англичане пусть задумаются над этим. Мы сейчас понимаем, как всё обустроить.

И, наконец, далее нужно организовать общую экономику, для того, чтобы вся экономика в целом начала работать. Тысячи предприятий и фабрик, консервных заводов и так далее, мельницы и так далее, всё должно заработать снова. Всё это было разрушено.

Затем — добыча полезных ископаемых. Недр должны эксплуатироваться. Чтобы этого добиться, нужна электроэнергия и если бы вы только видели, скажу я вам, какая работа там ведётся, и что мы создали, и насколько точно нам известен день, когда вся работа будет выполнена; день, когда поступит электроэнергия, как много тысяч тонн угля в день мы будем добывать к определённой дате, и насколько больше будем добывать к другой запланированной дате. Нам больше не придётся доставлять уголь из Германии на Восток, напротив, мы построим там наши собственные индустриальные государства... Тогда бы вы поняли, что даже в то время, когда очевидно ничего не происходит, на самом деле вершатся великие дела.

Далее — проблема освобождения народных масс от большевистского гнёта, который духовно даже сегодня держит миллионы людей в отчаянии и, более того, в страхе, а природе которого в Германии и других странах не имеют понятия. Страх перед комиссарами. Страх перед ГПУ, страх перед режимом, которым ещё полны миллионы людей. Страх постепенно будет вытравляться, и уже во многих регионах, всё их население — миллионы людей — работают с нами сообща; а других регионах — уже сражаются в наших рядах, на нашей стороне.

Результат всей этой невиданной деятельности — о которой я рассказал вам в нескольких словах — огромен. В то время, пока мы на севере Европы, на западе, и на всех других фронтах стоим в обороне, мы делаем в высшей степени всё, чтобы организовать Европу для войны — для этой войны.

Конечно, вы знаете что наши враги постоянно совершают чудеса, — о! — конечно, если они строят танк, то это лучший танк в мире; конечно, если самолёт — то лучший в мире. Когда они строят орудие, одно ничтожное орудие, то нет орудия превосходнее, это самое удивительное орудие в мире. Они создают новый автомат, или новый автоматический пистолет. Это чудо-пистолет. Они говорят, что этот пистолет — наивеличайшее изобретение в мире.

Но если бы вы взглянули на это барахло, то скажете, что германскому солдату не стоит даже касаться этого. Во всём они нас превосходят. Конечно, они превосходят нас своими несравненными генералами. Они превосходят нас в личной храбрости своих солдат. Конечно, англичанин справится с тремя немцами, запросто. Только, к сожалению, он не может их найти, не так ли?

Они превосходят нас в вооружении. Что такое немецкий танк по сравнению с английским, не говоря уже об американском, и так далее? Чего стоит немецкий самолёт по сравнению с одним из их самолётов? Но, в любом случае, величайшие герои этой войны будут вписаны в книгу истории на нашей странице. И при этом история будет справедлива и правдива.

Далее, на нас работает дальнейшее развитие наших альянсов, сотрудничество с нашими союзниками, прежде всего с самым старым нашим союзником, с Италией. Мы сражаемся совместно не на одном фронте, а на целом ряде фронтов. И это хорошо, потому что показывает — все надежды наших врагов на распад этого союза — идиотизм, безумие.

Мы прекрасно знаем, что случилось бы с двумя нашими странами, если бы враги достигли их сумасшедших и идиотских целей; из этих целей нам ясно, какая бы ждала судьба германский и итальянский народы, нам ясно также, какая судьба ждала бы всю Европу, если бы другой мир когда-нибудь одержал победу.

Когда они говорят сегодня: "Да, конечно, тогда бы мы защитили Европу от большевизма", я только одно им могу сказать в ответ: "Пусть лучше Англия подумает, как ей самой защититься от большевизма". Мы не нуждаемся в её защите! Мы вымели большевизм из Европы, и уничтожаем его за пределами Европы. Это мы доказали.

Я предрекаю мрачную судьбу для страны, в которой архиепископы освящают массы, а на одной стороне их алтарного одеяния при этом — символ большевизма. Мы лучше знаем, к чему это приводит. Англичане в этом убедятся. Возможно, судьба накажет их также, как наказала старую Германию за мысль, что с этими людьми можно иметь дело. Германия и Италия, также как Испания и ряд других европейских наций, вроде Румынии, решили эту проблему. Решит ли её остальной мир, покажет эта война.

Но остальной мир не позаботится о нас — будьте уверены. Если мы посмотрим на всех наших союзников, которые сражаются на нашей стороне, румын и венгров,

хорватов и словаков, финнов на севере, испанцев, и так далее; когда мы посмотрим на них, то можем с полным правом сказать, что это настоящий европейский крестовый поход.

Добавим германцев-добровольцев нашей элитной вооружённой гвардии (ArmedEliteGuard) и легионы из отдельных европейских государств. Европа действительно объединилась, как объединялась в древние времена против нашествия гуннов или монголов.

Япония также, как и мы, вошла в войну. Конечно, она терпит лишь поражения, конечно, японские генералы ничего не стоят перед этими несравненными героями, этими знаменитыми английскими генералами, не говоря уже об американских.

Мак-Артур! Что за генерал! Что за мелочь японцы по сравнению с ним! Только эти японцы взяли Гонконг и стали повелителями Сингапура, и овладели Филиппинами, и обосновались в Новой Гвинее — и они овладеют Новой Гвинеей полностью — и оккупировали Яву с Суматрой.

Но, конечно, всё это — ничто перед бесконечными победами Англии и Америки. Битвы, морские битвы, каких мир ещё не видывал. Только Рузвельт, естественно, не скажет ни слова о потерях, ни в коем случае он не будет искренним и никогда не скажет то, что думает. Мы знаем таких героев слишком хорошо. Сегодня мы — на самом деле всемирный союз, не только неимущих, но всех народов, борющихся за честь и порядок, народов, предназначенных уничтожить самую мерзкую коалицию, которую когда-либо лицезрел мир.

Говоря об этом, я должен добавить кое-что ещё. Я уже упоминал, что с 1939 года ни Черчилль, ни Дафф Купер не в состоянии полностью уничтожить германские подводные лодки. Теперь там больше нет подлодок. Но время от времени, снова и снова раздаются донесения: "Вот сейчас они окончательно уничтожены". А успехи наших подлодок, поддерживаемых героическими усилиями наших военно-воздушных сил, растут из месяца в месяц.

Сейчас наши противники объясняют: "У нас неистощимые ресурсы для обороны. Мы используем новые методы. Британские и американские гении изобрели новые машины, с помощью которых мы одолеем эту опасность". Я могу сказать только одно: "Германские гении тоже не бездельничают. Мы тоже работаем. Наши подводные лодки превзошли все свои прежние достижения, и я уверяю джентльменов, так и будет впредь. Мы шагаем в ногу со временем, будьте уверены. Мы непрерывно производим оружие, особенно новое оружие. До этого времени каждый год у нас появлялось новое оружие, лучше вражеского. Так будет продолжаться и в будущем.

Так же мы можем, обобщив суммарные результаты, подтвердить, что последние месяцы этого года были успешными и мы также уверены в успехе относительно будущего. Теперь, конечно, помимо второго фронта у них есть другой метод. Человек, который придумал бомбить мирное невинное население заявляет, что скоро бомбёжки против Германии будут очень резко усилены.

Я хочу сказать тут одну вещь: в мае 1940 года г-н Черчилль впервые применил бомбардировщики против германского гражданского населения. Я делал ему

предупреждения с того времени в течение четырёх месяцев, но, конечно, безрезультатно. Тогда мы ударили и, действительно, ударили настолько сильно, что он принялся кричать, что это варварство, что это ужасно! Англия должна воздать ему за это. Человеку, на чьей совести всё это. Но по сравнению с главным поджигателем этой войны, Рузвельтом, Черчилль может смело называть себя невинным.

Сегодня они применяют бомбардировки и я хочу сейчас сказать одно: придёт час и мы ответим. Может быть оба главаря этой войны и их еврейские покровители и не будут скулить и корчиться, если Англия кончит намного ужаснее, чем начала.

На заседании Рейхстага первого сентября 1939 года мы провозгласили две вещи. Первое: теперь, когда втянули в эту войну, какая бы военная сила против нас не применялась, и сколько бы времени не продлилась война, нас не завоевать никогда; второе: если еврейство развязало международную мировую войну, чтобы изгнать из Европы арийские нации, то не арийская нация будет выметена из Европы, а еврейство.

Они втягивали нацию за нацией в эту войну. Люди, которые дёргают за ниточки этого спятившего человека в Белом Доме, сумели втянуть одну за другой нации в эту войну. Но одновременно волна антисемитизма катилась от нации к нации. И будет катиться дальше. Вступившие в эту войну страны одна за другой станут однажды антисемитскими.

В Германии евреи в своё время смеялись над моими пророчествами. Не знаю, смеются ли они до сих пор, или уже не склонны смеяться, но ручаюсь, что они прекратят смеяться везде. Мои пророчества оказываются верными.

Исторические успехи последних месяцев были настолько огромными, что нужно хорошенько подумать о тех, кому мы обязаны этими успехами. Иногда читаем в газетах о великих победах, великих битвах и окружениях, но часто неделями мы не читаем ничего, кроме "продолжаются операции", или "операции развиваются благоприятно", или "на таком-то и таком-то фронтах без перемен" или "на другом фронте атаки были отражены". Мои товарищи, вы понятия не имеете, что скрывается за этими простыми словами в сводках верховного командования вооружённых сил. Сводки должны быть краткими. Тут мы должны постараться дать справедливую оценку частным делам и их важности в целом.

Это значит, что сражаться в бою, имеющем малое значение для исхода войны в целом, для германского солдата не легче, чем участвовать в решающем сражении. Всегда есть человек и есть его жизнь. Часто сотни тысяч храбрых солдат всех родов войск — в сухопутных войсках, в пехоте, в инженерных войсках, в артиллерии, в частях элитной вооружённой гвардии, в эскадрильях военно-воздушных сил или в море, на наших военных кораблях — над водой и под водой — все они не раз, зачастую на протяжении нескольких дней, должны рисковать своими жизнями, а после вычитаете — всего лишь "оборонительные бои", или "вражеские атаки отражены", или "прорвавшийся враг уничтожен", или "прорыв завершён", "продвижение там-то и там-то", "форсированы такая-то и такая-то реки", "захвачены такой-то и такой-то города".

Вы не понимаете, сколько сокрыто под этими словами человеческого героизма, а также человеческой боли и страданий и, мы можем сказать, зачастую волнения,

конечно — смертельного волнения со стороны тех, которые, особенно впервые, стоят пред жребием Божиим на этом высочайшем суде.

Об этом легко читать, но понять бесконечно трудно. Это похоже на то, как после Мировой войны возвратилось домой множество солдат, и у них спрашивали: "Ну, как оно в действительности было?". И они осознали, что не могут ничего объяснить кому-нибудь, кто не пережил этого. Не могут рассказать. Тот, кто не пережил это сам, не поймёт, что это, он не может этого понять, и ему никто не сможет рассказать об этом; по этой причине многие хранили молчание и не говорили ничего, потому что чувствовали: "Ты не сможешь описать, как оно было в действительности". И это особенно верно, когда против тебя — варварский, звероподобный противник, — как сейчас на Востоке; противник, который знает, что никакой пощады ему не будет; противник, набирающий солдат не из людей, а практически из зверей.

За этими сухими сообщениями — бесконечное страдание, бесконечная преданность, бесконечный героизм, бесконечная энергия. Когда вы читаете, что кто-нибудь награждён Рыцарским крестом, то в местной прессе даётся очень краткое описание подвига. И огромные массы наших людей не могут себе представить, что в действительности скрывается за этим описанием.

Невозможно со стороны понять точно, что означает, когда пилот сбивает 30, 40 или 50 самолётов, когда он сбивает 80, когда он сбивает 100; — это не 100 сражений, потому что каждый раз он рискует жизнью тысячекратно, — и ли когда он наконец сбивает 150, или 180, или 200 самолётов, больше, чем когда-либо было сбито в прошлой войне.

Или когда командиры подводных лодок атакуют снова и снова, когда командиры одних и тех же подлодок раз за разом выполняют свой долг; когда тральщики выполняют свой долг, — это непрерывное служение, многие недели и месяцы постоянной самоотверженности, о котором газета сообщает одним предложением.

Если мы помним об этом, то должны понимать, — чтобы не делала родина, она не сможет отблагодарить своих солдат в полной мере. И это касается не только наших солдат, но и солдат других наций, союзных нам, которые сражаются на нашей стороне.

Есть ещё кое-что, что необходимо упомянуть, а именно — германская армия не сражается как, скажем, английская. Мы не посылаем других в особенно опасные места, но считаем своим долгом, назначением, честью нести это кровавое бремя наравне со всеми. У нас нет никаких канадцев и австралийцев, чтобы таскать для нас каштаны из огня, потому что мы сражаемся плечом к плечу с нашими союзниками, как с лояльными, исключительно благородными партнёрам.

Но мы считаем, всё это необходимо, потому что после этого сражения возможно, самого трудного в нашей истории, мы достигнем мечты, которая всегда реяла над национал-социалистами, прошедшими Первую Мировую войну — великая Империя, как сообщество людей, близких друг другу и в горе, и в радости.

Эта война породила великое и яркое явление — великое товарищество. То, за что всегда боролась наша партия — формировать сообщество людей с опытом Первой Мировой войны, — осуществилось.

Вся германская раса разделяет ответственность за это. Иначе основание великой Германской империи было бы только законодательным актом. На деле же это вечный документ, подписанный кровью всех немцев, документ, который никому не уничтожить, против которого вся болтовня наших врагов будет полностью неэффективна, но прежде всего, это документ, дающий государству не только форму правления, но внутреннюю суть. Обратите внимание, когда читаете о представлении к Рыцарскому Кресту простого человека — капрала или офицера военного времени, главного сержанта или лейтенанта, или генерала; когда вы видите, как продвигаются по служебной лестнице наши молодые офицеры, — национал-социалистическое общество начинает проявляться в полной мере. Больше не нужно никакого свидетельства о рождении.

Нет прежней основы в жизни, нет никакой концепции капитала, нет никаких корней, нет больше так называемого образования прошлых времён. Есть только один стандарт ценности — стандарт прямого, храброго, преданного человека, способного человека, человека, принимающего вызов своего предназначения, пригодного быть лидером своего народа. Вот реальность — старый мир разрушен до основания. В горниле этой войны рождается на крови общество — надежда старых национал-социалистов, прошедших последнюю войну, передавших нации наше кредо.

И, возможно, величайшее благословение для нашего народа в будущем в том, что мы выйдем из этой войны улучшив наше общество и избавив наше общество от многих предубеждений; в том что после этой войны станет ясно, как верна партийная программа нашего движения и насколько правильным был национал-социалистический подход: никакое буржуазное государство не переживёт этой войны. В этом случае, рано или поздно, каждый должен определиться, на чьей он стороне.

Только тот, кто способен сплотить свой народ в единое целое, не только политически, но и социально, выйдет победителем из этой войны.

Тем, что мы, национал-социалисты, заложили эти основы, мы обязаны, я лично обязан, опыту первой Мировой войны. Но благодаря тому, что великая Германская империя должна сражаться в этой — второй — войне, однажды станет возможно укрепить и углубить эти основы.

Именно поэтому я сегодня убеждён, что они, последние останки прошлого, которое их ничему не научило, которые надеются, что помогут праздные разговоры, или случай — возможно они испытают новый классовый рассвет в их мире, опечалятся и потерпят кораблекрушение.

Мировая история извергнет их, словно их вообще не было. Даже смешно им бороться против судьбы. Впрочем, как солдат, вернувшийся с великой войны, я когда-то разъяснил эту мировую философию германскому народу и заложил основы партии.

Вы верите, что какой-нибудь немец может предложить возвратившемуся с победой с этой войны солдату какую-нибудь другую, не национал-социалистическую, Германию — в свете реального воплощения наших идей относительно построения истинного общества? Это невозможно. И в будущем это будет, без сомнения, главной выгодой от этой войны. Расширение территории — не решающая вещь, но решающая

вещь есть заполнение этой территории тесно связанными, сильными людьми, которые должны признавать, что это — наиболее существенный принцип.

Среди этих людей любой солдат носит маршальский жезл в своём ранце, не только в теории, но и на самом деле; среди этих людей для каждого гражданина открыта любая дорога, какую только могут ему открыть его гений, предприимчивость, храбрость, трудолюбие или опыт.

Сейчас я хочу обратиться к труженикам тыла. Там тоже тяжело. Германский рабочий упорно трудится. Прошлой весной, когда встал вопрос о производстве нового оружия для обороны, я отмечал, что на многих заводах рабочие не только работали по 10 или 11 часов в день, но даже отказывались от воскресного выходного дня — целыми неделями, месяцами, — чтобы только дать фронту оружие!

Должен сказать, что германский рабочий вообще совершает великий подвиг, он предан нашему государству, руководству и, прежде всего, своим солдатам, своим товарищам и коллегам по труду. Я должен сказать, что только так население страны может выполнить свой долг — миллионы германских женщин задействованы на производстве, а каждая крестьянка сегодня работает за двоих мужчин.

И, наконец, я должен отметить, что даже наши работники умственного труда полностью самоотверженны, миллионы их каждодневно жертвуют свои мысли и дух, они изобретают, работают, чтобы вооружить нацию и чтобы никогда не подвести фронт, как в 1918.

Если я могу сказать сегодня тылу, что он может быть спокоен на востоке и на западе, на севере и на юге, потому что германские солдаты на фронте стоят непоколебимо, тогда я говорю и фронту — германский солдат, ты можешь быть уверен: за тобой — крепкий тыл, который никогда не оставит тебя в беде. И это не пустая фраза. Хорошие наши люди изо всех слоёв общества спаиваются в единое нерасторжимое общество и это общество снова покажет себя, особенно — в большой помощи, которую мы должны оказать этой зимой фронту.

Я уже отмечал, что мы могли бы пойти другим путём, но не сделали этого из простого соображения: чтобы лучше познакомить каждого соотечественника с непосредственными задачами, стоящими перед страной и, таким образом, заинтересовать этого индивидуума; но прежде всего — напомнить более удачливым людям о страданиях менее удачливых, показывать им непрерывной пропагандой, что должно делаться, чтобы действительно стало возможным говорить о сообществе людей в истинном смысле этого слова. Это не значит, что нужно пудрить мозги, но в конце концов, каждый индивидуум должен посвятить всего себя службе этому сообществу, и никто не имеет право избегать этой работы, тем более в то время, когда миллионы других защищают это сообщество, проливая свою кровь.

Я адресую это обращение всему германскому народу — от имени его солдат прежде всего, а также от имени тех, кто жертвует собой на оружейных заводах, на полях, или где-нибудь ещё.

Но в этот час я также хочу заверить вас, что мы беспощадно уничтожим каждого саботажника. Несколько недель назад одна английская газета, в час просветления,

написала очень верно — нельзя смеяться над германской кампанией зимней помощи (Winterhilfswerk). Там говорится, что если в Англии человек обогащается за счёт других, то он просидит несколько недель или месяцев в тюрьме, а потом живёт лучше, чем любой солдат на фронте; то любой, кто предаёт общество в Германии — фактически на пути в могилу. Эта газета права.

В то время, когда лучшие представители нашей нации кладут свои жизни на фронте, нет места для преступников, или ни к чему не пригодных людей, которые разлагают нацию. Кто бы не получил прибыли от имущества, предназначенного для наших солдат, может рассчитывать на безжалостное устранение. Кто бы не получил прибыли от вещей, собранных для наших солдат — в том числе и бедняками — пусть не рассчитывает на любезное обхождение.

Каждый немец должен знать — всё, что он даёт своим солдатам или страдающему тылу — действительно достаётся тем, кому предназначается. И, прежде всего, ни один преступник не должен питать иллюзий, что преступление спасёт его от войны. Мы позаботимся о том, чтобы не одни только достойные люди погибали на фронте, но чтобы преступники и недостойные в тылу не пережили этого времени.

Я не желаю, чтобы немецкая женщина, которая, может быть, идёт домой с работы ночью, испытывала тревогу за свою безопасность — из-за преступников или всяких лоботрясов. Мы устраним эти отдельные недостатки. Мы устранили их в целом, и германский народ обязан этому факту тем, что это лишь отдельные недостатки. Я думаю, что действую в духе обеспечения целостности нашего общества, но прежде всего, во фронтовом духе. Солдаты имеют право на то, чтобы в то время, когда они рискуют жизнями на фронте, их семьям, жёнам и другим родственникам, дома ничего не угрожало. Я ручаюсь перед фронтом, что немецкий тыл с безграничной храбростью переносит войну, даже там, где война обрушивается на него со страшной серьёзностью.

Я знаю город во Фризии. Я хотел эвакуировать его давным-давно, потому что его снова и снова бомбили. Я хотел переправить в безопасное место детей и женщин. Но они снова и снова возвращались в свой город и не хотели покидать его, хотя город серьёзно страдал.

Там тоже были бесчисленные примеры героизма, не только со стороны мужчин, но и женщин. И не только женщин, но и мальчика, которым едва исполнилось пятнадцать, шестнадцать или семнадцать лет. Они брались за работу всем своим существом, осознавая, что являются единым обществом в этой войне, держась друг за друга и очень хорошо понимая, что либо они вместе выживут и победят, либо вместе будут уничтожены.

Если солдат не знает этого, не ожидайте от него, что он будет рисковать жизнью в этих мрачных обстоятельствах. В то же время и тыл должен понимать это, чтобы правильно определить размер своего вклада.

И поэтому я ожидаю, что новая "Зимняя Помощь" будет особенно сильным подтверждением этого негибкого духа сообщества, что нация даст всему миру свидетельство, что-то выше чем тупая ложь, истинный плебисцит, свидетельство их самопожертвования, которым она заявит: "Мы стоим за нашими солдатами, как наши

солдаты стоят перед нами. И все мы вместе стоим перед нашим народом и нашей Империей и ни при каких обстоятельствах не капитулируем!".

"Пусть наши противники ведут эту войну, пока они в состоянии делать это. То, что мы можем сделать для того, чтобы побить их, мы, конечно, сделаем. То, что они когда-нибудь будут бить нас — невозможно и не стоит обсуждения".

Национал-социалистическая Германия и союзные её воле державы выйдут из этой войны с великолепной победой, как молодые нации, как истинные народные государства!

Речь рейхсканцлера А. Гитлера в Мюнхене

8 ноября 1942

Мои немецкие соотечественники и соотечественницы!

Товарищи по партии!

Я думаю, это экстраординарное явление, когда человек после почти 20 лет стоит перед своими старыми последователями, и когда при этом он не ни разу не пересмотрел свою программу за эти 20 лет.

Сегодняшнее собрание больше всего напоминает нам о вечере десятилетней давности, когда мы праздновали в прежнем зале. Оно напоминает нам о том вечере, потому что тогда мы тоже были в самом разгаре очень тяжёлой борьбы. Наша борьба за власть в Германии была столь же судьбоносна, как и борьба, которую мы ведём сегодня. Только в этом году нам стало ясным всё её значение, и если бы в 1933 мы не одержали победы, Германия осталась бы такой же, какой была — бессильной нацией со стотысячной армией, которая обязательно была бы уничтожена.

И в то же самое время, на Востоке поднялся колосс, одержимый одной-единственной целью — обрушиться на ленивую, слабую, раздробленную Европу. И если бы в то время вызов не был принят, то единственная держава, способная успешно противостоять этой опасности, не вошла бы в мировую историю.

Сегодня мы знаем, что скорее всего не осталось бы никакой Европы. Поэтому сражение, которое мы вели тогда, только с виду было внутренней борьбой за власть. В действительности уже тогда это была борьба за сохранение Германии и, в самом широком смысле слова, за сохранение Европы. В то время мы были близки к победе. И всё же, когда 10 лет назад мы собрались в старом зале, никто не знал наверняка, насколько мы были близки к победе. И только одно не обсуждалось, а именно — убеждение в том, что эта победа должна придти и придёт несмотря ни на что.

С этим же убеждением я сейчас стою перед вами, и оно никогда меня не покидало, с того самого дня, когда я, никому в этом городе неизвестный, начал борьбу за души немцев, приобретая всё больше и больше последователей уже и за пределами этого города. И в начале я не мог дать ничего, кроме веры, веры в то, что если кто-то преследует ту же цель, что и я, с неизменной и непоколебимой преданностью и никогда не откажется от неё, но отдаст ради неё всё, тогда к нему присоединятся другие, предназначенные быть его последователями, и наисильнейшая вера от этого ядра будет исходить ко всему народу, и вокруг этого ядра однажды сплотится достойнейшая часть всего народа и, наконец, эта достойнейшая часть народа должна придти к власти в государстве.

И сегодня я стою на тех же позициях. Судьба, или Провидение дадут победу тем, кто больше всего её заслуживают. Мы могли одержать победу раньше, в 1918 году. Но в то время немцы не заслужили победы. Они были робкими и неуверенными в себе. И это было причиной, по которой я, никому тогда не известный, решил создать это движение среди невероятной разрухи и полного краха, причиной, по которой у меня

была вера в успех, потому что я видел перед собой не разрушительные явления буржуазно-марксистского мира, но миллионы храбрых людей, которые превзошли самих себя, и которые заколебались лишь оттого, что тыл в тот критический час перестал быть достойным их — вот причина поражения. Тогда я был убеждён, что лишь возродив внутренний порядок в германском народе и сплотив его в крепчайший монолит, можно быть уверенным, что 1918 года больше никогда не повторится.

С тех пор, как я принял это решение, прошло более 20 лет. Десять лет назад у нас была генеральная репетиция, после того, как движение уже столкнулось с самыми сложными проблемами в предшествующий десятилетний период, и многие утратили веру, а наши противники говорили, что мы уже мертвы. Нам нужно просто вспомнить то время. Движение, которое только что было готово захватить власть, полностью развалилось. Его лидеры из-за своей активности были убиты, либо ранены, либо сидели в тюрьмах, либо были в бегах.

И всё же — всего лишь десяти лет хватило, чтобы всё движение возродилось и пепла, подобно фениксу. И когда мы собрались тут 10 лет назад, у нас была иная проблема. Многие — особенно враги — считали, что мы потеряли наш шанс, потому что не воспользовались моментом, когда нам предлагали кое-что, способное только обременить движение, но не служащее его реальным целям. Тогда я так же стоял перед вами, мои старые товарищи по партии, с такой же верой, как и сейчас, абсолютно убеждённый, что победа будет за теми, кто заслужит её, и поэтому наша единственная задача будет состоять в том, чтобы заслужить победу.

И когда сейчас, спустя 10 лет, я снова переживаю то время, я могу сказать никому Провидение не даровало больших успехов, чем нам. Чудеса, которых мы добились за последние три года, противостоя целому враждебному миру, уникальны в истории, особенно кризисы, которые, естественно, у нас часто бывали за эти годы.

Я только хочу напомнить вам об одном великом кризисе, через который мы прошли — в Норвегии, где действительно было жарко, и тогда мы спрашивали сами себя — сможем ли мы удержать Нарвик? Неужели завоевание Норвегии сорвётся? Одно было необходимо тогда — безграничная вера, чтобы не падать духом, и эта вера в конце концов была вознаграждена. Далеко от родины, соединённые с ней лишь единственной линией уверенной связи, небольшие, героические германские силы — сражались. Наконец им пришлось эвакуироваться из Нарвика. Наши противники ликовали. Но, благодаря храбрости и фанатической решимости не сдаваться ни при каких обстоятельствах, окончательная победа была за нами, а не за нашими противниками.

Если мы оглянемся на прошлое, и дадим его картинам пройти перед нашими глазами, одно станет очевидным для нас: мы противостоям тем же врагам, что и всегда, ничего не изменилось. В Великой войне были те же противники, которых мы должны победить в этой войне и есть только одно, что разнится по сравнению с прошлым — прежде всего, более ясное понимание мотивов действий наших врагов, и движущих сил и, во-вторых, наши достижения за это время, не имеющие аналогов в мировой истории.

Возможно, многие спросят себя — почему мы сражаемся так далеко от дома, на таких огромных расстояниях. Мы сражаемся на таких огромных расстояниях, чтобы защитить нашу родину, чтобы сохранить её, удерживать войну от неё подальше,

насколько возможно, иначе её судьбой станет то, что сейчас испытывают (и должны испытывать) лишь некоторые германские города. Поэтому предпочтительнее держать линию фронта на расстоянии в 1 000 и, если необходимо, в 2 000 километров от границ Империи, чем держать фронт у самых границ Империи.

Наши противники те же самые, и за ними стоит всё та же вечная движущая сила, международное еврейство. И это вовсе не случайность, что наши внутренние враги теперь стали внешними. Внутри страны они были объединены в "коалицию", которая там слишком хорошо известна, которая объединяла всех врагов Империи, — начиная с "Frankfurter Zeitung", и всей шайки биржевых спекулянтов и заканчивая "Rote Fahne" в Берлине, — и всех, что между ними.

И вне страны мы видим ту же самую коалицию, что и раньше, от руководителя международной масонской ложи, наполовину еврея Рузвельта и его еврейского мозгового треста, до еврейства чистой воды в марксистско-большевистской России. Это те же самые враги, что и раньше, те же самые противники, что и тогда. В Мировой войне они были нашими внешними врагами, в нашей борьбе они были внутренними врагами, и теперь, для национал-социалистического государства они снова внешние враги.

И, опять же, никакая не случайность то, что то же самое государство, которое в то время считало, что может добиться краха Германии потоками лживой пропаганды, сейчас снова призвало человека с такой же миссией. Тогда его имя было Вильсон, сейчас — Рузвельт. Германия того времени, без какой-либо государственной политики национального образования, без какого-либо освещения еврейского вопроса, пала жертвой пропагандистского нападения.

Величайшая ошибка наших врагов — они воображают, что это случится во второй раз. В то время мы были, пожалуй, наиболее организованными людьми в мире, и сейчас мы — без сомнения — наиболее организованные люди в мире. И если кто-то в остальной части мира воображает, что может расколоть этот народ, он не имеет представления о сердце этого народа, о мощи, о знании, которое сегодня ведёт народ — о национал-социалистической партии, и её могучей организации.

И у него нет понятия о том, чего достигло это движение с тех пор, как увлекло народ своими достижениями, насколько полно оно приблизилось к социалистическим идеалам — к свободе от международного плутовства и лживых посулов, насколько оно реализовало эти идеалы — ни одно другое государство даже близко не подобралось к этому, не говоря уже о том, чтобы догнать нас.

Поэтому я спокоен, когда стою перед любым немцем, сражающимся на Востоке, или приехавшим домой в отпуск, я могу сказать каждому из них — только взгляните на нашу организацию. Сравните наши города, рабочие посёлки, которые мы строим, нашу социальную организацию с тем, что вы видите на той стороне. Сравните участь и долю германского фермера с участью русского фермера. Сравните всё, мой дорогой друг, и тогда скажите, кто управляет лучше и, прежде всего, у кого более благородные намерения?

Ни один человек пока ещё не ответил ничего кроме такого мнения: социалистическое государство может строиться где угодно, но только в Германии оно

простроено фактически. Это ещё одна причина, по которой остальной мир так рьяно защищает капиталистические интересы и нападает на нас. Эта мировая комбинация даже сейчас всё ещё претендует, чтобы управлять миром согласно своим частным капиталистическим интересам, управлять и, если необходимо, биться за это.

Например, когда несколько дней назад г-н Иден, этот обыкновенный сноб, надушенный хулиган, заявил: "Мы, англичане, обладаем опытом в управлении", ему можно было ответить только одно: "В управлении? В эксплуатации! В разграблении!". О каком опыте управления можно говорить, когда страна с населением в 46 миллионов человек хозяйничает на 40 миллионах квадратных километров по всему миру, а к началу войны в этой стране — 2,5 миллиона безработных?

Где же искусство управления, не говоря уже об искусстве лидерства? Это просто навыки грабежа. И тот же самый человек говорит: "У нас замечательный инстинкт к идеализму и материальным ценностям". Да, действительно инстинкт. Они разрушили идеализм повсюду, они награбили материальных ценностей, и всегда грабили и отбирали их только грубой силой. За 300 лет эта нация угнетала и обирала нацию за нацией, народ за народом, расу за расой.

Если они действительно были такими блестящими правителями, то они должны уйти из Индии после того, как индийский народ однозначно высказал своё желание; уйти и ждать — позовут ли их индусы снова. Но они слишком осторожны, чтобы уйти, они знают, как замечательно управлять, и у них одни общие мысли на уме — грабить; независимо от того, где эти мысли, под марксистской кепкой, либо под капиталистическим цилиндром.

Нет, друзья мои, они не знают, как управлять. Они умеют только поработать народы и обрекать их на нищету ради собственной выгоды. Горстка людей — очень богатых, ясное дело — еврейского и не еврейского происхождения определяет судьбы мира. И мы можем сказать объективно, что сама Германия была примером способности этих людей к управлению. Тогда, в 1918 году, Империя рухнула и ослеплённый германский народ обратился к этим людям, в слепой вере, в надежде, что ему покажут путь к светлому будущему, без нищеты, путь к демократической, а не национал-социалистической, Германии.

Нас, национал-социалистов, бы не было вообще, если бы эту "демократическую Германию" не разграбили, не унизили. Они хотели сделать из Германии вторую Индию, и их попытка едва не увенчалась успехом. Миллионы людей не имели никаких средств к существованию, миллионы перебивались временными заработками, — вот что они принесли нам. Десятки, сотни тысяч крестьян были лишены собственной земли, — вот что они принесли нам ещё. Из-за них коммерция и товарооборот замерли окончательно, и все социальные гарантии были отменены. Они проводили на нас свои "правительственные эксперименты", как в Индии, как в любом другом месте.

И когда этот головотяп, — я не могу его охарактеризовать иначе, — или любой другой ружельтоподобный заявляет, что собирается спасти Европу американскими методами, единственное, что я могу ему сказать, чтобы этот джентльмен лучше всего спасал бы свою страну, а ещё лучше, не ввязывался в войну вообще. Это бы принесло больше пользы для 13 миллионов безработных, чем ввергать мир в войну, но он развязал войну, потому что не может решить внутренние проблемы, и потому что

вознамерился заняться грабежом, как и его британские союзники, и не ради идеи, а исключительно ради прибыли — мистер Рузвельт, в отличии от идкалиста-англичанина, вовсе не идеалист.

Из-за этого "искусства управления" наших противников и его ужасных результатов в "демократической Германии", национал-социалистическое движение постепенно расширялось. Если бы они действительно сделали Германию счастливой, у меня не было бы никаких оснований участвовать в этом движении день за днём, неделя за неделей, месяц за месяцем, и год за годом.

Вы, мои старые соратники, знаете, что тогда я не благоденствовал. Я не ораторствовал по замечательным клубам там и сям, и не грелся у камина, проводя время в дружеских беседах. В то время я носился по германским землям от севера до юга и с востока до запада, изнашивая себя ради спасения моего народа от нищеты, в которую его ввергли эти правители, представители мирового капитализма.

В то время мы жаждали покончить с еврейско-большевистским заговором. И, наконец, мы покончили с ним. И, как только, с огромным трудом, нам это удалось, другой мир немедленно начал свою политику изоляции.

В то время Германия была кайзеровская. Сейчас Германия — национал-социалистическая. В то время был кайзер. Сейчас — я. Разница только в одном: тогдашняя Германия в теории была империей, а фактически внутренне раздробленным государством.

Тогда кайзеру не доставало сил, чтобы бороться против этих врагов. Но во мне эта сила противостоит противнику, который даже не думает о слове "капитуляция".

Всегда, с тех пор, когда я был мальчишкой — в то время это можно было назвать неподходящим поведением, но, возможно, это высшее достоинство — у меня была привычка оставлять за собой последнее слово. И пусть не сомневаются наши враги, что в прошлые времена Германия сложила оружие в четверть двенадцатого. Мой принцип — я не остановлюсь раньше пяти минут первого. Мои внутренние враги узнали это десять лет назад. Они тоже не верили этому и на самом деле в этом нет ничего удивительного, потому что естественная позиция моих тогдашних внутренних врагов отличалась от позиции моих сегодняшних внешних врагов, потому что тогдашние внутренние враги — о Боже — вы знаете, мои товарищи по партии, когда я начал, уже тогда было легко предсказать, что все мои труды должны претерпеть неудачу. С одной стороны — мощь прессы, мощь капитала, этот заговор влиятельных кругов, эти парламентарии, мелкие политики и так далее, и профсоюзы, с другой стороны союзы предпринимателей, и Рейхстаг. Как мог один-единственный человек, с небольшой группой сторонников, одолеть всё это? И даже в 1932 году они полагали, что он потерпит неудачу, потому что они говорили: "Мы всё ещё сильнее, за нами всё ещё больше людей".

Сегодня я должен сказать, что они задохнулись, они уже мертвы, в действительности мы оказались сильнее. Когда я сравниваю число людей в нашем лагере, кто сражается на нашей стороне, кто трудится на нашей стороне, это число превышает число тех, кто противостоят нам. Нет больше никакого сравнения с

ситуацией того времени. И есть кое-что ещё — теперь эта борьба ведётся военными средствами.

Сейчас, мои товарищи по партии, за нами великая германская история. Англичане говорят, что они никогда не проигрывали войн. Они проиграли множество войн, но в каждой войне они воевали до последнего союзника. Это правильно, это отличает английский метод ведения войны от нашего. У Германии великая история, и мне нужно выбрать лишь одного героя и сравнить его судьбу с нашей судьбой — это Фридрих Великий, против которого в самые его трудные времена сражалась коалиция — 54,000,000 человек против 3,900,000.

И сегодня, когда я сравниваю наше положение с его — наши укрепления, наши фронты далеко продвинулись от наших границ повсюду — я должен сказать, что наши враги совершенно тупы, если они воображают, что могут сокрушить Германию. И особенно, если они воображают, что могут испугать меня тем или иным способом. Я прекрасно знаю, что битва — очень тяжёлое дело, и это различие между мной и человеком, так сказать, вроде Черчилля. Черчилль сказал, что мы — рейхсмаршал и я — произнесли недавно жалостливые речи. Ну, я не знаю — если бы я бил кого-нибудь справа и слева, а он сказал, что это совершенное поражение, тогда можно было бы и посмеяться.

С 1939 году у меня не было оснований для скулежа. Перед тем, конечно, мне было очень грустно, потому что я сделал всё, чтобы предотвратить войну. Недавно Свен Хедин издал книгу, в которой он полностью приводит моё предложение полякам, которое в своё время было передано через англичан. Скажу, что когда недавно перечитывал его, то меня пробирала дрожь — могу только благодарить Провидение, что это предложение не было принято.

Если бы в то время это предложение было принято, то, руководствуясь известными мне теперь фактами, ясно, что Данциг был бы немецким, что и говорить, но всё остальное осталось бы, как было. Мы решали социальные проблемы, мы были трудолюбивы, украсили наши города, основали цветущие поселения, проложили дороги, построили школы, мы бы создали настоящее национал-социалистическое государство.

И тогда, конечно, мы потратили ли бы совсем немного на Вермахт, и однажды буря с Востока пронеслась бы сквозь Польшу и, прежде, чем мы бы узнали об этом, преодолела 150 — всего лишь — километров, отделявшие Берлин от восточной границы. Я благодарю господ, отказавших мне тогда. Во всяком случае, три года назад я не мог предположить такого развития событий. Три года назад мне было грустно из-за этого и поэтому, когда Польская кампания подходила к концу, я хотел ещё раз протянуть руку с предложением мира — который был взаимовыгоден — этим врагам. Как вы знаете, мне отказали. Тогда я был вынужден начать другую кампанию.

В 40-м я попробовал вновь предложить мир. Он него опять отказались. С этого момента мне стало ясно, что предлагать мир бесполезно, потому что наши враги каждое мирное предложение рассматривают как слабость, и это на самом деле наносит ущерб Германской империи. Поэтому было бы неправильно предпринимать нечто подобное снова. Для меня ясно — и только это сейчас имеет значение — либо страна, либо мир должны пасть. Мы не падём, следовательно падёт мир.

Вы помните, мои старые товарищи по оружию, как часто, таким же образом, я протягивал руку дружбы своим внутренним врагам. Как долго я обхаживал их. Какую боль они мне причиняли. Что только я не делал, чтобы добиться разумного взаимопонимания! Только после того, как всё было испробовано, и причины разногласия остались, я решился на единственно верные меры. И тут мы обязаны нашим коричневорубашечникам, мы обязаны нашим штурмовым отрядам, мы обязаны нашим СС; настал час, когда мы избавились от наших врагов, и как избавились! Эта внутренняя борьба была только на первый взгляд легче борьбы внешней. В действительности люди, которые вели внутреннюю борьбу, в своё время сражались с внешней угрозой, и сейчас они ведут и внутреннюю и внешнюю борьбу, потому что, мои товарищи по партии, для нас, национал-социалистов, это предмет гордости.

Когда сражалась буржуазная Германия, Германия, состоящая из марксистов, буржуа и центра, тогда, в качестве примера, на войне погибли два депутата Рейхстага — из более чем 2 миллионов погибших всего. Национал-социалистический Рейхстаг уже потерял 39 депутатов на полях сражений из общего числа потерь — менее 350 тысяч человек. Да, это, конечно, большая разница, и когда я вычисляю эту разницу, то могу с полным основанием сказать, что везде, где держат фронт мои штурмовики, мои товарищи по партии, или эсэсовцы, они выполняют свои обязанности образцово.

Здесь, в Империи, тоже произошли перемены. Прежде всего, они связаны с пониманием разницы: мы знаем, какая судьба нам уготована, если победит другой мир. Поскольку нам это известно, и известно очень хорошо, нет даже мысли о компромиссе. Когда эти джентльмены время от времени делают нам мирные предложения, они делают их прежде всего для собственных народов. От нас больше не будет мирных предложений. Последнее было сделано в 1940 году.

Остаётся только одно — сражаться. То же самое я однажды сказал внутренним врагам: "С вами невозможно договориться миром, вы хотите войны, и вы получите её". С тех пор внутренние враги нас не беспокоят.

Была в Германии другая сила, огромная сила, которая узнала, что национал-социалистические пророчества — не просто слова; эта огромная сила, которой мы обязаны наши главными бедами — международное еврейство. Вспомните заседание в Рейхстаге, когда я сказал: "Если еврейство воображает, что может развязать мировую войну для уничтожения европейских рас, то ошибается: результатом будет не истребление европейских рас, а истребление евреев в Европе".

Меня всегда высмеивали как пророка. Из тех, кто тогда смеялся, бесчисленное множество сегодня уже не смеется, а те, кто все еще смеется, скоро, пожалуй, тоже перестанут. Сознание этого распространяется через Европу по всему миру. Интернациональное еврейство будет распознано во всей своей демонической опасности. Об этом мы, национал-социалисты, позаботимся. В Европе эта опасность уже осознана, и одно государство за другим присоединяется к нашим законам. Таким образом, в этой могучей схватке остается одна-единственная возможность — полного успеха; да и есть ли вообще причины сомневаться в этом успехе?

Если проследить за пропагандой наших противников, ее можно охарактеризовать выражением: "Радостно взвизгивающая и до смерти огорченная". Малейший успех где-нибудь и они уже просто кувыркаются от восторга. Вот они нас уже уничтожили! А

потом листок календаря переворачивается и они опять совершенно огорченные и подавленные. Приведу хотя бы один пример.

Если проштудировать советские военные сводки начиная с 22 июня 1941 г., в них каждый божий день можно прочесть: "бои незначительного характера" или же "бои значительного характера". "Мы трижды сбили все немецкие самолеты". Тоннаж якобы потопленных ими судов в Балтийском море превышает весь тоннаж, который Германия вообще имела перед войной. Они уничтожили столько наших дивизий, сколько мы и восстановить не смогли бы. Но прежде всего: они постоянно бьются на одном и том же месте. А потом они время от времени, так, недели через две, скромно сообщают: "Мы оставили еще один город". В общем и целом, если верить им, они с 22 июня успешно сражаются на одном и том же месте, а мы вечно оказываемся отброшенными. При таком непрерывном отбрасывании мы теперь потихоньку дошли до Кавказа. Я говорю "потихоньку"!

Я это говорю для моих противников, а не для наших солдат. Ведь темпы продвижения наших солдат на Востоке гигантские. И то расстояние, которое они снова прошли и в этом году, тоже огромно, не имеет примера в истории.

То, что я поступаю не так, как хотелось бы другим, объясняется вот чем: я сначала обдумываю, чего, по всей вероятности, хотят другие, а потом делаю принципиально иначе. Если герр Сталин, как видно, ожидал, что мы ударим в центре, то я вовсе не пожелал наступать там, не столько потому, что герр Сталин, вероятно, думал так, а потому, что мне это было не столь уж и важно. Я хотел выйти к Волге, причем именно в определенном месте, у определенного города. Случайно он носит имя самого Сталина, но не думайте, что я рвался туда по этой причине.

На самом деле этот город мог называться как угодно. Он важен исключительно тем, что это важный пункт, ведь там мы отрезаем транспортные пути, по которым перевозятся 30 миллионов тонн грузов, в том числе 9 миллионов тонн нефти. Туда стекалась вся пшеница из гигантских областей Украины, Кубани, чтобы затем быть транспортированной на север. Там добывалась марганцевая руда. Там находился гигантский перевалочный пункт. Я хотел захватить это всё. И вы знаете, мы люди скромные, нам много не надо, мы это и получили; там остались невзятыми всего каких-то несколько совсем мелких местечек.

Некоторые говорят: а почему же вы не сражаетесь там? Да потому, что я не хочу иметь там второй Верден, а предпочитаю добиться этого при помощи совсем небольших ударных групп. Время не имеет значения. По Волге теперь не ходит ни одно судно — вот что самое главное!

Нас также упрекают: почему мы так долго выжидали под Севастополем? Да потому, что я и там не хотел устраивать гигантскую массовую бойню. И так пролилось крови больше, чем достаточно. Но Севастополь пал в наши руки, и Крым тоже оказался в наших руках. Мы настойчиво и упорно достигали цель за целью.

И если враг, со своей стороны, собирается наступать, не подумайте только, что я хочу его предупредить! Пусть себе наступает, если ему охота, ибо оборона дело все-таки более дешевое. Пусть себе наступает, он при этом тяжело истечет кровью, а мы сможем заткнуть брешь.

Во всяком случае, русские не стоят на Пиренеях или у Севильи, а ведь это такое же расстояние, как для нас сегодня расстояние до Сталинграда или, скажем, до Терека. А мы все-таки там стоим, и это оспоришь. В конце концов, это факт

Естественно, когда совершается то, чего раньше никто не делал, некоторые заявляют, что это — ошибка. Они озираются по сторонам и говорят: “То, что немцы пошли на Киркенес или на Нарвик, а теперь, к примеру, на Сталинград, - огромная ошибка. Что они забыли в Сталинграде? Сталинград — это капитальная ошибка, стратегическая ошибка”. А мы просто подождём и посмотрим, было ли это стратегической ошибкой.

Мы уже можем судить по многим признакам, было ли ошибкой то, что мы захватили Украину, что мы — ха! — заняли железорудный район Кривой Рог, что мы заполучили марганцевую руду; или было ли действительно большой ошибкой то, что мы заняли Кубань, эту, пожалуй, самую крупную житницу в мире, и было ли ошибкой то, что мы — и я могу без опаски сказать об этом — разрушили или забрали себе около четырех пятых или пяти шестых всех нефтеочистительных заводов, что мы сначала взяли в свои руки или парализовали добычу от девяти до десяти миллионов тонн нефти или что мы блокировали транспортировку, вероятно, семи-восемью или девяти миллионов тонн по Волге.

И всё остальное, что мы запланировали там, — если это действительно ошибки, мы скоро увидим. Я не уверен, что если бы англичане захватили Рур, а потом Рейн, а затем Дунай и Эльбу, и Верхнюю Силезию, — которая столь же важна, что и регион Донецка, как железнорудный криворожский бассейн, — если бы они также захватили часть наших нефтяных месторождений, да ещё и Магдебургскую фондовую биржу, стали бы они нам говорить: “Мы сделали огромную ошибку, что захватили всё это у немцев”. Это была бы экстраординарная ошибка.

Когда они убеждают в этом свой собственный, очень ограниченный, провинциальный народ, то, может быть, кое-кто им и поверит. Но, похоже, пока никто в это не верит, потому что вы слышите комментарии в прессе, день ото дня злее — что пора с этим заканчивать. Если же они хотят переубедить нас, я должен сказать, что они действительно спутали современную германию с Германией, которая, возможно, существовала бесчисленные столетия назад. Они не могут убедить современную Германию в этом, а если они хотят убедить меня, то скажу лишь: “Я никогда ещё не разрабатывал стратегических планов на основе чужих советов или идей”.

Конечно, в своё время был ошибкой наш прорыв во Францию, но он оправдался. В любом случае англичане вышвырнуты из Франции, даже после того, как они пробыли там длительное время. Они часто хвастали, что у них был там миллион человек, и мы не хотим забывать одно, мои товарищи по партии, мужчины и женщины, — они тогда стояли вплотную к нашим границам. У них там было 13 дивизий, и помимо этого более чем 130 французских дивизий, приблизительно 24 бельгийские дивизии, а также 20 голландских дивизий, и все они прямо на наших границах по Рейну, ну и где все они сейчас?

И если они говорят, что я озабочен их продвижением в каком-то месте, например, в пустыне — в общем, они уже раньше несколько раз продвигались, а потом снова

продвигались — назад. Решающее в этой войне — кто кому нанесет окончательный удар, и можете быть уверены, это будем мы!

То же самое с их промышленностью. Конечно, они производят всё на свете, и гораздо лучше, чем мы. Всякий раз, когда американцы сделают что-нибудь новенькое — например, я читал пару дней назад, что они построили новую подводную лодку, и читая это, я сразу подумал: “Наверняка, это лучшая в мире подводная лодка”. И я был прав. Чуть ниже было написано: “Лучшая подводная лодка в мире, наигениальнейшая конструкция. Самое быстрое погружение, лучшая во всех отношениях”. По сравнению с ними — мы просто-напросто любители в строительстве субмарин.

Мои германские товарищи по расе, мы не спим! Наши строители тоже не спят, и позвольте мне сказать вам только одно. Зимой 1939-1940 гг. некий мистер Черчилль заявил: “Подводная опасность устранена. Гитлеру конец”. Он топил по две, три, пять подлодок в день. Тогда он утопил больше подлодок, чем их вообще у нас было. Он был истощён. Он ничего не уничтожил, потому что я снова совершил очень большую ошибку. Этой ошибкой было то, что я выделил для подводной войны очень небольшое число наших субмарин, а большую часть придерживал, чтобы обучать экипажи для новых подводных лодок.

В то время число субмарин, противостоящих врагу, было настолько малым, что и сейчас мне стыдно говорить об этом. Большинство их, более, чем девять десятых, пребывали в наших водах и на них обучались новые экипажи, потому что в определённый момент мы начали массовое производство. Они не могут представить никакого массового производства, кроме американского. Они всегда ведут себя так, словно только они разбираются в этом. Мы разбираемся в этом не хуже. Когда они заявляют, что строят столько-то и столько-то военных кораблей в год — ну, когда они считают все их корветы и все их — хе-хе — рыбацкие лодки, и всё такое прочее, с палками вместо пушек... Раз мы участвуем во всём этом, то я вам гарантирую — мы строим куда более полезные корабли, чем они.

Так или иначе, это было вновь доказано. Во всяком случае мы к этому моменту потопили более чем 24 миллиона тонн, что почти на 12 миллионов тонн больше, чем за всю Мировую войну. И количество подводных лодок значительно выше, чем количество подводных лодок в Мировую войну. И мы продолжаем строить их и строить, оснащая их всеми видами оружия, и когда эти джентльмены утверждают, что располагают замечательным новым оружием, у них нет ни малейшего понятия о том, что мы располагаем оружием лучше, и уже давно.

Это моя практика — применять новое оружие только тогда, когда старое становится фактически бесполезным. Зачем демонстрировать новое оружие прежде времени? Пока эта политика во всех случаях была верной. Наше оружие всегда было хуже. Конечно. Наши солдаты хуже. Это совершенно ясно. Мы хуже организованы. Кого это удивляет? Если сравнить нашу организацию с организацией таких гениев, как — ха! — Черчилль и Дафф Купер, и Чемберлен и все эти люди, или даже Рузвельт, этот организатор [...]¹

¹ [...] — пропуски в записи обращения из-за помех.

Если сравнить со всеми этими людьми, то в отношении организации мы, конечно, всего лишь неумёхи. Истинно так. Но пока у нас один успех за другим. Насчёт внутренних дел, мои дорогие товарищи по партии, всё то же самое. Мы постоянно были хуже всех во внутренних делах. Мы были некомпетентны. Мы были дилетантами во всём, но однажды мы пришли к власти. Это — решающее.

Понятно, что в такой борьбе, в которую вовлечён весь мир, в борьбе, в которой мы сегодня участвуем, никто не может рассчитывать на успех каждую неделю. Это невозможно. Тем более, что такие успехи не решающие. Решающее — это фактический, постепенный захват ключевых пунктов, что, в конечном счёте, раздавит врага, удержание и укрепление этих пунктов, так, чтобы они не могли быть отобраны. Вы можете поверить мне: если мы что-то захватили, то мы так сильно держимся, что никто не сможет сдвинуть нас, если мы получили точку опоры. Вы можете положиться на это.

Кроме того, в войну вовлечены наши союзники — итальянцы, румыны, венгры, финны и все другие европейские народы, вроде словаков, хорватов, испанцев-добровольцев [...] норвежские добровольцы. Установлен реальный новый мировой порядок, великие державы терпят одно поражение за другим.

Начиная со вступления в войну Японии, она не совершала ничего, кроме ошибок; всё, что совершили японцы, сплошная ошибка. Но когда ошибки удачны, результат превосходен. Ошибаясь, японцы прибрали к рукам около 98% американского каучука. Ошибаясь, они стали крупнейшими в мире производителями олова. Теперь они производят огромное количество шерсти. Они захватили множество нефтяных скважин. Так что, если вы делаете ошибки такого рода, результат будет впечатляющим.

И, наоборот, другие делали всё правильно. Полные гениальности, храбрости, героизма и расчётливости, они располагают великими генералами — Мак-Артуром, или Уэйвеллом, или ещё какими, из тех величайших, каковых мир ещё не видывал. По ходу дела, генералы уже пишут книги о других генералах. Но, несмотря на всё это, народ, народ, у которого поначалу не было никаких генералов, добился в войне большего, чем те, кто прославлял своих генералов. По этой причине я могу говорить с вами в день, который мы вспоминаем как день наибольшего упадка нашего движения, когда казалось, что для Партии всё кончено. Все наши враги были убеждены, что национал-социализм мёртв.

Теперь же, в этот день, я говорю: нас, национал-социалистов, память об этом должна накрепко спланивать, спланивать, чтобы отразить любую угрозу, никогда не поддаваться и не отступать, храбро встречая любую опасность и стоять насмерть, даже если враг чрезвычайно силён.

Каждый должен следовать заповеди Лютера: "Если даже весь мир полон бесами, мы должны победить, и победим". Сейчас мы смотрим в будущее с куда большим оптимизмом, нежели прошлой зимой, зимой, всей ужасной опасности мы не могли осознать, когда я говорил с вами год назад. Сегодня я смотрю в будущее совсем по-другому.

В то время даже активные, думающие люди были угнетены воспоминаниями о судьбе Наполеона в 1812 году, а зима, которую мы пережили, была точно на 50% холоднее, чем зима 1812 года.

В этом году мы подготовились на самом деле по-другому. Конечно, и сейчас кто-нибудь может нуждаться в том. или ином, испытывать в чём-нибудь нехватку. В любом случае мы обращаемся к нации с просьбой дать те или иные вещи, всё, что возможно; всё равно, к грядущей зиме мы подготовились совсем по-другому. Что я могу сказать. даже если нас ждут такие же суровые испытания, как в прошлом, то, что было в прошлую зиму, не повторится в эту.

И я снова говорю — великий философ сказал, что если удар не достиг цели и не сокрушил, человек, пропустивший его, становится сильнее. Могу лишь добавить — удар, который не сокрушил нас прошлой зимой, сделал нас только сильнее.

Несущественно, где именно проходит линия фронта — Германия всегда будет отражать удары, мы всегда будем наступать и продвигаться вперёд, и я не сомневаюсь ни на миг, что в конечном итоге мы победим.

Если сегодня Рузвельт атакует Северную Африку под предлогом защиты её от Германии и Италии, мы не будем тратить слова, опровергая ложь этого негодяя. Он — вне всякого сомнения — главный гангстер во всей этой банде, которой мы противостоям. Но любой может убедиться, что мистер Рузвельт не будет иметь решающего голоса.

Мы будем тщательно готовить наши удары, как всегда делали это, и они всегда будут обрушиваться в нужное время. Пока ни один удар, направленный в нас, не был успешен. Раздался однажды торжествующий вопль, когда первый англичанин высадился в Булони и двинулся в атаку. Полгода спустя этот вопль оборвался. Всё пошло по-другому. И сейчас всё пойдёт по-другому.

Доверьтесь полностью. Ваши руководители и Вооружённые Силы сделают всё, что должно быть сделано, всё, что можно сделать. И я полностью доверяю, прежде всего, германскому тылу — опоре руководства и Вооружённых Сил, — и особенно всей Национал-социалистической партии, на которую я опираюсь, как на единое целое. Это то, что отличает наше время от прошлого, когда у кайзера не было поддержки народных масс, а за мной сейчас — одна из наиболее великолепных организаций, когда-либо взраставших на этой земле, и эта организация представляет германский народ!

Ещё один факт отличает наше время от времени минувшего — сейчас во главе этого народа нет ни одного, кто в критических обстоятельствах мог бы бежать за рубеж, сейчас во главе народа люди, которые не знали ничего, кроме борьбы, и которые всегда следовали одному принципу: "Удар, удар, ещё удар!".

Другой фактор также отличает современный германский народ от людей того времени. У тогдашнего руководства не было никаких корней в народе, потому что в прошлом... [...]

Сегодня мы живём в том, что проросло из последней войны, потому что когда я вернулся с войны, я принёс на родину свой фронтовой опыт. Основываясь на этом фронтовом опыте, я построил в Германии моё национал-социалистическое народное сообщество.

Сегодня национал-социалистическое народное сообщество идёт на фронт, и вы во многом видите, как Вермахт прирастает национал-социалистами, месяц от месяца, как в нём постоянно, всё яснее и яснее проявляется облик новой Германии, как все привилегии, все классовые предубеждения, и прочее, сходят на нет, как немецкое народное сообщество месяц от месяца доминирует, и к концу войны немецкое народное сообщество докажет свою состоятельность. Вот отличие сегодняшней Германии от Германии вчерашней.

Этому мы обязаны, с одной стороны, неизмеримому героизму на фронте, героизму миллионов железных солдат, известных и неизвестных, героизму тысяч храбрых офицеров, которые чувствуют себя всё ближе и ближе к народу. Они уже — часть народа. Они преодолели все преграды.

Также, как в партии любой может достичь любого поста, если у него есть способности, также, как даже беднейший ребёнок нашей нации может стремиться к любому посту в правительстве, даже к самому высокому, с тех пор, как эта партия пришла к власти, также и в Вооружённых Силах. И это не теоретически, не в виде исключения или частности, но фактически — на практике. Уже есть обладатели Дубовых Листьев [к Железному Кресту] — унтер-офицеры и капралы. Рыцарским Крестом награждены многие железные люди, проявившие героизм. Бесчисленные офицеры получили новые звания. Мы строим армию посреди войны, которая не имеет параллелей в мировой истории.

С другой стороны, люди трудятся в тылу, и я должен сейчас сказать о германском тыле то, что уже говорил в Рейхстаге: в 1917-18 годах оружейные заводы забастовали. Сегодня они работают сверхурочно, работают всё больше и больше. Сегодня германский рабочий в тылу понимает, что производит оружие для своих товарищей на фронте.

То, что делается в сёлах и городах — мужчинами, но прежде всего бесчисленными женщинами — грандиозно. Совершенно ясно, что это ещё одна область, в которой мы не можем конкурировать с нашими врагами.

Также, как в своё время партия была беднейшей среди существовавших тогда партий и состояла исключительно из идеалистов, так и германская нация сейчас — беднейшая в мире, если говорить о золотом запасе.

У нас нет золота. Но у нас есть производительная мощь — это реальная ценность. У нас есть священное трудолюбие и священная воля — это. В конечном счёте, тысячекратно важнее, чем золото в идущей смертельной борьбе.

Какой прок сегодня американцам от их золотых treasures, кроме как делать из них зубные протезы или что-нибудь другое в этом роде? Что для них реально выгоднее? Если бы у них было 10 заводов по производству синтетического каучука, они были бы для них ценнее, чем всё золото, что они накопили. Я не копил, я строил. Мы вошли в

войну без золота, но подготовленными к ведению войны; во всяком случае, у нас, немцев, сегодня нет непрорезиненных баков, они есть у англичан.

Мы увидим, насколько ведение войны зависит от ресурсов, увидим яснее, чем сейчас. Они уступили нам регионы, обеспечивающие сырьё, необходимое для того, чтобы вести эту войну, невзирая ни на какие трудности. Кто-нибудь может спросить: "Хорошо, почему же тогда мы не видим этого сырья, этих материалов?". Ну, это очень просто.

Не подумайте, интернациональные джентльмены, — на всякий случай я им объясню — что мы стояли там, перед разрушенными железнодорожными мостами, остатками железных дорог, взорванными электростанциями, разрушенными угольными шахтами, стояли руки в брюки и ничего не делали. В течение года работа была сделана, и как! И теперь это постепенно начинает окупаться.

Когда наступит следующий год и результаты этого труда проявятся в полной мере, я с гордостью смогу сказать, что партия доказала своё могущество, что неисчислимые храбрые товарищи по партии всё там организовали, с горсткой людей — опытными национал-социалистами, районными и местными вождями — организовали гигантские регионы, сделали их пригодными, доступными для нашей эффективной индустриальной экономики, для нашего сельского хозяйства и, фактически, в более широком смысле, — как сырьевую и сельскохозяйственную базу для всей Европы.

Поскольку эта война не является войной, которую Германия ведёт только ради себя, а фактически это война за существование Европы — понятно, почему так много добровольцев из Европы — от севера до юга — как в немецких частях, так и в самостоятельных армиях или подразделениях, сражаются вместе с нами на величайшем в мировой истории фронте.

Именно поэтому мы нерушимо предопределили, что мир, который однажды установится, действительно будет миром для Европы, без покровительства этих людей, с прекрасным инстинктом к идеализму и к материальным ценностям.

Что за инстинкт у мистера Идена к идеализму, мы не знаем. Он никогда и нигде его не проявлял. По его поведению этого тоже не понять. Прежде всего, культура его собственной страны ни в коем случае не может нас впечатлить. Про человека за океаном я вообще не буду говорить в этой связи. Так что, их инстинкт к идеализму, конечно, гораздо слабее, чем наш, потому что мы дали миру идеализма больше, чем общество, находящееся на попечении мистера Идена. То же применимо к нашим союзникам; кое-кто из них является наследником культуры, по сравнению с которой культура английского островного королевства является поистине молодой, если не сказать инфантильной.

Вот насчёт материальных ценностей я им верю, у них прекрасный инстинкт к ним. Но и у нас он тоже есть. Единственное различие между нами в том, что мы хотим наверняка удостовериться, что материальные ценности Европы будут приносить в будущем пользу европейским народам, а не трансконтинентальным финансовым кликам избранных — это наше нерушимое и непоколебимое решение. Народы Европы не за то сражаются, чтобы потом пришли люди с прекраснейшими инстинктами и снова

начали разграблять человечество и делать миллионы людей безработными, лишь бы наполнить свои хранилища.

У нас были серьёзные основания, чтобы выйти из золотого стандарта. Мы хотели таким образом устранить одно из условий этой экономической концепции и экономического управления. И это очень важно: Европа выйдет из этой войны намного более экономически здоровой, чем прежде, потому что большая часть континента, которая до настоящего времени была организована против европейских интересов, теперь будет обслуживать европейские нации.

Если теперь мне говорят: "Ха-ха, так вы что, хотите, переместить голландцев?", я отвечаю, что никого не хочу перемещать, но думаю, что многие люди там будут счастливы получить свой собственный небольшой надел земли, и работать на нём, чем быть ломовой лошадью или рабом, как иногда случается на этом переполненном, перенаселённом континенте. Прежде всего они будут счастливы, если сами будут получать прибыль от этой работы, если прибыль будет оставаться их народам, их работающим мужчинам и женщинам, а не хранилищам в Лондонском банке или в Нью-Йорке. Поэтому я верю, что после этой войны наступит конец доминированию золота в международном масштабе и, таким образом, наступит крах всего этого общества, виновного в развязывании войны.

Мы все знаем задачу Национал-социалистической партии. Мне не надо сегодня её повторять. Мы начали борьбу с этим врагом внутри страны, мы всё сделали, чтобы отыскать наш путь в этом мире своим трудом. Мы всё организовали! Они смеялись над нами, да, всегда они смеялись, всякий раз, когда мы создавали новые заменители [Ersatzstoffe]. Мы это делали не ради удовольствия. Мы были вынуждены делать это. Иначе миллионы людей останутся без работы, и невероятные ценности не будут произведены. Мы должны были приспособиться, найти новые методы. Мы сделали это.

Выполняя эту работу, мы одновременно соотносили себя с миром, потому что, работая, мы хотели поддержать мир. Наши враги отказали нам в этом. Национал-социализм многие годы для многих был чудом борьбы внутри страны, и теперь он один против внешнего мира. Я жду, чтобы каждый партиец, прежде всего, был представителем веры в победу и в успех, чтобы он вёл эту борьбу с беспредельным фанатизмом, как и всегда. Сегодня это намного легче, чем было тогда. Сегодня я восхищаюсь каждым членом моей партии, всеми этими маленькими людьми, которые верили в неизвестного, безымянного солдата Мировой войны; этими людьми которые следовали за мной в то время, которые предоставили свои жизни в моё распоряжение, многие из которых отдали жизни не только здесь — в те времена, в старой Империи, — но и на Восточных территориях, в Судетской области, и в других местах и в других землях.

Я должен восхищаться ими. Они следовали за мной, когда я был абсолютно неизвестным человеком. Сегодня перед всеми нами выросла огромная великая Империя, но прежде всего перед нами стоит вопрос — быть или не быть всей нашей нации. Каждый национал-социалист, который верил в меня тогда, должен оставаться фанатичным, чтобы бороться с внешней угрозой, и он должен бороться с тем же фанатическим упорством, которым мы обладали в те времена. У нас есть противники. К ним не может быть никакого милосердия. Возможно только одно из двух. Либо падём мы, либо падут наши противники. Мы знаем это, и мы достаточно мужественны,

чтобы взглянуть судьбе прямо в глаза — с ледяным спокойствием. И это отличает меня от тех господ, в Лондоне и в Америке; если я требую многого от германского солдата, я не требую большего, чем всегда был готов сделать сам.

Когда я требую от германской нации, я призываю работать не больше, чем я сам работаю. Если я требую от многих из вас сверхурочной работы, то я даже не знаю, что такое в моей жизни сверхурочная работа. Этого я вообще не знаю! Для каждого индивидуума наступает время, когда он оставляет работу и может отдыхать. Моя работа — судьба Империи. Я не могу оставить её. Она со мной днём и ночью, потому что я руковожу нацией.

В эти дни серой нищеты и лишений, печали и разрухи, любой отдых для меня был бы нелеп. Да и что такое отдых, в конце концов? Отдых, в моих глазах, всегда одно — это Германия, этой мой народ, это — его будущее, это — будущее его детей. Поэтому я не требую ни от кого... [...] поэтому я не требую ни от кого большего, чем я требую от себя самого, что я сам готов сделать.

Я знаю, что мои старые товарищи по партии фактически составляют ядро этого движения, и что в память о первых кровавых жертвах, принесённых нами в то время, они уже увлекают нацию своим примером, что они едины с сотнями, сотнями тысяч, с миллионами национал-социалистических функционеров, партийцами, и те, кто состоят в организациях, связанных с нами, идут с нами, все наши люди в штурмовых отрядах, в СС, идут с нами, люди в нашем Трудовом фронте идут с нами, люди из Имперской трудовой службы; короче, весь германский национал-социалистический народ.

Замечательно сегодня то, что мы не одиноки, подобно людям, вопиющим в пустыне, как это однажды было со мной, то, что каждое слово, адресованное нами к нации, отражается тысячеголосым эхом.

И если враг верит, что каким-то образом смягчит нас, он ошибается. Ему не побудить меня отказаться от моей цели. Придет час, и я нанесу ответный удар, и тогда он получит за все с процентами на проценты.

Вы помните то долгое время, когда мы, товарищи по партии, должны были соблюдать законность. Как часто мои старые товарищи по партии приходили ко мне и говорили: "Фюрер" — они также звали меня "Шеф" тогда — они говорили: "Адольф Гитлер, почему мы не можем ответить ударом на удар? Почему мы должны терпеть это?". Долгие годы я должен был принуждать их быть законопослушными.

Я должен был, скрепя сердце, исключать из движения членов партии, потому что они полагали, что не смогут повиноваться этому приказу, год за годом, пока, наконец, не пробил час, когда я смог призвать их.

И сегодня всё так и происходит. Иногда, месяцами, я должен ничего не предпринимать. Вы думаете, что сердце моё не разрывается от гнева, когда я слышу о воздушных налётах? Вы знаете, что сдерживался месяцами. Я не позволил ни единой бомбе упасть на Париж. Перед тем, как мы атаковали Варшаву, я пять раз предлагал им сдаться, и пять раз получил отказ. Я просил, чтобы, по крайней мере, были эвакуированы женщины и дети. Ни один офицер не вышел с белым флагом. От всего

отказывались, и только тогда я решил сделать то, что разрешено любыми законами ведения войны.

Когда англичане начали бомбить, я ждал три месяца, ничего не предпринимая. В то время многие говорили: "Почему мы не отвечаем? Почему не... [...]" Мы уже достаточно сильны для этого". Я ждал, надеясь, что они, возможно, ещё одумаются.

Случилось по-другому. Поверьте мне, сейчас это безразлично. Я всё это принял к сведению. Они ещё узнают, что германский дух изобретательства бодрствует, и они получат такой ответ, что голова пойдёт кругом.

Я еще и раньше не раз говорил: если я какое-то время не выступаю с речами, это вовсе не значит, что я потерял голос, просто считал нецелесообразным. Это имеет место и сегодня. К чему мне сейчас много ораторствовать? Сегодня в конечном счете говорит фронт. Всё остальное — детский лепет. Я хотел бы брать слово только в самых редких случаях, ведь язык фронта столь проникновенен, это такой особенный язык, что он и без того понятен каждому немцу. Тому, кто читает ежедневные сводки нашего Вермахта и при этом не является фанатически преданным своему народу, не воспринимает все это множество героических дел, не помогут никакие речи.

А что касается зарубежья — ну, в общем я выступаю не для зарубежья. Я никогда не говорил для зарубежья. Я говорю только для моего германского народа. Слушают ли меня люди за границей, или нет — мне полностью безразлично.

И если господин Рузвельт говорит, что он моих речей не слушает, то ведь я и выступаю вовсе не для него. Когда он обращался ко мне посредством телеграфа, тогда я отвечал ему, как вежливый человек, но в иных случаях я с господином Рузвельтом не разговариваю. С ним я говорю только при помощи того инструмента, которым лишь и можно разговаривать теперь, а этот инструмент говорит громко и достаточно четко.

Я выступаю только в редчайших случаях, обращаясь к движению и моему собственному германскому народу, и всё, что я могу сказать в такой речи, это только одно: думайте все без исключения, мужчины и женщины, только о том, что в этой войне решается вопрос, быть или не быть нашему народу! И если вы это поймете, тогда каждая ваша мысль и каждая ваша надежда будет молитвой за нашу Германию!

Радиообращение рейхсканцлера А. Гитлера по случаю 12-ой годовщины национал-социалистического режима

30 января 1945

Соотечественники! Национал-социалисты!

Двенадцать лет назад, когда, как руководителю самой сильной партии, покойный теперь рейхспрезидент фон Гинденбург поручил мне пост канцлера, Германия столкнулась с такими же проблемами внутри страны, какие сейчас навалились на нее извне. Силы экономического разрушения и устраненный теперь Версальский диктат привели к положению, которое стало постоянным, а именно: около 7.000.000 безработных, 7.000.000 временных рабочих, разрушенный класс фермеров, истощенная индустрия и экономика.

Немецкие порты представляли собой просто кладбище кораблей. Финансовая ситуация в стране могла в любой момент привести к развалу не только государства, но и общества. И за всем этим методическим разрушением немецкой экономики стоял азиатский большевизм. Это было тогда в той же степени, что и сейчас.

До того, как мы пришли к власти, буржуазный мир был не способен противостоять развитию большевизма как в малом, так и в большом. Даже после разрухи 1918 года буржуазный мир не смог вовремя осознать, что старый мир изжил себя и появился новый; что нет смысла поддерживать и искусственно удерживать то, что пришло в упадок, и что надо найти этому достойную замену. Устаревшая социальная структура дала трещину и любые попытки ее удержать обречены на неудачу.

Все это, по большому счету, не отличается от того, что происходит сейчас, когда буржуазные государства обречены, и только сильные и идеологически объединенные национальные общества могут противостоять сильнейшему кризису, который Европа когда-либо переживала за последние столетия.

Нам было дано только шесть лет мира с 30 января 1933 года. За эти шесть лет небывалые подвиги были совершены и еще более грандиозные были запланированы, вызывая зависть среди наших демократических, ни на что не способных соседей.

За эти 6 лет, приложив нечеловеческие усилия, нам удалось восстановить немецкую нацию в военном отношении, вселить в нее дух сопротивления и самоутверждения в большей степени, чем просто дать ей существенный военный потенциал.

Ужасающий роковой вал, идущий с Востока и истребляющий сотни тысяч в деревнях и на рынках, в городах и за их пределами, будет отражен и обуздан нами, не смотря на все препятствия и тяжелые испытания.

Но если это все возможно, то только благодаря изменениям произошедшим в немецком народе с 1933 года. И если бы Германия сегодня была бы Германией, угнетенной Версальским договором, Европа давно бы уже была сметена

центральноазиатским ураганом. Вряд ли надо вдаваться в полемику с вечными упрямыми, которые утверждают, что невооруженная Германия не стала бы жертвой этого еврейской мировой сплотки. Такое утверждение противоречит всем естественным законам.

Где это видано, чтобы беззащитный гусь не был бы съеден лисой только потому, что она не вправе, по конституции, иметь агрессивные намерения? И как это возможно, чтобы волк изменился, стал пацифистом, из-за того, что овца не носит доспехов? Если все еще существуют буржуазные государства, которые искренне верят в подобное, это только доказывает, насколько необходимо распрощаться с эрой, которая своей системой образования может культивировать и укоренять такие понятия, нет, даже даровать им политическое влияние.

Борьба против еврейского азиатского большевизма была яростной задолго до того как национал-социализм обрел силу. Единственная причина, почему эта борьба не заполонила всю Европу в 1919-1920 годах в том, что азиатский большевизм сам был слаб и плохо вооружен.

Попытки большевизма уничтожить Польшу были оставлены не потому, что большевики испытывали сострадание к этой стране, а потому, что они потерпели поражение в битве под Варшавой. Их намерения загубить Венгрию изменились не потому, что они просто передумали это осуществить, а потому, что большевистскую власть просто нельзя было удержать с помощью военной силы. Точно так же попытка раздавить Германию провалилась не потому что это так было задумано, а потому что оказалось невозможным преодолеть природную стойкость нашего народа.

Тогда еврейство начало систематически разрушать нашу нацию изнутри, и оно нашел себе союзников в недалеких буржуа, которые не осознают, что эра буржуазного мира завершена и никогда не вернется назад, что эпоха распущенного экономического либерализма изжила себя, и может привести только к саморазрушению, и, более того, великие задачи нашего времени могут быть осуществлены исключительно методом авторитарного руководства природной силой [народа], основанным на общем законе равных прав для всех и, следовательно, равных обязанностях. И наоборот, исполнение одинаковых обязанностей должно сопровождаться равенством в правах.

Таким образом, национал-социализм, развиваясь параллельно с гигантской реконструкцией экономики, социальной и культурной сфер общества, дал немецкому народу эту силу; силу, без которой нельзя создать никакого военного потенциала.

Сила сопротивления нашей нации настолько впечатляюще увеличилась с 30 января 1933 года, что она уже не может идти ни в какое сравнение с тем, что было в прошлом. Постоянство этой внутренней силы - самый верный знак нашей конечной победы. Раз на Европу сегодня обрушилась ужасная болезнь, пораженные страны либо преодолеют эту болезнь, прилагая всю огромную силу сопротивления, либо умрут от неё.

Именно во время кризиса происходит выздоровление; кризиса, который делает слабее. Но, несмотря ни на что, наше непреклонное желание - не отступать в этой борьбе ради спасения нашего народа от самой ужасной судьбы во все времена, не отклоняться и верно следовать закону сохранения нашей нации.

Всемогущий Господь создал нашу нацию. Защищая ее, мы защищаем Его работу. Тот факт, что эта защита чревата неисчислимым горем, страданием и лишениями делает нас еще более верными сыновьями нашей нации. Это также нам дает нерушимое желание, необходимое, чтобы выполнить наш долг даже в самой суровой схватке; это не только долг по отношению к порядочным и благородным немцам, но и к тем немногим бесчестным, кто повернулся спиной к своему народу.

В этой важной для нас битве мы должны следовать следующему постулату: тот, кто честно дерется, может спасти свою жизнь и жизнь своих близких; тот, кто из-за трусости или малодушия поворачивается спиной к народу, должен неумолимо умереть постыдной смертью.

Это огромное достижение, что национал-социализм преуспел в пробуждении и укреплении духа нашего немецкого народа. Только когда закончится эта мировая война и зазвонят колокола мира, придет понимание того, чем обязан немецкий народ этому духовному пробуждению: не меньше, чем собственному существованию в этом мире.

Недавно государственные деятели Союзников открыто обрисовали судьбу Германии. Газеты их предостерегали насчет этого, советовали быть поумнее и пообещать хоть что-нибудь, даже если потом никто не собирается выполнять эти обещания.

Как непоколебимый национал-социалист и как борец за свой народ, я хочу заверить этих государственных деятелей раз и навсегда, что любая попытка повлиять на национал-социалистическую Германию с помощью дешевых призывов, лжи и искажения фактов лишь говорит о их невиданной глупости. Неважно, что политическая деятельность и лож неразрывно связаны в демократии. Важно, что любое обещание данное этими деятелями народу сегодня - бесполезно, так как они не в том положении сейчас, чтобы выполнить эти обещания. Это все равно, что одна овца обещала бы защитить другую от тигра.

И я повторяю своё пророчество: Англия не только не сможет контролировать большевизм, но и её собственное развитие будет неизбежно двигаться по направлению к этой разрушительной болезни.

Демократы не способны управлять силами, которые они призвали из Азии.

Все малые европейские государства, которые капитулировали, уверенные в гарантиях, данных Союзниками, стоят перед лицом полного уничтожения. И абсолютно не важно, настигнет ли их судьба чуть раньше или чуть позже; что существенно, так это неизбежность этого. Кремлёвские евреи руководствуются только тактическими соображениями; будут ли они действовать с молниеносной жестокостью или с некоторой скрытностью, результат будет всегда одним и тем же.

Но Германию, тем не менее, не постигнет эта судьба. Гарантом этого является победа, одержанная 12 лет назад. Не важно, что могут задумать наши враги, какие страдания они навлекут на немецкие города, просторы и на наш народ, все это не идет ни в какие сравнения с непоправимым несчастьем, трагедией, которая произойдет, если удастся большевистско-плутократический заговор.

Поэтому это еще более важно сейчас, на 12-ую годовщину возрождения, укрепить силу наших сердец больше, чем когда-либо, и укрепить нашу святую решимость сражаться, не важно где и в каких обстоятельствах, пока победа не станет нашим вознаграждением за все усилия.

В этот день я не хочу сомневаться в этом. Однажды я выбрал свой путь - против всего враждебного мира, согласно моему внутреннему зову, и шёл по этому пути к конечной победе, будучи неизвестным и безымянным; часто говорили с надеждой, что я мёртв, но неизменно я побеждал. Моя жизнь сегодня абсолютно предопределена обязанностями, возложенными на меня.

Все они вместе составляют одну: работать для моего народа и бороться ради него. Только Тот, Кто призвал меня, может освободить от этого долга. В руках Провидения было убить меня бомбой, разорвавшейся 20 июля в полутора метрах и, таким образом, положить конец моей жизни, моим трудам. Всемогущий защитил меня в тот день, и я считаю это новым подтверждением доверенной мне задачи.

В грядущие годы я также собираюсь продолжать идти этим путём, бескомпромиссно служа интересам своего народа, не обращая внимания на все угрозы и опасности, вдохновленный святой убежденностью, что Всемогущий Бог не оставит того, кто в течение всей жизни не желал ничего, кроме как спасти свой народ от судьбы, которой он не заслужил.

Сейчас я призываю всю Германию, и, особенно, старых моих друзей по оружию и всех солдат - укрепить свои силы еще более мощным духом сопротивления, до тех пор, пока мы снова - как мы это делали раньше - не положим на могилы умерших в этой невероятной борьбе венки с надписью: "И всё же мы победили".

Поэтому я надеюсь, что каждый немец выполнит свой долг до конца, и что он будет готов принести любые жертвы, которых от него попросят; я рассчитываю на каждого немца, способного драться, полностью забыв о собственной безопасности; я призываю больных, слабых и всех негодных к военной службе работать из последних сил; я рассчитываю, что горожане будут ковать оружие, а крестьяне - снабжать хлебом солдат и рабочих, ограничивая самих себя; я надеюсь, что все женщины и девушки будут продолжать поддерживать эту борьбу с предельным фанатизмом.

Особый мой призыв к молодежи. Связав себя узами клятвы друг с другом, мы можем встать перед Всемогущим и просить Его о милосердии и благословении. Ни один народ не может сделать больше, когда каждый, кто может драться - дерётся; каждый, кто может работать - работает, и все жертвуют в одинаковой степени, вдохновленные только одной мыслью - защищать свободу и честь нации, и, следовательно, будущую жизнь.

Несмотря на то, что кризис ужасен, он будет преодолен нашим неизменным желанием, нашей готовностью к жертвам и нашими способностями. Мы преодолеем это бедствие, одержим верх в борьбе, которая принесет победу не Центральной Азии, а Европе; и во главе её будет нация, которая защищала Европу от Азии в течение 1.500 лет и будет этим олицетворением во все времена: наша Великая Германская империя, германская нация.

Политическое завещание Адольфа Гитлера

29 апреля 1945

С тех пор как я начиная с 1914 г. отдавал все свои скромные силы в первой, навязанной рейху мировой войне, прошло более тридцати лет.

В эти три десятилетия все мои помыслы, все мои действия и вся моя жизнь определялись только любовью к моему народу и верностью ему. Они давали мне силу принимать такие тяжелейшие решения, какие не доводилось принимать до тех пор ни одному смертному. За минувшие три десятилетия я израсходовал сполна все мое время, всю мою работоспособность и все мое здоровье.

Это неверно, будто я или кто-то другой в Германии желал в 1939 г. войны. Ее желали и развязали исключительно интернациональные государственные деятели либо еврейского происхождения, либо работавшие на еврейские интересы. Я вносил множество предложений по сокращению и ограничению вооружения, которые грядущие поколения не смогут вечно отрицать, чтобы возложить ответственность за возникновение этой войны на меня. Далее, я никогда не хотел, чтобы после первой злосчастной мировой войны возникла вторая мировая война против Англии или тем более против Америки. Пройдут века, но из руин наших городов и памятников искусства будет постоянно вырастать обновляющаяся ненависть к тому народу, который в конечном счете несет ответственность за все это, к тому народу, которому мы обязаны всем этим: к интернациональному еврейству и его пособникам.

Еще за несколько дней до того, как разразилась германо-польская война, я предложил британскому послу в Берлине решение германо-польской проблемы как и в случае с Саарской областью под международным контролем. Это предложение тоже не может отрицаться. Но оно было отвергнуто, потому что влиятельные круги английской политики желали войны, а отчасти подгонялись к ней организованной интернациональным еврейством пропагандой.

Но я не оставлял также сомнения и на тот счет, что, если народы Европы рассматриваются как пакеты акций для интернациональных финансовых и промышленных заговорщиков, будет привлечен к ответственности и тот народ, который является единственным виновником этой смертоубийственной войны: еврейство! Я также не оставлял никакой неясности насчет того, что на сей раз настоящий виновник пусть и гуманными средствами, но будет наказан и поплатится за то, что миллионы детей европейцев арийской расы умрут от голода, что свою смерть найдут миллионы взрослых мужчин, а сотни тысяч женщин и детей сгорят в наших городах или погибнут от бомбежек.

После шестилетней борьбы, которая, несмотря на все неудачи, войдет в историю как самое славное и отважное выражение жизненной силы немецкого народа, я не могу оторвать себя от того города, который является столицей рейха. Поскольку силы наши слишком слабы, чтобы и дальше выдерживать натиск врага именно здесь, а собственное сопротивление постепенно обесценивается столь же ослепленными, сколь и бесхарактерными субъектами, я хотел бы, оставшись в этом городе, разделить судьбу с теми миллионами других людей, которых уже постигла смерть. Кроме того, я не хочу

попасть в руки врагов, которым, на потеху ими науськанным массам, нужен новый, поставленный евреями спектакль.

А потому я решил остаться в Берлине и здесь по собственной воле избрать смерть в тот момент, когда увижу, что резиденция фюрера и рейхсканцлера удержана больше быть не может. Я умираю с радостным сердцем, зная о неизмеримых деяниях и свершениях наших солдат на фронте, наших женщин в тылу, наших крестьян и рабочих, а также о беспримерном участии во всем этом молодежи, носящей мое имя.

То, что всем им я выражаю идущую от всего сердца благодарность, столь же само собою разумеется, как и мое желание, чтобы они ни в коем случае не прекращали борьбы, а всюду продолжали вести ее против врагов фатерланда, оставаясь верны заветам великого Клаузевица. Из этих жертв наших солдат и из моей собственной связи с ними до самой моей смерти в германской истории так или иначе, но взойдет однажды посев сияющего возрождения национал-социалистического движения, а тем самым и осуществления подлинно народного сообщества.

Многие храбрейшие мужчины и женщины полны решимости до последнего мига связать свою жизнь с моею. Я просил их и под конец даже приказал им не делать этого, а принять участие в дальнейшей борьбе нашей нации. Командующих армиями, военно-морским флотом и люфтваффе я прошу самыми крайними мерами укрепить у наших солдат дух сопротивления в национал-социалистическом смысле этого слова, указав на то, что я, как основатель и создатель этого движения, предпочел смерть трусливому бегству, а тем более капитуляции.

Пусть это станет однажды частью понятия чести германского офицера, как то уже имеет место в нашем военно-морском флоте: сдача какой-либо территории или города невозможна, а командиры должны быть впереди и служить ярким примером верного исполнения своего долга вплоть до собственной гибели.

Перед своей смертью я изгоняю бывшего рейхсмаршала Германа Геринга из партии и лишаю его всех прав, которые могли бы вытекать из указа от 29 июня 1941 г., а также из моего заявления в рейхстаге от 1 сентября 1939 г. Я назначаю вместо него адмирала Дёница рейхспрезидентом и верховным главнокомандующим вермахта.

Перед своей смертью я изгоняю бывшего рейхсфюрера СС и имперского министра внутренних дел Генриха Гиммлера из партии, а также лишаю его всех государственных постов. Я назначаю вместо него гауляйтера Карла Ханке рейхсфюрером СС и шефом германской полиции, а гауляйтера Пауля Гизлера имперским министром внутренних дел.

Геринг и Гиммлер без моего ведома вели тайные переговоры с врагом и вопреки моей воле предприняли попытку в нарушение закона захватить власть в государстве в свои руки, чем причинили стране и всему народу необозримый вред, совершенно не говоря уже о попрании верности мне лично. Желая дать немецкому народу состоящее из достойных людей правительство, которое выполнит свое обязательство продолжить борьбу всеми средствами, я назначаю руководителями нации следующих членов нового кабинета: рейхспрезидент — Дёниц, рейхсканцлер — д-р Геббельс, министр по делам партии — Борман, министр иностранных дел — Зейсс-Инкварт, министр внутренних дел — гауляйтер Гизлер, военный министр — Дёниц, главнокомандующий

сухопутными войсками — Шёрнер, главнокомандующий авиацией — Грайм, министр юстиции — Тирак, культов — Шеель, министр пропаганды — д-р Науман, министр финансов — Шверин-Крозиг, рейхсфюрер СС и шеф германской полиции — Ханке, министр хозяйства — Функ, министр сельского хозяйства — Бакке, министр труда — д-р Хупфауэр, министр вооружения — Зауэр, руководитель Германского трудового фронта и член имперского кабинета — имперский министр д-р Лей.

Хотя некоторое число таких людей, как Мартин Борман, д-р Геббельс и другие, решили по своей воле считать себя, вместе с их женами, неразрывно связанными со мною и не желают ни при каких обстоятельствах покидать рейх, а готовы погибнуть вместе со мною, я все же вынужден просить их подчиниться моему требованию и в этом случае поставить интересы нации выше своих чувств. Благодаря своей деятельности и своей верности соратников они и после моей смерти останутся мне столь же близки, ибо, как я надеюсь, дух мой пребудет с ними и всегда будет сопровождать их. Да будут они твердыми, но никогда несправедливыми! Пусть никогда страх не станет советчиком в их действиях, пусть превыше всего на Земле для них стоит честь нации. И пусть, наконец, они сознают, что наша задача построение национал-социалистского государства является делом грядущих поколений, которое обязывает каждого в отдельности служить общим интересам, не противопоставлять им свои собственные выгоды. От всех немцев, от всех национал-социалистов, от всех мужчин и женщин, от всех солдат вермахта я требую, чтобы они были верны новому правительству и новому президенту и повиновались ему до самой смерти.

Но прежде всего я обязываю руководство нации и общества строжайшим образом соблюдать расовые законы и оказывать безжалостное сопротивление всемирным отравителям мира для всех народов интернациональному еврейству.

Совершено в Берлине 29 апреля 1945 г. в 4.00.

Адольф Гитлер

Свидетели:

*д-р Йозеф Геббельс
Мартин Борман
Вильгельм Бургдорф
Ганс Кребс*